

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Asia 9202.13

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887)

ASSISTANT PROFESSOR
OF HISTORY

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИКЪ

4-й ВЫПУСКЪ

ИЗДАНИЕ
ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА

С. Петербургъ.

1883.

0 *Pravoslavnyi*
ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИКЪ

Томъ II

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫИ

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА

С. Петербургъ

Типографія Ф. Киршбаума, въ д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1883.

H. 1001 1/2

IX 376 Asia 9202.13

Harvard University Library

Gift of

Archibald *[Name]*, Ph. D.

October 31, 1865.

Отъ Спб. Комитета духовной цензуры печатать дозволяется. 15 Октября 1883 г.

П У Т Ъ К Я С И И Я Ю

1881 г.

А. У. *Елизьева*

А. В. Елизьева.

ПУТЬ ВЪ СИНДЮ

1881 г.

ПУТЬ КЪ СИНАЮ.

Весною 1881 г. я задумалъ путешествіе на Востокъ съ этнографо-антропологическою цѣлью; на далекій Востокъ меня уже манило съ дѣтства, особенно въ страну пирамидъ и на побережья таинственнаго Мертваго моря. Географическое Общество, котораго членомъ я имѣлъ честь состоять, оказало мнѣ солидную нравственную поддержку, не требуя отъ меня программы моего предпріятія и не возлагая никакихъ спеціальныхъ порученій, такъ какъ я, по крайней ограниченности моихъ матеріальныхъ средствъ, заключавшихся въ нѣсколькихъ стахъ бумажныхъ рублей, не могъ впередъ строить обширныхъ плановъ. Тѣмъ не менѣе, насколько то позволяли всѣ данныя условія, я задумалъ свое путешествіе въ довольно солидныхъ размѣрахъ, даже не согласовавшихся съ моимъ карманомъ.

Я задался цѣлью, познакомившись предварительно нѣсколько съ памятниками древняго Египта, преимущественно съ доисторическими, пробратъся въ Палестину черезъ всю Каменистую Аравію не наикратчайшимъ путемъ черезъ ег-Тихскую пустыню, а приблизительно по тому пути, котораго придерживались евреи при переходѣ черезъ Аравійскую пустыню и которымъ впослед-

ствіи шли позднѣйшіе путешественники, изучавшіе на мѣстѣ исторію Исхода.

Такъ какъ я могу новаго сказать объ Египтѣ очень не много, то, почти пропуская всѣ подробности моего пребыванія тамъ, о чемъ я скажу въ немногихъ словахъ, собственно описаніе своего путешествія начну только съ Суеца, предпославъ ему однакоже одно общее замѣчаніе.

Во всѣхъ городахъ Востока мнѣ невольно бросалось въ глаза, начиная отъ Константинополя и кончая самыми дикими пустынями Каменистой Аравіи, измѣненіе къ лучшему отношенія мусульманъ къ русскому имени. Имя русскаго или москова, какъ называютъ насъ на Востокѣ, стало честнымъ и грознымъ для мусульманина. Онъ уже не равняетъ русскаго ни съ нѣмцемъ, ни съ французомъ, ни тѣмъ болѣе съ англичаниномъ. Онъ понималъ теперь, что лучше, честный ли врагъ или коварный другъ. „Франсави—тьфу, инкилизъ—тьфу, тьфу, москови якши, таибъ, буонъ, карошъ“, пояснялъ мнѣ капитанъ египетской службы въ вагонѣ Каиро-Александрійской дороги, побывавшій въ плѣну въ хлѣбосольной Московіи. Тоже самое слышалъ я и тамъ, гдѣ я былъ въ сотняхъ верстахъ отъ всякаго населеннаго пункта—въ горныхъ дебряхъ Каменистой Аравіи. Старый шейхъ дикаго племени Терабиновъ (кочующаго въ восточной части Синайскаго полуострова), когда мы посѣтили его лагерь, долго у костра поучалъ своихъ арабовъ значенію москововъ, побѣдившихъ проклятыхъ турокъ, и въ заключеніе поклонился мнѣ, какъ: „папѣ москову“, за котораго онъ меня почему то принималъ. Едва ли старый шейхъ, дикій сынъ пустыни, льстилъ мнѣ, когда я былъ въ его власти, когда онъ не могъ и надѣяться получить хорошей бакшишъ. Пріятно мнѣ было слышать такой

отзывъ о русскихъ въ дикихъ скалахъ Акабинскихъ альпъ, но во сто разъ пріятнѣе видѣть благорасположеніе нашихъ недавнихъ враговъ—турокъ.

Вездѣ, гдѣ только выдавала меня моя національная одежда, вездѣ я встрѣчалъ дружелюбное отношеніе, слышалъ привѣтствія, цѣлыя фразы на ломаномъ русскомъ языкѣ и нигдѣ ничего враждебнаго. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ я былъ на Востоку, я не слышалъ ни одного враждебнаго слова мнѣ, какъ москову, исключая развѣ того, что три полуумныхъ дerviша бросали въ меня камнями въ кипарисной сѣни Скутарійскаго кладбища, думая, что гяуръ пришелъ тревожить сонъ ихъ предковъ. Когда я отступалъ подъ градомъ камней изъ кладбища въ городъ, меня провожали самыми нецензурными русскими ругательствами болгарскія дѣти, а два старика турка разгоняли этихъ сорванцевъ палками. Даже въ недавнее время бомбардированія Александріи, когда бедуины и египетская чернь избивала европейцевъ, одно слово „я московъ“ спасало русскихъ отъ общей участи. Этотъ и тому подобные факты мнѣ сообщилъ одинъ русскій факторъ, много лѣтъ живущій въ Александріи. Съ помощью этого слова онъ спасъ жизнь и себѣ и многимъ своимъ соотечественникамъ. Это, мнѣ кажется, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ тому, что я сказалъ только что объ отношеніи къ намъ мусульманъ Оттоманской имперіи.

Война и сотни тысячъ плѣнныхъ, побывавшихъ въ хлѣбосольной Московіи, съ самой выгодной стороны повлияли на всѣ слои населенія Турецкой имперіи. Разсказами о русскомъ плѣнѣ полны всѣ воспоминанія о прошедшей войнѣ. Не даромъ, говорилъ мнѣ одинъ почтенный турокъ въ Константинополь, многіе ждали насъ изъ Санъ-Стефано. „Мы знали, что русскіе—народъ

*

великодушный, и избавятъ насъ отъ султанской тираніи. Нынѣшніе падишахи не наслѣдники пророка, а недостойные носить даже имя повелителя правовѣрныхъ сыны“. Вотъ его подлинныя слова. Тысячи плѣнныхъ и паломничество на Востокъ къ святымъ мѣстамъ Аона, Святой земли и Синая, усилившееся послѣ послѣдней восточной войны, были лучшими проводниками русскаго вліянія во всѣ закоулки Турецкой земли. Я не говорю уже о томъ, что въ Царьградѣ во многихъ мѣстахъ, на базарахъ, въ гостинницахъ, фотографіяхъ, говорятъ по русски, что понимаютъ по русски жители прибрежныхъ Малоазійскихъ городовъ, но даже на берегахъ Нила можно теперь съ удивленіемъ встрѣтить туземца, маракующаго по русски. Путешествовать, поэтому, теперь русскому по Востоку самое благопріятное время, когда еще свѣжа въ памяти народной послѣдняя восточная война.

Е г и п е т ь .

Я высадился въ Александріи. Александрія, въ настоящее время такъ изуродованная англичанами и защитниками Араби-паши, городъ вполне Европейскій; великолѣпныя площади, асфальтовые тротуары, дворцы, парижскіе магазины съ зеркальными окнами, ландо, музыка въ скверахъ—все это переноситъ васъ въ Европу, если бы красныя тарбуши не напоминали о Востокѣ. Останавливаться въ Александріи для археологическихъ или антропологическихъ изысканій нечего; остатковъ древности слишкомъ мало для такого знаменитаго издревле города. Основанная Александромъ Великимъ, потомъ столица Лагидовъ, Александрія была торговымъ пунктомъ еще со времени египтянъ и финикіянь подъ

именемъ Ракотисъ; позднѣе ея двѣ гавани, освѣщаемыя Фаросомъ, принимали сотни кораблей всѣхъ націй; еще позднѣе она стала столицею европейскаго Египта. Площадь Мегмета-Али съ бронзовою статуею современнаго основателя Египта, дворецъ Цицинія, заключающій множество древнихъ скульптурныхъ украшеній, нѣсколько великолѣпныхъ мечетей, дворцы (расъ ет-Тинъ и др.) и сады, разумѣется, могутъ привлекать туриста. Кто хочетъ полюбоваться флорою Египта — пусть идетъ на берега канала Махмудіе, гдѣ онъ найдетъ рядъ великолѣпныхъ садовъ, гдѣ по вечерамъ играетъ музыка. Садъ грека Антоніади—одинъ изъ самыхъ роскопнѣйшихъ въ Египтѣ и украшенъ массою статуй; въ немъ произрастаетъ вся флора сѣверной Африки и Египта.

Для археолога интереснаго, какъ я уже сказалъ, не много въ Александріи. Остатки Птолемея маяка-Фароса, составлявшаго славу столицы Лагидовъ и представлявшаго башню въ 400 ф. изъ бѣлаго мрамора, нынѣ являются въ видѣ безобразной кучи камней. Отъ Посейдоніума, Тимоніума, Эмпоріума, знаменитой библиотеки, музея и дворца Лагидовъ, прославившихъ Александрію, не осталось и слѣда. Обелиски, еще недавно украшавшіе Александрію, развезены уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Только Помпеева колонна въ 30 м. вышины изъ розоваго гранита, съ изящною капителю, высящаяся еще надъ Александріею вмѣстѣ съ дымовыми трубами ея многочисленныхъ фабрикъ, да катакомбы еще напоминаютъ о древнемъ знаменитомъ городѣ. Древнѣйшія катакомбы на половину разрушены и обвалились. Пробраться по нимъ довольно затруднительно по массѣ обваловъ, и въ настоящемъ видѣ онѣ не представляютъ ничего поучительнаго. Въ Македонскихъ катакомбахъ я

нашелъ только свѣжія человѣческія кости, вѣроятно остатки кровавой драмы, совершившейся въ подземельяхъ. Македонскія, какъ и христіанскія катакомбы, вѣроятно, скрываютъ въ своихъ ходахъ не одну жертву насилія и убійства. Имѣя въ виду осмотрѣть подземелья Бетъ-Джибрина и Іерусалима, я изучалъ нѣсколько внимательно катакомбы Александріи. Ихъ кармусы, кубікулы, селлы и колумбаріи вовсе не походятъ на видѣнные мною въ послѣдствіи части подземелій Бетъ-Джибрина, Харейтуна и даже Іерусалима. Катакомбы Александріи, по моему мнѣнію происхожденія сравнительно недавняго; онѣ не могутъ быть отнесены ко времени троглодитовъ, хотя обломки посуды, лампочекъ съ египетскими рисунками говорятъ объ ихъ почтенной древности. Христіанскія катакомбы у берега моря еще новыя; въ видѣлкѣ ихъ замѣтно еще большее искусство. Всего любопытнѣе въ Александріи для русскаго посѣтитъ Патріархію, гдѣ имѣютъ пребываніе наши паломники, идущіе на Синай. Ихъ пріютъ, вѣроятно, выстроенъ въ принципахъ пастырской заботливости и поддержанія православія на Востокѣ. Представьте себѣ три или четыре подвала безъ окошекъ и дверей съ огромными воротами, съ одними голыми стѣнами, по которымъ бѣгаютъ египетскія ящерицы и пауки, съ нарами и циновками, кишашими всякой фауною,—вотъ помѣщеніе для русскаго паломника! Трудно себѣ представить что нибудь отвратительнѣе этихъ подваловъ, устроенныхъ монахами для пріюта несчастныхъ богомольцевъ. Я не знаю, чего только смотрятъ наши консулы. Имъ, вѣроятно, впрочемъ, некогда, какъ изволилъ выразиться нашъ консулъ въ Саидѣ, когда нѣсколько богомольцевъ, совершившихъ трудное путешествіе на Синай, просили у него помощи. Несчастныхъ отогнали отъ воротъ консульства палками, чтобы

не беспокоили важнаго сановника, занятаго коммерческими разсчетами. Не могу при этомъ не высказать того общаго впечатлѣнія, которое я вынесъ изъ знакомствъ во время моего странствованія съ греческимъ духовенствомъ. Долженъ сознаться, что оно самое несимпатичное изъ всего, что я видѣлъ на Востокѣ. Начиная отъ послѣдняго монаха и кончая такими представителями церкви, какъ патріархи, они ненавидятъ насъ безотчетно, но отъ души. Если и есть еще видимая, показная, якобы любезность къ русскому, то это только маска, необходимая потому, что русскіе составляютъ для греческихъ монаховъ хорошую доходную статью. Отсюда корень всего зла, падающаго на паломниковъ русскихъ, отсюда расшатываніе и безъ того непрочныхъ основъ православія на Востокѣ. Виноваты въ томъ, правда, и мы, но, положи руку на сердце, греческая теократія во сто разъ виновнѣе по отношенію къ намъ. Эта профанція святыни, глумленіе надъ паломниками, высасываніе изъ нихъ послѣдней копѣйки и продажа чуть не испушительныхъ индульгенцій—это тяжкая вина греческаго духовенства не по отношенію къ намъ русскимъ лично, а къ идеаламъ христіанства и всего челоуѣчества.

Изъ Александріи я проѣхалъ въ Каиръ. По дорогѣ я посѣтилъ развалины Саиса нынѣшній Са ел-Хаджаръ, высадившись на станціи Кефръ ел-Цайадъ. Саисъ, — бывшая столица нѣсколькихъ династій фараоновъ, былъ славенъ мистеріями въ честь Озириса и посвященъ богинѣ Нейтъ. Развалины его зданій и стѣнъ напоминаютъ циклопическія постройки. Самая стѣна простирается въ окружности на 2,200 метр. и по формѣ сходна съ паралеллограммомъ. Вышина ея доходила до 80 ф., а толщина до 54. Остатки ея, нѣсколько холмовъ, покрытыхъ развалинами царскаго дворца Амазиса и храма

богини Нейтъ съ гробницами цѣрей, составляютъ главныя развалины Саиса. Въ оградѣ храма находится цѣлый некрополь; не смотря на нѣкоторыя усилія, мнѣ не посчастливилось найти ни одной кости. Отъ станціи Бенха я сходилъ на развалины Атрибуса, состоящія изъ массы самыхъ разнообразныхъ обломковъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ; между ними выдаются остатки храма Гора. Въ развалинахъ Шедіа, занимающихъ тоже огромное пространство замѣчательны два монолита съ именемъ Рамзеса и остатки циклопическихъ стѣнъ и цистернъ.

Посѣтивши Шедіа, я прибылъ въ Каиръ. Я не буду подробно описывать столицы Египта; ея сорокъ сороковъ мечетей дѣлаютъ изъ нея мусульманскую Москву, настоящую столицу магометанскаго міра, и двѣ пирамиды Гизе, привѣтствуя путника еще за двѣ или за три желѣзнодорожныхъ станціи, напоминаютъ о древнемъ Мемфисѣ, на тропѣ котораго Амру основалъ Масръ ел-Кахира. Я остановился въ Джуваніи—подворьѣ Синайскаго монастыря; тамъ русскому полоннику живетъ лучше, хотя еще остается желать многого, особенно чистоты. Въ Джуваніи все таки помѣщенія относительно чище, свѣтлѣе и удобнѣе; они похожи, по крайней мѣрѣ не на катакомбы, а на комнаты.

Такъ какъ Каиръ основанъ Арабами въ X вѣкѣ, то въ немъ нечего искать древностей; но за то окрестности его полны остатками египетской цивилизаціи. Нынѣ Каиръ есть мѣсто, гдѣ сталкивается очень рельефно азіатская цивилизація съ европейскою, и гдѣ еще побѣда остается пока на сторонѣ первой. Весь Египетъ есть страна контрастовъ, а Каиръ, столица его, въ особенноти. Тутъ видишь вокзалъ желѣзной дороги на виду у многовѣковыхъ пирамидъ; видишь желѣзныи мостъ

черезъ Ниль, по которому идутъ караваны верблюдовъ изъ Судана съ черными вожатыми; а по водамъ священнаго Яро (Ниль) бѣгутъ пароходы, на которыхъ везутъ прахъ египетскихъ фараоновъ, добытый изъ раскопокъ въ Верхнемъ Египтѣ. Только въ Каирѣ можно увидѣть на ряду съ разодѣтой по послѣдней парижской модѣ дамою полуобнаженнаго дикаря изъ Судана или Ливіи; рядомъ съ швейною машиною—выставленныя кучи страусовыхъ перьевъ или слоновыхъ бивней; рядомъ съ флегматичнымъ продавцемъ мусульманиномъ—за прилавкомъ юркаго итальянца, которыми кипитъ столица Египта. И чѣмъ болѣе начинаешь знакомиться съ этою фантастическою жизнью, тѣмъ болѣе рѣзкіе контрасты начинаешь находить. Заклинатели змѣй сидятъ у входа въ оперу, поющіе и бѣснующіеся дервиши до сихъ поръ ходятъ по улицамъ, гдѣ выставлены въ зеркальныхъ окнахъ лучшія произведенія Европы; а съ другой стороны въ религіозныхъ процессіяхъ, въ родѣ отпращенія священнаго каравана съ ковромъ въ Мекку или открытія халига—канала Каира, принимаютъ не посредственное участіе наряженные европейцы съ дамами и дѣтьми. Если турки или египтяне перенимаютъ тартибъ (костюмъ) европейцевъ, то и эти послѣдніе одѣваютъ тарбуши, чтобы казаться мусульманами.

Въ Каирѣ есть, что посмотреть. Второй по величинѣ послѣ Константинополя, но первый по духу мусульманскій городъ въ самомъ себѣ представляетъ весь Востокъ. Знаменитая цитадель на склонѣ Моккатама съ дефилеями, въ которыхъ въ 1811 г. были истреблены мамелюки; оригинальные памятники въ родѣ мечети Мегметъ-Али съ прекрасною будто кружевною отдѣлкою, подобною отдѣлкѣ Константинопольскихъ мечетей, съ изящными минаретами и съ гробницею Мегмета-Али; дворецъ

вице-короля, колодцы Юсифа, ископанные въ скалѣ, на глубинѣ почти 90 метровъ, въ два этажа, куда надо спускаться съ извѣстнымъ рискомъ—все это увидишь, не сходя съ холма Моккатамъ, какъ и чудную панораму великаго города съ сотнями, причудливо стремящихся къ голубому небу, минаретовъ, зеленою садовъ, Ниломъ и пирамидами съ пустынею на горизонтѣ. Мечеть Тулуна съ изящною рѣзьбою внутри и инкрустациями изъ слоновой кости, арками и фонтаномъ, мечеть Хассана, Ацкара, Хакема и др. составляютъ лучшую прелесть Каира. Нѣсколько огромныхъ базаровъ со всеми продуктами Судана и Йемена составляютъ особенность Каира, его особенный мѣръ; тутъ можно видѣть цѣлыя горы разнообразныхъ египетскихъ овощей и плодовъ, настоящую смѣсь народностей; тутъ воютъ и пляшутъ дервиши, а въ труппахъ базара можно розыскать и прекрасныхъ алмей, очаровывавшихъ прежде такъ сердца европейцевъ. Несуществуетъ только невольничьяго рынка, куда прежде стекались все прїѣзжіе, чтобы посмотрѣть хорошенькихъ невольницъ, хотя купить невольницу еще возможно въ Египтѣ, не смотря на всю строгость законовъ. Роскошныя восточныя бани, масса уличныхъ фонтановъ, столь необходимыхъ въ такомъ жаркомъ климатѣ, дополняютъ физиономію столицы Египта. Путешественникъ можетъ еще сходить въ текке—обители и посмотрѣть циркъ—религіозный танецъ дервишей, или послушать ихъ завыванія во внутренности ихъ монастырей. Лучшее мѣсто Каира—это осьмиугольная площадь Эзбекие—роскошный скверъ, гдѣ произростаетъ вся флора Египта, съ озеркомъ по срединѣ, цѣлыми зарослями роскошныхъ цвѣтовъ и всеми прелестями садоводства; масса всевозможныхъ великолѣпныхъ кіосковъ для помѣщенія музыкантовъ или ресторановъ и кофеенъ, этихъ необходимыхъ

въ каждомъ мусульманскомъ городѣ заведеній, украшаютъ этотъ садъ; искусственные гротъ и фонтаны дополняютъ прелесть этого уголка, напоминающаго волшебные сады восточныхъ сказокъ. На главной улицѣ Каира—Муски, вы еще встрѣтите магазины, дома и другія строенія въ европейскомъ вкусѣ, но за то весь остальной городъ носить настоящую восточную физиономію; только многочисленные дворцы, да мечети нарушаютъ монотонное однообразіе восточной постройки. Кладбища Каира составляютъ одну изъ главныхъ его достопримѣчательностей. Гробницы калифовъ послѣдней династіи мамелюковъ Борхитовъ представляютъ нѣчто подавляющее и вмѣстѣ съ тѣмъ чарующее своимъ величіемъ—это настоящій городъ мертвыхъ съ дворцами, великолѣпными мечетями, словно точеными минаретами и росписными стѣнами, воротами, красивыми куполами, рельефно вырисовывающимися на желтоватомъ фонѣ выжженной пустыни. Я пропускаю описаніе остальныхъ калифскихъ могилницъ, разбросанныхъ въ городѣ и внѣ его, потому, что это потребовало бы многихъ страницъ. Глазъ устаетъ даже отъ чуднаго разнообразія и пестроты архитектуры этихъ сооружений для мертвыхъ.

Предмѣстіемъ Каира служитъ Старый Каиръ—Фостатъ; это настоящій арабскій городъ, съ знаменитою мечетью Амру, однимъ изъ самыхъ величайшихъ святыницъ ислама. Старый Нилъ омываетъ Фостатъ съ запада; за нимъ за пальмовыми рощами красуются пирамиды. По срединѣ Нила, напротивъ Фостата, расположенъ прекрасный островъ—Рода, тонущій въ роскошной зелени, съ знаменитымъ нилометромъ, измѣряющимъ высоту подъема Нила. Это четырехугольный колодезь, общающійся съ Ниломъ и украшенный въ арабскомъ стилѣ. Другое предмѣстіе Каира—Булакъ замѣчательно

своимъ музеемъ египетскихъ древностей. Масса статуй, саркофаговъ, могильныхъ столбовъ (stèles), мумій, амулетовъ, барельефовъ и т. п. вещей наполняетъ длинный рядъ комнатъ. Древности расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Зала древней имперіи, зала Гиксовъ, зала мумій фараоновъ Египта, зала столбовъ—по богатству своихъ сокровищъ превосходить все египетскія собранія въ Европѣ. Это классическое мѣсто для изученія египтологіи; здѣсь я познакомился въ общихъ чертахъ со всеми проявленіями могучей цивилизаціи Кеми, обращалъ особенное вниманіе на отдѣлъ историческихъ древностей. О волшебныхъ садахъ Шубра, наполненныхъ апельсиновыми или пальмовыми рощами, съ одуряющимъ ароматомъ, мраморными бассейнами, великолѣпными дворцами и кіосками,—я умолчу также какъ и о садахъ Гезирэ, со звѣринцемъ, бамбуками, кокосами, бананами, ананасами и агавами.

Для археолога кромѣ Булакскаго музея всего поучительнѣе будетъ отправиться въ Матаріэ—небольшую деревушку недалеко отъ Каира. Тамъ кромѣ „дерева Богородицы“, онъ увидитъ развалины древняго Геліополиса—Ра, города Солнца, гдѣ сосредоточивалась вся мудрость древняго Кеми и гдѣ учились Платонъ и Евдоксъ. Остатки прежняго величія теперь заключаются въ цѣломъ полѣ и холмахъ обломковъ и монолитовъ, испещренныхъ іероглифами. На развалинахъ города Солнца еще красуется обелискъ изъ цѣлаго камня въ 21 метръ вышиною—одинъ изъ древнѣйшихъ обелисковъ въ Египтѣ; его сооруженіе относится къ 2700 л. до Р. Х. Не далеко отъ Каира и окаменѣлый лѣсъ. Это цѣлое поле, усыянное кусками и обломками стволовъ пальмъ, бамбука и ницолій, достигающихъ огромной величины. Въ пустыняхъ Ливіи, въ Нубіи, Абиссиніи и въ Индо-

китаѣ также находятся подобные остатки; ихъ происхождение надо приписать подземнымъ силамъ, а не водамъ рѣки или ледникамъ, какъ думаютъ нѣкоторые.

Не далеко отъ Каира и двѣ группы пирамидъ—Гизе и Саккары. Хотя и не могу сказать о нихъ ничего новаго, но и умолчать о нихъ я тоже считаю себя не вправѣ, потому что, кто не видалъ пирамидъ, тотъ не видалъ Египта. Этихъ памятниковъ, съ которыми сейчасъ же связывается представлѣніе о древней цивилизаціи Кеми, теперь еще насчитывается до 67; они расположены въ десять или одиннадцать группъ. Такъ какъ созиданіе ихъ начиналось съ центра и онѣ увеличивались извнѣ подобно кристалламъ въ маточномъ растворѣ, то это объясняетъ ихъ неравномѣрную величину, обусловленную только временемъ, употребленнымъ для ихъ сооруженія. Величина огромнѣйшей пирамиды Хеопса, къ которой по преимуществу относятся всѣ описанія и толкованія, въ вышину 137 метровъ, а каждая сторона 230. Восходъ на нее для человѣка съ здоровыми легкими не представляетъ особенныхъ затрудненій. Человѣкъ, привыкшій, подобно мнѣ, много ходить пѣшкомъ и бѣгать, можетъ, не отдыхая, въ семь или восемь минутъ взобраться на самую вершину. Самая вершина нынѣ разрушена и наполнена камнями, на которыхъ изсѣчено множество надписей, въ томъ числѣ и Наполеона I. Видъ отсюда единственный въ мірѣ. Каиръ съ его сорока сороками мечетей, великолѣпные сады Шубры, Рода и Гезирэ на востокѣ; преддверье Сахары, замыкаемое на горизонтѣ линією желтоватыхъ песковъ на западѣ; часть дельты Нила—житницы Египта, простирающаяся къ сѣверу, а на югъ извивающаяся лента Старога Нила и пирамиды Саккары—все это сливается въ одну чудную панораму, на которую смотришь съ высоты пирамиды. Три дня до

моего посѣщенія Хеопсовой пирамиды нѣсколько англичанъ устроили хорошо сервированный обѣдъ на верхушкѣ послѣдней. Остатки этой взбалмошной трапезы еще виднѣлись тамъ, свидѣтельствуя о профанаціи европейца надъ тысячелѣтнею древностью.

Гораздо труднѣе пробраться въ середину этого колоссальнаго сооруженія, куда не пройти никакъ безъ помощи арабовъ, по скользкимъ скатамъ и крутымъ подъемамъ въ абсолютной темнотѣ. Къ такъ называемымъ комнатамъ царя и царицы ведутъ эти таинственные ходы, но ничто не доказываетъ назначенія этихъ горницъ. Саркофагъ изъ розоваго гранита безъ іероглифовъ находится въ большой комнатѣ, но едва ли онъ былъ саркофагомъ. Такъ и напрашивается другое объясненіе значенія пирамидъ, не какъ могильныхъ склеповъ, а какъ храмовъ съ потаенными ходами и горницами, которыхъ доступы были извѣстны только однимъ жрецамъ и въ которыхъ совершались таинственныя мистеріи въ честь Озириса и Изиды или другихъ египетскихъ боговъ. Такъ и кажется, что огромныя пирамиды хранятъ въ своей внутренности много загадочнаго, но только ничего масонскаго, какъ думаютъ почтенные „каменьщики“. По всей вѣроятности, въ огромномъ тѣлѣ пирамиды есть масса ходовъ и горницъ, теперь засыпанныхъ и обвалившихся, и, очень возможно, существованіе тѣхъ галлерей, о которыхъ говоритъ Геродотъ. Давно уже высказывали нѣкоторые наблюдатели мысль, что пирамиды были огромными храмами для совершенія мистерій, куда входъ былъ скрытъ жрецами отъ глазъ и ногъ профана. Подобіе воротъ, засыпанныхъ камнями у ногъ исполинскаго сфинкса, лежащаго недалеко отъ Хеопсовой пирамиды, какъ бы намекаетъ на то, что здѣсь былъ входъ въ пирамиды. Я не буду описывать другихъ пирамидъ

Гизе и сфинкса. Таинственныя животныя эти ничто иное, какъ символъ бога солнца и огня. Сфинксъ Гизе превосходить своею величиною всѣ извѣстныя. Его длина около 57 метровъ; одно лице въ большомъ длинникѣ болѣе 9 метровъ. Между огромными лапами его Кавиглія уже давно открылъ небольшой алтарь; Мариеттъ подробно описалъ этотъ замѣчательный памятникъ, который, какъ онъ доказалъ, еще древнѣе самыхъ пирамидъ. Во времена Хеопса, какъ гласятъ іероглифы, сфинксъ былъ уже реставрированъ. Древность его такимъ образомъ считается тысячелѣтіями.

За пирамидами Гизе идутъ древнія могилы мастаба, относящіяся къ періоду древней Имперіи, извѣстныя по массѣ находокъ. Четырехъ пирамидъ Абузира, четырехъ Дахура, двухъ Мейдума и Абу-роха я описывать не стану, также какъ и семнадцати Саккары, такъ какъ ихъ осмотрѣлъ только мелькомъ. Упомяну только объ оригинальной ступенчатой пирамидѣ (*pyramide à degrés*, какъ ее называютъ французы) въ 57 метровъ вышины съ небольшимъ лабиринтомъ по срединѣ, котораго мы не могли изслѣдовать основательно, не смотря на всѣ старанія. Въ окрестностяхъ Саккары находится поле мумій, усѣянное колодцами или яминами, изъ которыхъ извлекаютъ много мумій, какъ человѣческихъ, такъ и священныхъ животныхъ. Въ каждой яминѣ находятся однородныя муміи, т. е. или человѣческія, или того и другаго животнаго: крокодила, змѣи, кошки, ибиса, быка и др.; очень рѣдко въ одномъ и томъ же колодцѣ добываютъ разнородныя муміи. Цѣлый огромный некрополь идетъ въ окрестностяхъ Саккары на многія квадратныя версты; многія части его не изучены вовсе, потому что на это потребовались бы гигантскія раскопки. Изъ могилъ этого некрополя, относящихся къ однимъ

изъ древнѣйшихъ въ Египтѣ, особенно замѣчательна гробница Ти около ступенчатой пирамиды, представляющая цѣлое зданіе со дворомъ, со статуями и множествомъ колоннъ; внутри его находится нѣсколько комнатъ, стѣны которыхъ исписаны скульптурными изображеніями очень изящной и тонкой отдѣлки.

Не далеко отъ Саккарійскихъ пирамидъ находятся и развалины Мемфиса. Знаменитый храмъ Сераписа, открытый Маріеттомъ изъ кучи песку, съ рядами сфинксовъ при входѣ,—главныя развалины древней столицы Нижняго Египта. Около 150 сфинксовъ украшаютъ входъ въ Серапеумъ, такъ хорошо описанный еще Геродотомъ, повѣствующимъ, что здѣсь древніе египтяне поклонялись Апису—живому богу, воплощавшемуся въ черного быка. Въ концѣ великолѣпной аллеи сфинксовъ, далеко не сохранившихся хорошо, мы встрѣчаемъ нѣчто такое, что кажется поразительнымъ встрѣтить въ египетскомъ храмѣ—это полукругъ статуй греческихъ философовъ—Ликурга, Солона, Платона, Еврипида, Гомера и др. Этотъ рядъ греческихъ геніевъ показываетъ широту взгляда египетскихъ мудрецовъ, отдававшихъ должную дань даже тѣмъ, которые сами приходили изъ Греціи набираться мудрости отъ жрецовъ Аписа и Озириса. За фалангою мудрецовъ Эллады идетъ самый храмъ Аписа съ двумя огромными сфинксами и великолѣпными пилонами въ древне-египетскомъ стилѣ. Тутъ же находятся и два огромныхъ подземелья; одно для погребенія фараоновъ со множествомъ могильныхъ столбовъ съ надписями (*stèles*) и другое для погребенія набальзамированныхъ Аписовъ. Уже теперь найдены остатки около семидесяти Аписовъ; кромѣ того найдены тамъ великолѣпные изъ розоваго сіенійскаго гранита саркофаги и до семи тысячъ статуетокъ. Самые остатки великаго

Мемфиса составляютъ груды камней и нѣсколько изуродованныхъ статуй; въ томъ числѣ и знаменитая статуя Рамзеса II Меямуна,—низверженная нынѣ на землю. Довольно пострадавшія отъ времени развалины Мемфиса, первыя по величинѣ площади, ими занимаемой, далеко еще не изслѣдованы, и Мариеттъ отрываетъ городъ изъ песку, какъ Помпею изъ пепла и лавы.

Изъ Каира мнѣ удалось сдѣлать нѣсколько экскурсій, преимущественно по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Одною изъ первыхъ была экскурсія къ сѣверу на развалины Сана и на берегъ Мензалехскаго озера. Туда я пробрался съ однимъ соотечественникомъ Г-вымъ, пѣшкомъ изъ Абу-Шеку, станціи Даміэттской линіи. Древній Санъ или Танисъ, Цоанъ-евреевъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ Дельты. Такъ какъ съ нимъ связанъ вопросъ о выходѣ евреевъ изъ Египта, то я, намѣреваясь идти по пути израильтянъ, осмотрѣлъ остатки этого города, на сколько могъ, внимательно. Развалины Сана расположены на огромномъ пространствѣ и находятся въ высшей степени разрушенія. Городъ былъ посвященъ Фта и Аммону и возбуждалъ удивленіе иностранцевъ. Этому можно повѣрить, стоя на развалинахъ Таниса. За огромною стѣною, въ нѣсколько сотъ аршинъ длиною, валяются остатки великаго города, обломки колоннъ, стѣнъ, украшенныхъ іероглифами и группа поверженныхъ обелисковъ временъ Рамзеса II, расположенныхъ попарно. Кромѣ того на грудѣ развалинъ красуются еще остатки храмовъ въ видѣ монолитовъ и гранитныхъ колоннъ съ пилястрами. Масса находокъ, сдѣланныхъ въ Санѣ, относится ко времени Гиксовъ, въ эпоху которыхъ Танисъ игралъ первенствующую роль, не уступавшую Мемфису и Фивамъ.

Воротясь въ Каиръ, я отправился вверхъ по Нилу

до Мейдума, а потомъ по желѣзной дорогѣ въ Мединетъ ел-Фаюмъ. По дорогѣ мы проѣхали почти мимо всѣхъ пирамидъ Нильской долины. Около ел-Фаюма есть деревушка Бегигъ съ поверженнымъ обелискомъ, покрытымъ іероглифами. Отсюда мы пробрались пѣшкомъ къ Меридову озеру съ Г-вымъ, моимъ попутчикомъ во всѣхъ странствованіяхъ по Египту. Озера нынѣ не существуетъ. Линанъ намѣтилъ его границы своими изысканіями между Ливійскою цѣпью и плотиною. Тутъ же находятся и остатки знаменитаго лабиринта возлѣ развалинъ древняго Крокодиліополиса. Огромное строеніе, заключавшее въ себѣ до 1,500 комнатъ, расположенныхъ въ два этажа, хорошо описано Геродотомъ. Нынѣ оно представляетъ развалины, въ которыхъ еще можно различить развѣ только перегородки отдѣльныхъ комнатъ, сообщающихся одна съ другою посредствомъ коридоровъ. Остатки этого колоссальнаго зданія показываютъ, что оно состояло изъ трехъ корпусовъ, замыкавшихъ огромный дворъ, четвертая сторона котораго была защищена пирамидою. Отъ Мейдума по желѣзной дорогѣ я отправился въ Сіуть. По дорогѣ я останавливался у развалинъ Кинополиса, гдѣ осматривалъ массу колодцевъ, въ которыхъ находятъ множество мумій собакъ; у Бенъ-Гассана, переѣхавши на жалкой лодчнкѣ черезъ Ниль на его правый берегъ, я пробрался къ погребальнымъ гротамъ, высѣченнымъ въ скалахъ. Нѣкоторыя могилы при входѣ украшены рядомъ изящныхъ колоннъ; по іероглифическимъ надписямъ видно, что могилы относятся ко временамъ XII династіи. Рисунки древнеегипетской жизни, изображенные на стѣнахъ этихъ гротовъ, не столько занимали меня, какъ сходство этихъ погребалищъ и съ катакомбами Александріи, и съ нѣкоторыми древнееврейскими гробницами, которыя я впоследствии увидѣлъ въ

Палестинѣ. Гроты Тель ел-Амарна еще интереснѣе; они даютъ лучшее указаніе на религіозную жизнь Египта. Масса комнатъ, изсѣченныхъ въ горныхъ породахъ, украшена различными изображеніями изъ культа Огня. Особенно замѣчательно между ними изображеніе солнечнаго диска, всѣ лучи котораго оканчиваются руками, символизирующими шедрыя даянія бога Солнца. Въ честь этого свѣтлаго бога въ гротахъ Амарна совершались величественныя религіозныя церемоніи, на которыя собирался весь Египетъ.

Всѣ эти небольшія экскурсіи отъ желѣзнодорожныхъ станцій мы совершали съ товарищемъ частью пѣшкомъ, а частью на ослахъ, останавливаясь въ коптскихъ монастыряхъ, расположенныхъ по обѣимъ берегамъ Нила. Самое лучшее воспоминаніе оставили эти некомфортабельныя, но полныя особенной прелести экскурсіи. Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ пробираться по незнакомой странѣ, самому разыскивать пути и достигать цѣли. Масса дорожныхъ приключеній, масса встрѣчъ, нужда, острящая разумъ, — все это даетъ случай въ сравнительно небольшое время достаточно познакомиться съ страной и притомъ несравненно дешевле. Такое путешествіе я могу рекомендовать всякому, желающему ближе познакомиться съ страной и получить впечатлѣнія, которыя бы не забывались всю жизнь.

Совершивъ еще экскурсію къ Маабдѣ къ гроту крокодиловъ, наполненному муміями этихъ животныхъ, я прямо отправился въ Сіутъ — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Египта, посвященный Анубису. Издревле этотъ городъ извѣстенъ своимъ некрополемъ, вырытымъ въ Ливійскихъ горахъ и состоящимъ изъ массы погребальныхъ комнатъ. Есть кромѣ того и колодцы человѣческихъ мумій и іероглифы на стѣнахъ склеповъ, повѣ-

*

ствующихъ о дѣлахъ погребенныхъ. На гроты Сіута, какъ и Амарна я обратилъ особенное вниманіе, зная, что придется на своемъ пути еще много изучать погребальныхъ камеръ, вырубленныхъ въ камняхъ, особенно въ Палестинѣ.

Изъ Сіута я имѣлъ сперва намѣреніе пробраться въ Оивы, но изведясь матеріальными средствами, повернулъ назадъ въ Каиръ, а оттуда немедленно въ Суецъ. По дорогѣ, остановившись у Загазига, я посѣтилъ развалины Бубастиса, издревле знаменитаго своими празднествами въ честь богини Бастъ—египетской Артемиды. Огромныя развалины даже въ настоящемъ своемъ жалкомъ видѣ показываютъ, что городъ былъ великолѣпнѣе; обломки колоннъ, обелисковъ, пропилеевъ, храмовъ и дворцовъ гордо еще возвышаются на зеленѣющихъ вокругъ поляхъ. Не найдя нигдѣ пристанища, мы заночевали подъ открытымъ небомъ на развалинахъ Бубаста; мускиты, змѣи и гіены не дали намъ покоя всю ночь. Отъ крылатыхъ мучителей насъ не спасали ни густые покровы, ни куреніе, ни безпрестанное движеніе. Нѣсколько гіенъ „даба“, какъ ихъ здѣсь называютъ, какъ привидѣнія, ходили между развалинами древняго города и пугали насъ до утра. Едва мы дождались зари, какъ отправились обратно въ Загазигъ, а оттуда черезъ Измаилію въ Суецъ мимо ряда горькосоленыхъ озеръ и болотъ, которыя пересѣкъ каналъ Лессепса. Нынѣшній Суецъ, смѣнивъ греческую Клизму и арабскій Тель Кользумъ, занятый нынѣ наконецъ англичанами, уже не принадлежитъ собственно Египту, имѣя огромное міровое значеніе.

Суецомъ окончилось мое пребываніе въ Египтѣ; меня уже тянуло подальше отъ показной цивилизаціи, подальше отъ феллаха раба и его тирана турка или европейца, въ страну, которой безконечныя пустыни идутъ

до Персидскаго залива, храня остатки древней цивилизаціи и служить обиталищемъ бѣднаго, но свободнаго и гордаго населенія. Недалеко та страна отъ Египта; сейчасъ за каналомъ она уже начинается во всей своей дикой простотѣ и величіи. Обогните Суецкую бухту—и вы уже въ пустынь, далеко отъ современнаго Египта, далеко и отъ феллаха раба, далеко и отъ его тирана. Многіе для того и прѣзжаютъ въ Суецъ, чтобы хотя глазкомъ взглянуть на пустыню, гдѣ блуждалъ Израиль.

Обозрѣвъ, такъ сказать, на лету достопримѣчательности Египта, я тѣмъ не менѣе приготовился этимъ предварительнымъ обозрѣваніемъ и экскурсіями къ специальному изученію Каменистой Аравіи, гдѣ еще можно было встрѣтить слѣды древней цивилизаціи Египта фараоновъ. Такъ какъ мое обозрѣніе было про себя, безъ солиднаго изученія остатковъ цивилизаціи Кеми, то я и ограничился потому только краткимъ перечисленіемъ всего того, что видѣлъ. Это было сдѣлать необходимо, такъ какъ я съ одной стороны боялся утомить вниманіе читателей описаніемъ того, что не могу описать хорошо, не повторяя словъ другихъ, а съ другой я не считалъ себя вправѣ опустить сухаго перечисленія въ очеркѣ, представляющемъ болѣе или менѣе полное описаніе моего путешествія.

Въ общемъ о памятникахъ Египта я могу сказать съ горечью на сердцѣ только одно, что человекъ свято-татственною рукою коснулся ко всѣмъ этимъ тысячелѣтнимъ древностямъ и часто не съ цѣлью научною, а для удовлетворенія празднаго любопытства и минутной прихоти. Поле мумій распаивается однимъ французомъ подъ пшеницу, изъ развалинъ храмовъ Озириса и Изиды строятся жалкія лачуги феллаховъ, вѣчныя пирамиды, по одному взбалмошному проекту, едва не были осуж-

дены на разрушеніе для добычи камня на постройку казармъ! *Sic transit gloria mundi!* Необходимо установить строгій правительственный надзоръ надъ памятниками Египта; иначе они будутъ игрушкою въ рукахъ туристовъ. Мнѣ пришлось побывать въ Скандинавіи, гдѣ археологія въ такомъ почетѣ и гдѣ памятники древности составляютъ государственную собственность; даже въ далекой Лапландіи я не могъ безконтрольно обращаться съ древними могилами лопарей, хотя бы онѣ состояли изъ простой кучи камней. Не то въ Египтѣ, гдѣ всякій расхищаетъ все, что хочетъ, только были бы деньги, да охота.

Скажу теперь еще нѣсколько словъ объ Египтѣ вообще, не рѣшаясь набрасывать картины его внутренней жизни по причинѣ моего поверхностнаго знакомства съ нею. Нынѣшній Египетъ уже не есть Египетъ, какъ любятъ говорить египетскіе патріоты. Въ городахъ Дельты нынѣ замѣсто обелисковъ высятся фабричныя трубы, замѣсто пирамидъ—огромные заводы; а воды отца Нила проведены за десятки верстъ во всѣ стороны для приведенія въ движеніе сотней ткацкихъ станковъ, усердно разводимыхъ нынѣ французами и итальянцами. Это даетъ намъ случай сказать нѣсколько словъ и о полоненіи Египта иностранцами, преимущественно же итальянцами и французами, а нынѣ послѣ Араби-Паши и англичанами. (Наши замѣчанія, разумѣется, будутъ относиться къ Египту до политическихъ движеній 1882 года).

Мы не будемъ распространяться о томъ значеніи, какое имѣютъ иностранцы на всю внѣшнюю и внутреннюю политику Египта; такъ самые выдающіеся дѣятели его и администраторы—иностранцы, одѣвшіе тарбуши и назвавшіеся бейми и пашами, но мы не можемъ обойти молчаніемъ того, что вся внутренняя жизнь Египта

движется исключительно руками чужеземцевъ, и вся внѣшняя торговля его въ рукахъ итальянцевъ и англичанъ; земледѣльцы Нижняго Египта теперь начинаютъ замѣсто примитивнаго древне-египетскаго способа пользоваться земледѣльческими орудіями, въ большомъ количествѣ ввозимыми въ страну Фараоновъ; болѣе же богатые землевладѣльцы имѣютъ даже паровыя мельницы и локомобили, управляемые, разумѣется, иностранцами; горные инженеры Верхняго Египта—англичане и французы, техники также; всѣ торговыя компаніи подѣ иностранными фирмами; телеграфъ и почта всецѣло въ рукахъ иностранцевъ, потому что египетскимъ почтамъ никто не довѣряетъ. Въ Египтѣ есть почта французская, итальянская, австрійская, но почта правительственная только потому и существуетъ, что она собственно почта французская. Въ столицѣ Египта въ самыхъ дикихъ закоулкахъ красуются итальянскія и французскія вывѣски; цѣлый кварталъ Каира и его главная улица Муски представляетъ настоящую колонію европейцевъ. Во всѣхъ значительныхъ городахъ Египта есть итальянскія, нѣмецкія и французскія колоніи; онѣ идутъ по Нилу далеко вверхъ и доходятъ до Абиссиніи; въ самомъ Гондарѣ, мнѣ говорили, есть итальянская колонія. Египетъ, по справедливому выраженію одного патріота, подвергся второму нашествію Гиксовъ, но, увы, теперь ему не дожидаться своего Псаметиха, потому что въ Египтѣ нѣтъ египтянъ. Араби-паша недавно очень неудачно сыгралъ трудную роль Псаметиха.

Успѣхи промышленности, развитіе земледѣлія и улучшение путей сообщенія видоизмѣнили и самую флору страны, а съ нею и ея фауну. Обыкновенными растеніями Египта нынѣ являются, кромѣ массы хлѣбныхъ, овощныхъ и луговыхъ растеній, еще финиковыя и думь

пальмы, кактусъ (*Opuntia*), акаціи (*Mimosa* и *Nilotica*), тамариксы (манновыя деревья), сикоморы, фиги, всевозможные яблоки, груши, абрикосы и т. п. плодовые деревья. Фауна сильно поуменьшилась, и качественно, и количественно. Въ Нижнемъ Египтѣ едва ли можно встрѣтить крокодила, тогда какъ въ древности ихъ тамъ водилось множество. Нынѣ они начинаютъ попадаться только съ Ассуана; ибисы, фенеки, ихневмоны, марабу и др. представители египетской фауны отодвигаются отъ населенныхъ мѣстъ на западъ и на востокъ въ пустыни. Самыя гіены и шакалы не воютъ нынѣ у воротъ Каира и не ходятъ по городамъ Дельты, какъ это еще бывало недавно. Даже орлы, эта обыкновенная птица, сильно поуменьшились въ числѣ. Не стали такъ обильны, какъ прежде, самыя змѣи; извѣстныя *Scythale Puthamidium* (*Aspis Cleopatrae*) далеко не попадаются такъ часто, какъ утверждаютъ старые путешественники. Пропалъ совсѣмъ изъ Нила до первой катаракты страшный *Tritonux*; пропадаетъ постепенно и *Siluris electrica*. За то мустики и всякая мошкара (скнипы Израиля) и мориады двукрылыхъ не уменьшаются въ числѣ, составляя бичъ туриста и путешественника, пока онъ не привыкнетъ къ Египту. Священный жукъ (*Scarabeus religiosus*) и скорпионъ донинѣ очень обыкновенны въ развалинахъ. Слоновъ, бегемотовъ, львовъ и антилопъ уже не встрѣчается вовсе въ Египтѣ; они появляются только на границахъ Нубіи и Судана. Съ уменьшеніемъ числа дикихъ звѣрей скотоводство, птицеводство и разведеніе рыбъ въ странѣ дѣлаютъ замѣтные успѣхи; искусственное высиживаніе цыплятъ въ египетскихъ печахъ, практиковавшееся еще во времена Геродота, понынѣ составляетъ важную отрасль промышленности.

Суецъ.

Насмотрѣвшись Египта современнаго и взглянувши глазкомъ на Египетъ фараоновъ, насъ потянуло въ пустыню, вдаль отъ этой мишурной цивилизаціи, подъ которою скрываются одни лохмотья феллаховъ, ихъ, изсѣченныя курбашемъ (бегемотовымъ хлыстомъ), спины и облѣпленныя мухами и грязью дѣти съ одной стороны и роскошныя дворцы съ гаремами красавицъ знатныхъ пашей и омусульманившихся европейцевъ — съ другой. Я уже начиналъ уставать отъ обзора Египта современнаго и былъ очень радъ, когда очутился въ Суецѣ.

Суецъ—послѣдняя станція показной египетской цивилизаціи на Востокъ; за нимъ уже нѣтъ ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни гостинницъ, а безграничная пустыня, какъ море, горныя дебри и корабли пустыни—верблюды и свободный бедуинъ. Изъ Суеца идутъ корабли моря во все страны міра на югъ, а корабли пустыни на востокъ въ Аравійскія пустыни къ величайшимъ святынямъ христіанскаго и магометанскаго міра и въ Палестину, и на Синай, и къ священнымъ городамъ Геджаса. Хотя и неизвѣстно существовалъ ли Суецъ во времена фараоновъ, но, по всей вѣроятности, надо допустить, что такой важный пунктъ, какъ сѣверная оконечность Краснаго моря, бывшаго для Египта—*mare nostrum*, не могъ не обратить вниманіе древнихъ обитателей Кеми. Это предположеніе становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ окрестностяхъ нынѣшняго города пролегалъ каналъ фараоновъ, за нѣсколько тысячъ лѣтъ предупредившихъ Лессепса. Позднѣйшіе греческая Клизма и арабскій Кольцумъ, развалины которыхъ лежатъ неподалеку, въ XV вѣкѣ уступили мѣсто

Суецу, которому съ 1869 года суждено расти и умножаться.

Не смотря на довольно высокую цѣну, требуемую за пропускъ судовъ по каналу, число послѣднихъ, проходящихъ черезъ Саидъ и Суецъ, возрастаетъ даже не въ ариѳметической пропорціи. Въ 1870 году около 486 судовъ прошло черезъ каналъ, въ 1875 г. ихъ было уже 1,494, а въ 1881 году воспользовалось каналомъ 2,717 судовъ. Самый городъ, бывшій до сооруженія канала жалкою деревушкою, полузасыпанною въ пескахъ, съ нѣсколькими сотнями жителей, получавшихъ прѣсную воду изъ Каира, теперь имѣетъ уже до 20,000 жителей; его портъ, вмѣщающій до 500 судовъ, увеличенъ еще образованіемъ новаго рейда—у порта Ибрагима, созданнаго среди залива на небольшомъ песчаномъ островкѣ, соединенномъ посредствомъ желѣзно-дорожной дамбы съ городомъ. Нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго въ этомъ городѣ. Не смотря на сравнительное многолюдство, онъ какъ-то выгладитъ, по прежнему, мертвымъ городомъ и не мудрено, что всякій, кто можетъ, тотчасъ же бѣжитъ отсюда черезъ пустыню къ источникамъ Моисея, гдѣ находятся сады и виллы жителей Суеца.

Въ ожиданіи верблюдовъ, мнѣ пришлось болѣе сутокъ провести въ Суецѣ. Посѣтивъ образцовый англійскій госпиталь, я остальное время отъ нечего дѣлать бродилъ по песчаному берегу, собирая раковины, которыми усыяна поверхность отлива. Подъ вечеръ волна прилива нахлынула такъ быстро, что только быстрота ногъ моихъ спасла меня отъ фараоновой гибели. Въ Красномъ морѣ волна прилива и отлива чрезвычайно быстра и высока; поэтому нерѣдки несчастные случаи.

Съ помощью добрыхъ людей, которыхъ случайно нашель (въ томъ числѣ одного офицера египетской службы,

бывшаго въ плѣну въ Россіи), я очень скоро и дешево заплучилъ четырехъ верблюдовъ и трехъ проводниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяиномъ животныхъ. Двое изъ проводниковъ, Ахмедъ и Рашидъ, говорили ужаснѣйшею смѣсью французскаго съ итальянскимъ, а третій Юза очень порядочно по французски, хвастаясь кромѣ того еще знаніемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ, которыхъ онъ слышался отъ нашихъ синайскихъ богомольцевъ. Мои проводники были народъ прекрасный. Въ ихъ отличныхъ качествахъ я имѣлъ случай убѣдиться много разъ, и долженъ сознаться, что разставался съ ними чуть не со слезами въ послѣдствіи у воротъ Іерусалима, такъ какъ ихъ вѣрность, честность и преданность относительно меня были безупречны. Положа руку на сердце, могу сказать, что только благодаря этимъ тремъ честнымъ арабамъ, я прошелъ счастливо пустыню. Я не могу, поэтому, удержаться, чтобы не описать хотя вкратцѣ портрета моихъ спутниковъ, съ которыми я дѣлилъ всѣ радости и невзгоды труднаго скитанія по Аравійской пустынѣ въ продолженіе пятидесяти дней.

Юза, хозяинъ верблюдовъ (hedjine) былъ вмѣстѣ съ тѣмъ моимъ переводчикомъ и поваромъ; Ахмедъ былъ спеціально проводникомъ и обѣщался меня провести по такимъ мѣстамъ, по которымъ едва ли блуждалъ еще европеецъ въ восточной части Синайскаго полуострова, а Рашидъ, отчаянный храбрецъ, клялся бородою своего отца, дѣда и прадѣда, что доставитъ меня невредимымъ въ ел-Кудсъ (Іерусалимъ). Всѣ они были изъ разныхъ арабскихъ племенъ полуострова. Юза изъ племени Саваллиха кочующаго по всей западной части Каменистой Аравіи, Ахмедъ изъ городскихъ арабовъ Тора, а Рашидъ изъ кочевниковъ Терабиновъ, обитающихъ по сѣ-

вернымъ склонамъ ет-Тиха. Все это были люди крѣпкіе, съ хорошо развитою грудью и мускулами — настоящіе крѣпыши. Юза выдавался своимъ значительнымъ ростомъ, въ 1, 7 метра, а Рашидъ отличался замѣчательно острымъ зрѣніемъ; онъ видѣлъ уерберы (Нугах *syriacus* — небольшое толстокожее съ сурка величиною) чуть не на разстояніи версты. Ахмедъ былъ типъ настоящаго араба. Длинное овальное лицо, совершенно бронзоваго цвѣта, безъ проблеска румянца, окаймленное узкою лентою черной, какъ смоль, бороды, съ небольшими, опущенными и сливающимися съ бородою, усами, черными, съ миндалевидными разрѣзами, глазами, опущенными черными рѣсницами, орлинымъ, немного загнутымъ, носомъ и красивымъ ртомъ, придававшимъ всей его фізіономіи настоящую восточную красоту. Рашидъ былъ болѣе грубаго типа и далеко не такъ красивъ. Онъ носилъ въ себѣ какъ бы примѣсь берберской крови, приплюснутый кончикъ носа, немного узкіе глаза и выдающіяся скулы не гармонировали съ огнемъ его арабскихъ глазъ, прекрасною бородою и изящнымъ ртомъ съ прекрасными зубами. Юза скорѣе всего походилъ на феллаха Нижняго Египта по типу лица, хотя своимъ ростомъ и сложениемъ онъ выдавался даже между арабами пустыни. Черты лица его были тонки, но далеко не такъ изящны, какъ у Ахмеда. Я немножко остановился на описаніи фізіономіи своихъ проводниковъ, но, описывая ихъ, я описалъ три главныхъ типа, которые встрѣчаются и между арабами Каменистой Аравіи. На своихъ проводникахъ я сдѣлалъ первыя и самыя подробныя антропологическія наблюденія и измѣренія, которыя и послужили основаниемъ дальнѣйшихъ наблюденій. Эти послѣднія, въ своей совокупности, и даютъ мнѣ право установить извѣстныя антропологическія категоріи для подраздѣленія бедуиновъ

полуострова, болѣе или менѣе согласныя съ ихъ племеннымъ дѣленіемъ.

Всѣ мои проводники были отлично вооружены порядочными ружьями и ятаганами; я вооружился тоже оружіемъ, привезеннымъ изъ Россіи; три Вессоновскихъ и одинъ Кольтовскій револьверы и четыре ружья давали намъ возможность имѣть въ своемъ распоряженіи до тридцати выстрѣловъ сразу. Такимъ образомъ, отправляясь въ походъ, мы были готовы на все; намъ рекомендовалась полная осторожность въ обращеніи съ арабами пустыни, тѣмъ болѣе, что они были не совсѣмъ покойны, и еще годъ тому назадъ ограбили и убили одного итальянскаго путешественника. Не смотря на то, что месть была совершена съ настоящею египетскою жестокостію ¹⁾, нельзя было, все таки ручаться за безопасный и свободный путь въ восточной части Каменистой Аравіи, особенно на границахъ Палестины.

Глядя на моихъ проводниковъ, къ которымъ сразу почувствовалъ довѣріе, я радовался и преисполнялся надеждою, что совершу благополучно свой трудный путь. Обстоятельства заставили меня избрать дѣйствительно самое ужасное время для перехода черезъ пустыни, — май и іюнь мѣсяцы, когда пустыня становится мертвою вполнѣ, попадаемая жгучими лучами аравійскаго солнца, когда высыхаютъ источники, дуетъ жгучій самумъ, когда даже арабъ неохотно идетъ въ пустыню. Я это зналъ и готовился на всякія лишенія, потому что не хотѣлъ ворочаться, достигнувъ уже Суеца. Выборъ такого времени года, когда рѣдкій путешественникъ отправляется

¹⁾ Племя, въ предѣлахъ обитанія котораго было совершено насиліе, постигъ ужасный погромъ: 7 старшинамъ были отрублены головы и вывѣшены за волоса на ворота „сушиться“.

даже на Синай, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полезенъ для меня; мало того—даже прямо обезпечилъ мой путь. Едва ли въ другое, особенно въ весеннее время, на свои скудные средства я могъ выполнить, предназначенный мною, планъ путешествія, потому что всѣ верблюды въ разгонѣ. Теперь же верблюды были въ застоѣ, заработки, какъ вообще въ лѣтнее время въ Египтѣ, плохи, и проводники были рады первому попавшемуся нанимателю и отдаютъ себя и животныхъ въ распоряженіе за дешевую цѣну. Избалованные вообще высокими цѣнами, которыя даютъ нѣкоторые шальные путешественники, верблюдохозяева и проводники въ сезонное время для посѣщенія Синайскаго полуострова дорожатся ужасно и цѣна въ 25 франковъ за верблюда въ день не считается неслыханною; были нѣкоторые туристы, которые давали и по 40 франковъ въ день, лишь бы только показать свое умѣнье бросать деньги. Условія, при которыхъ я сошелся съ моими проводниками, были нѣсколько исключительны, и въ высшей степени благопріятны для меня. Всѣ трое моихъ арабовъ, много разъ бывавшіе въ пустынѣ, хотѣли давно побывать въ священнѣхъ для мусульманъ городахъ ел-Халилѣ (Хевронѣ) и ел-Кудсѣ (Иерусалимѣ) и потому рады были сопутствовать мнѣ въ Палестину, гдѣ Юза думалъ продать своихъ верблюдовъ и вернуться черезъ Яффу и Саидъ моремъ. Мы сошлись, поэтому, по неслыханно дешевой цѣнѣ по три франка за верблюда въ день и по два на человѣка, не считая Юзы, какъ хозяина.

Вкратцѣ опишу и костюмъ моихъ проводниковъ, такъ какъ самъ скоро облачился въ него по выѣздѣ изъ Суеца; мои походные большіе сапоги и суконная одежда оказались очень тяжелыми и непрактичными для пустыни еще при экскурсіяхъ въ Египтѣ, гдѣ часто при-

ходилоь буквально падать въ изнеможеніе отъ тяжести одѣянія. На головѣ мои арабы носили красныя тарбуши, обмотанныя отъ солнца еще бѣлыми тюрбанами; на тѣлѣ они имѣли длинныя хлопчатобумажныя синія рубашки (камись); подобіе брюкъ изъ грубаго самодѣльнаго полотна, небольшой кожаный ремень и темный плащъ изъ козьей шерсти (цабуть) довершали ихъ костюмъ. На ногахъ были одѣты остроконечныя красныя башмаки (цербунъ). Въ нѣсколько часовъ въ Суецъ и мнѣ смастерили костюмъ араба; бѣлый тюрбанъ, рубаха, большія туфли и бѣлый бурнусъ смѣнили мои русскіе сапоги, походную блузу, фуражку и пальто.

Въ тотъ же день мы накупили провизіи, насколько то позволялъ мой скудный кошелекъ. Читая приготовленіе другихъ путешественниковъ и совѣты Бедекера и Изабера, даже смѣшнымъ становился контрастъ между приготовленіями нашими къ переходу черезъ пустыни и сборами туристовъ, готовящихся по Бедекеру. Ни голубей, ни индюшекъ, ни сгущеннаго молока, ни шоколада мы не брали съ собою, — не только что складныхъ желѣзныхъ кроватей, цѣлыхъ погребовъ вина, волосяныхъ матрацовъ, роскошныхъ палатокъ и цѣлыхъ кухней съ поварами и поварятами. Мнѣ всегда смѣшнымъ казалось путешествовать такъ, чтобы не замѣчалось, что путешествуешь, чтобы по возможности путешествіе напоминало домашнюю обстановку со всеѣмъ его комфортомъ, исключая развѣ окружающей обстановки, которой полагается разнообразиться. Путешествіе тогда только и дѣйствуетъ облагораживающимъ образомъ на умъ и сердце, закаляя тѣло и поучая умъ, т. е. приноситъ несомнѣнную пользу, когда сопряжено съ извѣстнаго рода лишеніями. Для человѣка натуры здоровой, свѣжаго душою и бодрого духомъ, чѣмъ болѣе такое путешествіе

представить лишній, тѣмъ болѣе оно будетъ пріятно. О такомъ путешествіи всегда вспомнить будетъ отрадно и легко. Я слыхалъ путешественниковъ, которые рассказывали, возвращаясь домой, гдѣ и въ какихъ городахъ Верхняго или Нижняго Египта они угощались тѣмъ или другимъ, гдѣ находили рейнвейнъ или пулярдку, гдѣ встрѣчали какую нибудь томную красавицу арабку; о томъ, что видѣли, или что приобрѣли они или умалчиваютъ, или отдѣлываются общими мѣстами. Многіе, я знаю, и путешествуютъ такъ себѣ—или отъ скуки, или оттого, что некуда дѣвать деньги, или даже потому, чтобы попробовать прелести иноземныхъ удовольствій или другихъ ощущеній. *De gustibus non est disputandum!*

Нашъ небольшой караванъ, поэтому, былъ снабженъ только самымъ необходимымъ. Даже весьма существенныхъ предметовъ, вродѣ палатки или даже зонтика, мы не могли захватить съ собою по недостатку матеріальныхъ средствъ. Верблюды наши несли запасу только на десять дней для себя и своихъ хозяевъ; весь нашъ продовольственный запасъ состоялъ въ хлѣбѣ, финикахъ, оливкахъ, сырѣ, красномъ винѣ и чаѣ съ сахаромъ, по русскому обычаю. Котелокъ, чайникъ, двѣ корзины, куда мы должны были набирать топливо на пути, нѣсколько пустыхъ бурдюковъ, для наполненія ихъ водою при переходѣ черезъ безводныя мѣста, пустые мѣшки для коллекцій, да наши особы—вотъ и все, что помѣщалось на горбахъ нашихъ дромадеровъ. Впослѣдствіи, палимые невыносимымъ зноемъ и буквально прожариваемые на лучахъ аравійскаго солнца, мы много разъ сожалѣли о томъ, что не имѣемъ настоящей палатки, подъ которой могли бы найти хоть минимальную тѣнь, хотя ничтожную защиту отъ жгучихъ лучей и жгучаго песка пустыни. Въмѣсто шатровъ мы думали

употреблять наши плащи и бурнусы, одѣтые на пики, а замѣсто кроватей и матрацовъ — песокъ пустыни, крытый тѣми же плащами. Какъ подспорье нашему скудному провіанту, мы надѣялись временемъ кое-что доставать отъ бедуиновъ, а также раздобываться дичью, какую могли встрѣтить въ горныхъ дѣбряхъ Каменистой Аравіи. Не смотря на такую скудость снаряженія каравана, проводники были очень довольны собою и мною и величали меня „московомъ-пашею“.

Плохо спалось мнѣ наканунѣ отъѣзда. Незвѣстность, тяготящая всегда человѣка передъ отъѣздомъ въ невѣдомыя мѣста, смутное предчувствіе чего то нехорошаго, боязнь недостатка въ матеріальныхъ средствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкое чувство, испытываемое каждымъ при стремленіи въ туманную даль, надежда на добрые результаты и масса другихъ ощущеній волновали мой умъ, не давая ему забыться во снѣ. Наконецъ, убаюканный посвистомъ бури, шумѣвшей на взморьѣ, я уснулъ. Подъ утро меня разбудилъ странный концертъ. Два араба на голосистыхъ флейтахъ наигрывали безпрестанно, а трое подпѣвали имъ такъ усердно, что въ голосѣ уже слышались нотки хрипоты. Пришлось посему встать и собираться въ путь.

На восходѣ солнца пришелъ Ахмедъ и сообщилъ, что верблюды мои уже за каналомъ въ походной аммуниціи. Облачился и я въ тюрбанъ араба, прибавивъ еще на голову соломенную шляпу, и на русской костюмъ одѣлъ бѣлый бурнусъ. Туалетъ свой закончилъ, еще заткнувши за поясъ револьверъ и надѣвъ на глаза темные съ сѣтками консервы. На берегу мы сѣли въ небольшую арабскую лодченку съ жалкими лоскутками, замѣ-

нявшими паруса. Довольно насъ покачало и побросало волнами, прежде чѣмъ мы достигли противоположнаго берега, пересѣкши бухту и каналъ въ виду порта Ибрагима. Вступивши на землю у шаттъ ел-Бахра, гдѣ стояли наши животныя, я былъ уже въ Азіи. Уложивши окончательно свой багажъ, прицѣпивши и оружіе, мы стали взбираться на дромадеровъ. Не надо смѣшивать верблюда съ дромадеромъ;—это не совсѣмъ одно и то же. Верблюдь (жемель) есть вьючное животное, а дромадеръ (геджини) замѣняетъ въ пустынѣ верховую лошадь. Цѣлый отрядъ египетской кавалеріи имѣетъ подъ сѣдломъ дромадеровъ. По свисту Юзы мои верблюды согнули колѣна и опустились на землю; я вскарабкался на спину передняго и самаго статнаго и кое какъ усѣлся на арабскомъ очень неудобномъ сѣдлѣ вполнѣ также, какъ на лошади. Когда по другому свисту огромное животное начало приподниматься, начиная съ задъ, я чуть не упалъ ничкомъ. Это былъ первый опытъ путешествія на верблюдѣ, къ которому я потомъ такъ привыкъ. Когда я укрѣпился прочно на горбѣ животнаго, Юза взялъ его подъ уздцы и повелъ впередъ. Тихими, мѣрными, но почти саженными шагами тронулся мой дромадеръ; за нимъ пошли гуськомъ и другія животныя. Путешествіе наше и переходъ черезъ пустыню начались уже тогда, когда солнце стояло высоко и утренняя свѣжесть смѣнилась зноемъ, который однако умѣрялся легкимъ береговымъ вѣтромъ.

Я сказалъ уже выше, что намѣревался пройти черезъ Каменистую Аравію, придерживаясь болѣе или менѣе пути Евреевъ при ихъ переходѣ черезъ Синайскую пустыню, хотя моею спеціальною цѣлью было обозрѣніе полуострова съ антропологической точки зрѣнія. Такъ какъ я, все таки, большую часть шелъ по слѣ-

дамъ Израильтянъ, то я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о томъ вопросѣ, который давно занимаетъ ученыхъ—о мѣстѣ выстуленія Евреевъ при бѣгствѣ ихъ изъ Египта подъ предводительствомъ Моисея. О фактахъ библейскихъ спорить нечего; кто былъ на Синайскомъ полуостровѣ и вчитывался въ книгу Исхода на мѣстѣ, тотъ пойметъ, что эту книгу могъ написать только человекъ, близко знакомый съ физическими условіями страны, человекъ, бывшій хорошимъ вождемъ своего народа. Самый выборъ пути не черезъ египетскую пустыню, гдѣ огромный народъ не могъ бы найти себѣ не только никакого пропитанія, но даже и воды для питья, а кружною дорогою черезъ Синай и Моавію показываетъ хорошаго вождя въ предводителѣ Евреевъ.

Относительно мѣста Исхода Израильтянъ существуетъ много разногласій. Въ Библии городъ, откуда вышли Евреи, называется Рамзесъ (Исх. XII, 37); но такого города не существовало впоследствии, и мы не знаемъ, къ какому изъ городовъ Нижняго Египта относилось это наименованіе. Одни думаютъ, что это былъ Вавилонъ (нынѣ Старый Каиръ), другіе—Гелиополисъ, гдѣ понынѣ есть еще обелискъ съ именемъ Рамзеса, а третьи въ библейскомъ Рамзесѣ видятъ Санъ. Последняя гипотеза Бругша, основанная на изученіи гіероглифическихъ памятниковъ, болѣе всего заслуживаетъ вниманія, хотя и она не выдерживаетъ всесторонней критики. По этой гипотезѣ переходъ евреевъ отъ Сана былъ не черезъ Черное море, а черезъ часть Средиземнаго или, вѣрнѣе сказать, большаго Сербонійскаго озера, которое разстилалось тогда между Дельтою, Суецкимъ перешейкомъ и Средиземнымъ моремъ. Согласно этому предположенію, библейскій Элимъ переходитъ на мѣсто Моисеевыхъ колодезь, а горькій источ-

*

никъ Марра въ горькія озера, черезъ которыя нынѣ прошелъ морской каналъ. Всѣ библейскія мѣста, такимъ образомъ, отодвигаются къ сѣверу вмѣстѣ съ Синаемъ и окружающими горами.

Соглашаясь вполнѣ съ Бругшемъ, что евреи не переходили Краснаго Моря, мы думаемъ, подойдя къ вопросу о мѣстѣ Исхода съ другой стороны, стать на болѣе положительную точку зрѣнія. Судя по геологическому строенію почвы и массѣ раковинъ, сходныхъ съ раковинами, до нынѣ существующими и въ Красномъ морѣ, и въ Средиземномъ, мы думаемъ, что Суецкій перешеекъ, во времена Исхода, не былъ еще перешейкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а цѣпью болотъ и озеръ, въ которыя съ сѣвера врѣзывалось озеро Мензале, а съ юга глубокой Гіерополитанскій заливъ; этотъ заливъ захватывалъ собою и горькія озера Тымсахъ, составляющія останки этого внутренняго моря. Въ виду доказаннаго для Суецкаго перешейка поднятія, понятно изъ гипсометрическихъ данныхъ, что въ то время, когда была еще дномъ морскимъ добрая часть нынѣшняго перешейка, море заливало и долину Тумилать и озеро Тымсахъ, и другія горькія озера, черезъ которыя впоследствии проходилъ морской каналъ Сезостриса, Нехао, Дарія Гистаспа, Птоломея Филадельфа, Траяна, Амру. Такія же возвышенности, какъ ел-Гизръ (на 16 метровъ выше уровня Средиземнаго моря) на сѣверѣ и джебелъ Генеффэ съ юга и отроги юга Рахійскаго хребта на востокъ служили соединяющимъ звѣномъ земель перешейка съ дельтою. Около этихъ мостовъ глубоко врѣзывающійся заливъ Гіерополитанскій (нынѣшній Суецкій) былъ настолько не широкъ и не глубокъ, что легко его можно было перейти даже такой массѣ людей, какъ Евреи. По нашему мнѣнію, такимъ

образомъ, переходъ состоялся черезъ эту, несуществующую нынѣ, часть моря, гдѣ-нибудь около ел-Гизръ или Тусуна, потому что Тумилать должна была быть еще затопленною, если заливъ Суецкій доходилъ до Тымзахъ. При такой постановкѣ вопроса—и самое мѣсто выступленія евреевъ отодвигается нѣсколько къ югу и легко совпадаетъ съ Герополисомъ, Вавилономъ или, еще вѣроятнѣе, съ Бубастомъ—величайшимъ городомъ древняго Египта, лежащимъ на восточной окраинѣ дельты. Неглубокій заливъ, песчаное дно и отливъ, могущій обнажать на цѣлыя версты дно морское, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ дѣлаетъ переходъ очень возможнымъ и нисколько не чудеснымъ. Это осушеніе дна морскаго могло произойти и отъ порывовъ сильныхъ вѣтровъ, дующихъ въ пустынѣ. Нѣкоторые старики помнятъ, что до прорытія канала очень нерѣдко заливъ у Суеца во время бурь освобождался отъ воды у береговъ, и тогда можно было проходить по морю, яко по суху. Въ тѣ времена верблюды, идущіе на Синай, обыкновенно не огибали даже бухты, а прямо переходили ее въ бродъ. Только работы при прорытіи канала Лессепса, явившагося продолжателемъ дѣлъ фараоновыхъ, углубили фарватеръ Суецкой бухты, часто заносимой и нынѣ пескомъ.

Не прошло и получаса съ той поры, какъ мы сѣли на верблюдовъ, какъ мы уже были въ настоящей пустынѣ. Правда, за нами еще виднѣлся Суецъ, зарывшійся въ песокъ, и Измаилія; справа вилась серебряная лента Суецкаго залива съ огромною, красноватою, съ обрывистыми склонами джебелъ Атаки на Африканскомъ берегу, какъ бы господствовавшей надъ заливомъ, а впереди привѣтливо манили къ себѣ пальмы айнь Муса, но за то на востокъ, за невысокими хол-

мами отроговъ ер-Рахійской цѣпи, шла безконечная мертвая пустыня. На югѣ, уже на далекомъ горизонтѣ, вставали темными громадами исполины Синайскихъ горъ. Чувствовалось уже, что мы вдыхаемъ воздухъ пустыни — сухой, прокаленный, озонированный... Несмотря на то, что Реомюръ показывалъ около 30°, мы бодро сидѣли на верблюдахъ, наслаждаясь необъятною ширью пустыни, манившей въ туманную даль нашъ небольшой караванъ. Въ первый день всякаго пути идетъ весело и бодро. На голубомъ небѣ парили большіе египетскіе орлы; въ песчаныхъ холмахъ берега рѣзвились стаи пестрыхъ песчанокъ; откуда-то доносились серебристыя трели жаворонка, но онѣ скоро затерялись въ синевѣ воздуха, и мы не слышали этой милой птички потому до горъ Петры. Мы шли песчанною, ровною мѣстностью, въ какой-нибудь верстѣ отъ морскаго берега; дорога наша была проторена верблюжими слѣдами; масса раковинъ валялась на пескѣ; между ними попадались экземпляры, одинаково сродные какъ Средиземному, такъ и Красному морю, въ родѣ красивой Гемель (*Pteroceras*), Цитрей, Нерить, даже обломки небольшихъ коралловъ и остатки морскихъ ежей.

Десять километровъ, отдѣляющихъ Суецъ отъ айнь Муса: колодцевъ Моисеевыхъ, были быстро пройдены, и мы уже располагались у знаменитыхъ источниковъ, подъ тѣнью тамарисковъ. Кусты артемизіи, дельфиніумовъ, подорожника, салсола, эуфорбій и пр. скудно росли на песчано-глинистой съ суглинкомъ почвѣ, хотя въ общемъ оазисъ пріятно выдѣлялся въ пустынѣ. Небольшія поля ячменя указывали на извѣстное плодородіе почвы. Самые источники представляютъ простыя ямины въ почвѣ, изъ которыхъ наибольшая до трехъ аршинъ въ діаметрѣ; одно изъ этихъ отверстій обдѣлано въ ка-

менную, довольно грубой работы, оправу въ родѣ бассейна; вода источниковъ порядочна для пустыни, хотя солоновата, мутна и тепла. Эти колодцы питають много садовъ жителей Суеца, которые любятъ удаляться сюда изъ своего, попаляемаго солнцемъ, города. Въ садахъ этихъ хорошо растутъ пальмы, особенно оживляющія этотъ оазисъ, мимозы, акаціи, розы, олеандры и другія цвѣточныя растенія; масса птицъ, щебечущихъ въ яркой зелени садовъ, наполняетъ жизнью этотъ райскій уголокъ пустыни. Лучшіе сады принадлежатъ нашему консульскому агенту Костѣ. Отдѣльные сады отгорожены или небольшими каменными оградами, или живою изгородью кактусовъ, какъ во многихъ мѣстахъ Египта и Палестины.

Около сотни арабовъ приютилось въ этомъ хорошенькомъ оазисѣ, въ квадратную версту величиною. Какъ только наши верблюды остановились, насъ окружило нѣсколько арабовъ и стало нахальнѣйшимъ образомъ выпрашивать бакшишъ. Не обращая вниманія на просителей, я пошелъ въ чашу тамарисковъ осматривать источники; многіе изъ нихъ лежатъ въ огородахъ и садахъ туземцевъ. Нѣсколько злыхъ собакъ остановили меня, и я долженъ былъ долго отбиваться, пока не пробился къ самымъ источникамъ, у которыхъ я встрѣтилъ одно греческое семейство, бывшее на прогулкѣ въ садахъ айнь Мусы. Въ пріятномъ обществѣ я провелъ время до 4 часовъ пополудни, когда мы снова собрались въ путь, предварительно смѣривъ за три шіастра головы двухъ арабовъ садовниковъ и молодой арабки горничной моихъ новыхъ знакомыхъ.

На мѣстѣ Моисеевыхъ колодцевъ, гласитъ библейское сказаніе, Моисей и Израильтяне принесли хвалебную пѣснь Богу за чудесный переходъ и избавленіе

отъ руки Фараона. Съ точки зрѣнія Бругша, источники Моисеевы—благословенный Элимъ съ 12 колодцами и 70 пальмами. Намъ кажется, что напрасно Бругшъ переводитъ этотъ послѣдній такъ близко къ Суецу, основываясь только на мнѣическомъ Мигдолѣ и Суккоѣ, у которыхъ совершился переходъ, по его мнѣнію. Источники въ пустынѣ, подобной Синайской, въ теченіе многихъ столѣтій одни могли изсохнуть, другіе явиться снова. Во время обширной канализаціи древняго Египта прѣсные источники могли существовать даже тамъ, гдѣ теперь нѣтъ ихъ и слѣдовъ, когда пески засыпаютъ самый каналъ, какъ засыпали каналъ Фараоновъ. Ни о Моисеевыхъ колодцахъ, ни объ Элимѣ, какъ о библейскихъ источникахъ, прямо говорить невозможно; тѣмъ болѣе, что аинъ Муса тоже происхожденія не особенно давняго. До сихъ поръ ничто не указываетъ, чтобы они принадлежали даже ко времени Фараоновъ. Ни одной находки мною сдѣлано тутъ не было, тогда какъ у другихъ источниковъ далѣе, въ пустынѣ, я находилъ каменные орудія почтенной древности.

Въ этомъ прекрасномъ оазисѣ мы встрѣтили и большой караванъ арабовъ племени Савалиха, человѣкъ около 70, шедшій на какой то праздникъ въ окрестности Суеца. Юза тотчасъ же нашель земляковъ, съ которыми онъ, послѣ долгихъ привѣтствій, маханій руками и комплиментовъ, вступилъ въ оживленный разговоръ. Отъ нечего дѣлать я съ любопытствомъ разсматривалъ эту живописную группу. Не богаты были ихъ одежды; лохмотья покрывали тѣло нѣкоторыхъ изъ сыновъ пустыни, но благородная осанка, огненный взоръ и свобода во всѣхъ движеніяхъ отличали свободаго бедуина отъ забитаго полуфеллаха—араба городовъ. Много и горячо что то толковали они между собою и съ Юзою, и изъ

ихъ тѣлодвиженій я понялъ, что рѣчь ихъ шла о моей особѣ. Наконецъ изъ толпы арабовъ отдѣлился одинъ съ сѣдою бородою въ зеленой чалмѣ, показывавшей въ немъ хаджи (поклонника Мекки) и, приложивъ руку ко лбу, подошелъ ко мнѣ и началъ длинную рѣчь, которую Юза мнѣ переводилъ съ грѣхомъ пополамъ по французски. Старый арабъ говорилъ, во-первыхъ, длинныя привѣтствія, пересыпая ихъ *es salâm aleikum* (миръ вамъ), потомъ восхвалялъ мои добродѣтели и моихъ праотцевъ, и въ заключеніе просилъ меня оказать помощь его сыну, узнавъ, что я принадлежу къ званію *hukama* (врачей). Нельзя было отказать старику, и я въ первый же день моего путешествія по пустынѣ сталъ врачомъ. У молодого араба былъ огромный нарывъ, который я, разумѣется, быстро вскрылъ и перевязалъ чѣмъ попало подъ руки. Во время этой операціи старикъ сообщилъ мнѣ, что на востокѣ „у святыхъ городовъ“ (какъ называютъ арабы Мекку и Медину) снова появилось „джинно-туси“, по арабски: дыханіе или вѣяніе злаго духа, о которой неизвѣстно было уже около пяти лѣтъ. Болѣзней этою, по словамъ шейха, хворають, по преимуществу, хаджи, идущіе отъ поклоненія священной Каабѣ. Я понялъ сразу тогда, что дѣло идетъ о какой то инфекціи, зародившейся въ городахъ Іемена и идущей съ паломниками черезъ пустыню. Позднѣе я получилъ отъ бедуиновъ Ферана такое подробное описаніе этой болѣзни, что не сомнѣвался въ томъ, что это ничто иное, какъ холера. Эти слова араба были первымъ извѣстіемъ, полученнымъ мною въ пустынѣ, о холерѣ 1881 г., которой суждено было впослѣдствіи такъ напугать всю Европу и всполошить весь медицинскій міръ. При разставаніи съ караваномъ шейхъ мнѣ подарилъ ока (около 3 фунтовъ) порядочнаго табаку; хотя я и не курю, но

чтобы не обидѣть старика, я принялъ подарокъ, отвѣтивъ ему перочиннымъ старымъ ножикомъ. По размѣнѣ подарковъ мы разстались друзьями. Разсматривая людей каравана, я впервые увидалъ среди арабовъ пѣстыни индивидуумовъ бѣлокураго типа; ихъ было около восьми; одинъ изъ нихъ былъ съ рыжеватою бородою и непріятными сѣрыми глазами. Эти блондины между брюнетами арабами, еще замѣченные Пруннеръ-бсемъ, вѣроятно, потомки смѣшаннаго племени, образовавшагося изъ семитическихъ туземцевъ и бѣлокураго народа сѣверной расы Тамху, вторгнувшійся въ сѣверную Африку изъ-за моря во времена, которыя уже знаютъ гіероглифы Египта. Впослѣдствіи я успѣлъ прослѣдить и далѣе распространенность бѣлокураго типа среди арабовъ Синайскаго полуострова, также какъ и пограничныхъ частей Палестины.

Отъ айнь Муса до джебелъ Хаммамъ Фираунъ.

Отдохнувши у колодцевъ айнь Муса и, дополнивъ свои бурдюки свѣжею водою, мы тронулись въ путь, когда немного поспалъ полденный жаръ. По прежнему, мы пошли, придерживаясь близко моря, откуда вѣяло небольшою прохлагою вечерняго вѣтра. Едва мы вышли изъ-подъ пальмъ, осѣняющихъ Моисеевы источники, какъ снова очутились въ пустынѣ, которою и шли до вечера. Сумерки въ Египтѣ бываютъ незначительны; ихъ скоро смѣняетъ полный вечеръ; въ пустынѣ, гдѣ солнце свѣтитъ, пока не скроется на горизонтѣ, не заслоняясь ничѣмъ, они еще скорѣе. Около девяти часовъ вечера мы остановились уже на ночлегъ въ уади Хардіе, пройдя около четырехъ часовъ отъ айнь Муса.

Вся пройденная дорога была до крайности однообразна. Та же песчаная пустыня, тѣ же небольшіе прибрежные холмы, тѣ же слѣды верблюжьихъ ногъ, полузанесенные пескомъ, и тотъ же сухой бурьянъ, мѣстами торчащій изъ песку. Прекрасная серебрястая лента Суецкаго залива, идущая вдоль нашего пути, была гладка, какъ стекло, и отражала и голубое небо, и лучи заходящаго солнца. Изрѣдка только тихая зыбъ рябила поверхность воды, которая, наконецъ, при самомъ закатѣ приняла настоящій красноватый или багряный оттѣнокъ. Но не отъ него Черное море издревле называлось Краснымъ; причиною тому были мириады красныхъ инфузорій, временами появляющіяся въ этомъ морѣ и придающія ему дѣйствительно багровый цвѣтъ. Явленіе это случается очень рѣдко; но нѣкоторымъ натуралистамъ удалось его наблюдать. Вскорѣ красноватая поверхность Суецкаго залива потемнѣла; пробѣжали по ней и золотистые и серебрястые проблески, и она изъ багровой стала темноглубою, а потомъ свинцовою. Какъ чайки бѣлокрылыя, на поверхности засыпающаго моря кое-гдѣ виднѣлись бѣлые паруса арабскихъ лодченокъ, спѣшившихъ въ Суецъ; гордо разсѣкая и волнуя улегшуюся водную массу, пробѣжалъ остъ-индскій пароходъ и оставилъ за собою длинную полосу дыма въ воздухѣ, на водѣ колыхающійся слѣдъ.

Джебель Атака, царившій своею громадою надъ противоположнымъ берегомъ, уже закутывался въ вечерній туманъ и становился мрачнѣе; на востокъ потемнѣли невысокія горы ер-Рахійской цѣпи, на югъ впереди насъ горизонтъ замыкали черныя громады далекихъ Синайскихъ горъ. Послѣдній лучъ догоравшаго солнца золотилъ еще ихъ зубчатая верхушки, когда на пустыню уже ложился вечерній покровъ. Уже довольно

стемнѣло, когда мы расположились на ночлегъ и, не мудрено, что заблесталъ огонь маяка на расѣ Зафаране, а два или три судна тоже зажгли свои красные и зеленые огоньки на мачтахъ. Пустыня уже давно спала. Съ непривычки ѣздить на верблюдѣ я чувствовалъ сильную головную боль и нѣкоторое непріятное ощущеніе во всемъ тѣлѣ отъ неудобнаго сидѣнья на томъ сѣдлѣ, на которомъ пришлось сразу сдѣлать около тридцати верстъ. Поэтому я чувствовалъ настоящую потребность въ отдыхѣ. Быстро были развьючены наши верблюды и пущены пощипать клочковъ бурьяна, полыни и травки въ родѣ *Echium*; мы же начали располагаться къ первому ночлегу среди пустыни.

Первымъ дѣломъ мы разостлали свои плащи на песокъ, а изъ мѣшковъ и другой одежды устроили себѣ нѣчто въ родѣ изголовья. Юза же въ это время старался развести небольшой костерокъ, на которомъ уже закипалъ мой походный чайникъ. Рапидъ пробовалъ было что-то бормотать изъ корана себѣ подъ носъ, но, не поддержанный никѣмъ, углубился въ созерцаніе кипящаго чайника, относительно употребленія котораго онъ сильно недоумѣвалъ. Когда же, наконецъ, вскипѣла вода, взятая изъ Моисеевыхъ источниковъ, и былъ заваренъ чай, недоумѣніе моихъ спутниковъ достигло высшей степени. Одинъ Юза казался невозмутимымъ. Когда же мои арабы извѣдали вкусъ калашниковскаго чая, то пришли въ неописуемый восторгъ и, смакуя каждый глотокъ, расхваливали чудный московскій „tchai“. Напившись чаю, мы закусили хлѣба съ оливками и сыромъ и, завернувшись въ бурнусы, улеглись спать. Сладко было прилечь послѣ трудового дня даже на ложѣ изъ песку; словно гнѣздышко какой нибудь пустынной птицы, казалась мнѣ полянка, выложенная плащомъ вмѣсто

другой подстилки. Заѣсто матраца и перины служилъ песокъ пустыни, заѣсто шатра—ширь необъятнаго неба...

Долго я не могъ заснуть, волнуемый разными мыслями. Взоръ мой невольно устремлялся вверхъ и блуждалъ въ темноглубокомъ небѣ, мерцающемъ тысячею звѣздъ. Ни тучка, ни перистое облачко не помрачали его; оно было прозрачно и чисто, какъ воздухъ; на горизонтѣ его синева темнѣла и какъ то незамѣтно сливалась на югѣ съ зубчатою линіею далекихъ горъ, на западъ же, сѣверъ и востокъ оно растилалось темно-голубымъ шатромъ. Воздухъ былъ бальзамиченъ и сухъ, какъ воздухъ пустыни. Кругомъ было все полно мертвенной тишины и спокойствія; ни одна птичка не чиркала; не жужжалъ даже комаръ. Море было также недвижно, паруса и огни какъ бы затерялись въ его раздольѣ. Приподнялся я и поглядѣлъ на наше становище. Оно походило на мертвое. Четыре дромадера наши, казавшіеся громадными въ сумракѣ ночи, лежали недвижно, понутивъ свои головы, проводники спали богатырскимъ сномъ, напоминая убитыхъ на полѣ сраженія...

Много мыслей пробѣгало у меня въ головѣ, но надъ всѣми царила одна, что я нахожусь среди пустыни, что передо мною лежитъ широкая даль, углубляясь въ которую, я буду все дальше и дальше уходить отъ цивилизаціи въ глубь тѣхъ Аравійскихъ пустынь, гдѣ блуждалъ сорокъ лѣтъ Израиль, гдѣ съ юныхъ лѣтъ воображеніе, настроенное вдохновеннымъ библейскимъ рассказомъ, рисовало и камни, источающіе воду, и Моисей Боговидца, и грозный Синай, откуда избранному народу въ громахъ говорило Божіе Слово. Какъ-то страннымъ, похожимъ на волшебный сонъ, казалось, что я черезъ нѣсколько недѣль изъ лѣсовъ Новгородскихъ перенесенъ

на границу Азіи и Африки на тотъ мостъ, около котораго вращалась половина исторіи древняго міра, и что я иду путемъ бодрaго народа, прошедшаго пустыни Аравійскія, прожившаго нѣсколько тысячелѣтій и оставшагося вѣрнымъ себѣ и своему закону. Когда кругомъ все дышало библейскими воспоминаніями, тогда невольно въ воображеніи возникали цѣлыя библейскія картины великаго событія — переселенія цѣлаго народа, идущаго въ невѣдомыя страны, въ таинственную даль и ищущаго земли Обѣтованной. Когда посвѣжѣло немного, я заснулъ. Тихо и безмятежно мы провели первую ночь въ пустынѣ.

Я проснулся на другой день уже тогда, когда солнце поднялось надъ холмами ер-Рахійской цѣпи и начало пригрѣвать желтоватый песокъ пустыни. Не смотря на увѣщеванія Юзы, я не могъ удержаться отъ прекрасной прихоти — сдѣлать версты полторы къ берегу и искупаться въ кристальной водѣ Краснаго моря, пока готовится чай и завтракъ. Часовъ около восьми мы, уже навьючивъ своихъ дромадеровъ, выступили снова въ походъ. Рашидъ съ воинственнымъ азартомъ рвался впередъ, какъ бы ища невидимаго непріятеля.

Вчера мы проѣхали уади Реянэ и Хардіе — небольшія и бесплодныя ложбинки. Уади называется на востокѣ длинная узкая долина, обыкновенно русло потока, по которому струится или струилась вода при зимнихъ дождяхъ или въ ледниковый періодъ. На западномъ склонѣ Синайскаго полуострова большая часть этихъ уади представляетъ настоящія русла высохшихъ рѣкъ, начинающихся отъ предгорій ер-Раха и впадающихъ расширенными устьями въ заливъ. Многія изъ уади прихотливо извиаются между каменными громадами и какъ бы пробиваются эти послѣднія въ своемъ стремленіи къ морскому берегу.

Настоящій нашъ путь лежалъ по той же песчаной пустынь, какъ и вчера; песокъ былъ очень мелокъ и неопредѣленнаго бѣловатаго цвѣта. Въ разное время дня пустыня принимаетъ различные оттѣнки, что обуславливается отчасти состояніемъ неба, а, главнымъ образомъ, игрою солнечныхъ лучей на неопредѣленномъ фонѣ песковъ. На солнцѣ въ полдень песокъ этотъ блеститъ нестерпимымъ для глазъ бѣлымъ свѣтомъ; золотые и сѣрые тоны придаютъ еще болѣе ослѣпительной красоты этому морю свѣта. По утрамъ пустыня принимаетъ розоватый свѣтъ съ фіолетовымъ оттѣнкомъ; во время короткихъ сумерокъ песчаная равнина, какъ металлическая пластинка, отблещиваетъ всѣми тѣми тонами, какіе имѣетъ заходящее солнце. Иногда при хорошемъ закатѣ небольшіе песчаные холмы кажутся просто огненными; такъ красиво играютъ на нихъ лучи догорающаго солнца. Только жизнью яркихъ красокъ и переливами цвѣтовъ живетъ пустыня, представляя изъ себя не только море песку, но также и цѣлое море свѣта.

Весь тотъ день мы пробирались по сыпучимъ пескамъ и не очень страдали отъ зноя, потому что насъ освѣжаль немного морской вѣтерокъ, производившій сильную зыбь на морѣ. Арабскія лодченки такъ и рѣяли по волнамъ на всѣхъ парусахъ; ихъ быстрое движеніе, а также плески набѣгающихъ волнъ оживляли мертвый песчаный берегъ; на пескѣ, впрочемъ, мы видѣли нѣсколькихъ змѣй неизвѣстнаго мнѣ вида и стаи песчанокъ и береговиковъ, усѣвшихся на прибрежныхъ отмеляхъ. Я не буду описывать шагъ за шагомъ нашего пути; это было бы слишкомъ утомительно; мой рассказъ будетъ скорѣе эпизодическій, чѣмъ въ формѣ дневника, потому что правильный дневникъ нами веденъ былъ

только до Синая, послѣ котораго начались такія лишенія при переходѣ черезъ восточныя пустыни, что часто рука отказывалась писать, а голова перебирать видѣнное.

Небольшія уади Мераци, Ате и Судръ мы перешли очень быстро еще до полудня. Въ первой изъ нихъ мы повстрѣчали огромную кучу камней, подъ которою, по преданію, было погребено тѣло арабскаго шейха. Такихъ могилъ, приписываемыхъ различнымъ шейхамъ и святымъ бедуиновъ пустыни, много встрѣчается на полуостровѣ. Большинство ихъ, по нашему мнѣнію, представляютъ остатки болѣе древняго человѣка, потому что у нѣкоторыхъ встрѣчаются орудія палеолитической эпохи. Уади Мераци, какъ и остальные двѣ, были пустынны и мертвы; только песокъ, лежащій въ ихъ ложбинахъ, сталъ не такъ ослѣпительно бѣлъ, а принялъ желтоватый и сѣроватый оттѣнокъ, сгущавшійся по направленію къ западу и какъ то незамѣтно переходившій въ поверхность залива. Мѣстами почва стала хрящевата отъ массы мелкихъ камней, затруднявшихъ путь нашимъ животнымъ.

Въ тотъ день у меня сильно кружилась голова, по всей вѣроятности, отъ непривычной ѣзды на верблюдѣ и значительнаго зноя вмѣстѣ. Я испытывалъ приступъ настоящей морской болѣзни, которой вообще мало подверженъ. Ѣзда на верблюдахъ у человѣка непривычнаго дѣйствительно способна вызвать различныя разстройства, особенно при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ она совершается. Верблюдъ идетъ особеннымъ своеобразнымъ шагомъ или рысцею, причемъ весь его огромный корпусъ совершаетъ колебательныя движенія. Мнѣ кажется, аллюръ дромадера гораздо сложнѣе аллюра лошади; центръ тяжести послѣдней не подверженъ такому

перемѣщенію при аллюрѣ, какъ у перваго. Сидишь себѣ и качаешься на спинѣ высокаго животнаго, и это продолжается нѣсколько часовъ сряду, а сверху такъ и палитъ невыносимо на безоблачномъ небѣ пустыни африканское солнце. Темные консервы еще спасаютъ зрѣніе отъ ослѣпительнаго блеска пустыни и моря, переливающихся серебромъ и золотомъ; безъ нихъ глазъ не выдерживаетъ этого моря свѣта, и невольный спазмъ закрываетъ вѣки. Мнѣ стало понятно, почему настоящія ужасныя глазныя эпидеміи господствуютъ среди обитателей пустыни. Вѣчная сухость атмосферы, высушивающая соединительную оболочку глаза, вѣчная пыль, механически и химически дѣйствующая на глаза, сильный жаръ, обуславливающій гиперемію кожи лица и глазницъ, а также то море свѣта, которое представляетъ пустыня въ безоблачный день, обуславливаютъ не только страданія внѣшнихъ частей зрительнаго аппарата, но глубоко поражаютъ самые нервныя элементы его. Плохое питаніе, нездоровая вода, антигигіеничность жизненныхъ условій и нѣкоторыя другія причины болѣе чѣмъ достаточны для того, чтобы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Каменистой Аравіи и Египта около половины всего населенія страдало глазами и чтобы на десять человѣкъ былъ одинъ слѣпой на оба глаза.

Около двухъ дней мы шли, такимъ образомъ, по песчаной степи, блуждая, какъ дѣти Израиля, три дня, не находя воды (Исходъ XV). Все это время приходилось довольствоваться водою изъ бурдюковъ, уже начинавшею портиться. Дорогу намъ указывали, тамъ и сямъ разбросанныя, кости верблюдовъ, какъ своеобразныя вѣхи, подымавшіяся изъ желтоватаго песку; въ одномъ мѣстѣ лежало до восьми верблюжьихъ костьковъ сразу и еще три человѣческихъ скелета. Мои провод-

ники рассказывали, что эти остатки принадлежат каравану, который застал самумъ въ пустынѣ въ то же самое время, какъ ѣхали и мы. Несчастные, всѣ погибли; спасся только одинъ мальчикъ. Онъ разрѣзалъ павшему верблюду животъ, выпустилъ оттуда всѣ внутренности и залѣзъ въ укромное мѣстечко. Предоставляю каждому по усмотрѣнію вѣрить или не вѣрить рассказу Ахмеда. Свирѣпствовавшая недавно въ Египтѣ чума перешла частью и въ пустыню на арабское племя Терабиновъ, которые кочевали въ то время около канала, и скосила много жертвъ. Юза мнѣ рассказывалъ объ ихъ могилахъ, находящихся у подножія ер-Раха, но мы не видали ихъ ни одной; часть человѣческихъ костей, попадающихся въ пустынѣ, тоже, вѣроятно, своимъ происхожденіемъ обязана различнымъ болѣзнямъ.

Дойдя до уади Варданъ, мы взяли вверхъ по направленію къ джебелъ ер-Раха. Пикъ уади Варданъ, не особенно возвышающійся надъ невысокими горами хребта, замыкалъ выходъ изъ соименной уади. Такъ какъ въ послѣдній день мы уклонились нѣсколько отъ моря въ глубь страны, то мы уже черезъ два часа были у подножія ер-Раха — небольшихъ песчаннико-известковыхъ холмовъ, сперва какъ бы убѣгавшихъ отъ насъ на подобіе миража, потомъ какъ то внезапно ставшихъ близкими. Оставивъ отдыхать дромадеровъ, мы отправились съ Ахмедомъ блуждать у подножія джебелъ Варданъ и вышли къ Силфэ — проходу черезъ хребетъ уади Бага; тутъ мы встрѣтили первое сложеніе, которое приняли за дольмень — могилу человѣка каменнаго періода; то было порядочное сложеніе почти необдѣланныхъ камней, замыкавшихъ небольшое пространство, покрытое сверху камнемъ болѣе плоскимъ и болѣе солидной величины. Не смотря на всѣ наши усилія, мы не нашли тутъ ни-

чего. Уади Варданъ по величинѣ болѣе другихъ уади, но также бесплодна, какъ и другія; масса кремней, валяющихся на ея протяженіи, указываетъ на ея геологическое происхожденіе. Возвращаясь къ своимъ верблюдамъ, мнѣ удалось подстрѣлить небольшую и тощую куропатку, которая, все таки, была лакомымъ кускомъ въ нашей постной трапезѣ.

Отъ уади Бага мы прямо пришли въ верховье уади ел-Амара и пошли внизъ по ней. Прежде чѣмъ описывать дальнѣйшій путь, я долженъ описать еще два источника, которые мы встрѣтили до вступленія въ уади ел-Амара.

Дойдя до уади Судръ, откуда мы начали уклоняться отъ моря въ глубь полуострова, мы добрались къ источнику Тасетъ Судръ, оставивъ вправо дорогу фараоновъ дербъ Фарунъ и рядъ песчаныхъ холмовъ, изъ которыхъ нынѣ добываютъ слюду. У источника Судръ мы встрѣтили нѣсколько палатокъ кочующихъ бедуиновъ. Сдѣланныя изъ грубой темнаго цвѣта матеріи, онѣ вовсе не походили на шатры, а скорѣе на юрты дикарей; нѣсколько кольевъ, поддерживающихъ верхъ, еще болѣе придавали сходства съ этими послѣдними жилищами. Совершенно нагія, загорѣвшія до темно-бронзоваго цвѣта, дѣти играли у палатокъ съ небольшимъ красновато-бурымъ ягненкомъ; одна старая безобразная женщина съ незакрытымъ лицомъ толкла зерна на камняхъ; она одѣта была въ одну темносинюю рубаху. Трое мушинъ, одѣтыхъ въ одни лохмотья, съ головами, обмотанными Богъ знаетъ чѣмъ, босые, съ ранами на ногахъ, пришли просить у насъ хлѣба, предварительно произнеся длинные привѣтствія, изъ которыхъ я понялъ только *taiyubin* (какъ ты здоровъ), на что отвѣчалъ съ изысканною вѣжливостью заученныя слова: *Al hamdu lillalah*

*

тайубин (слава Богу я здоровъ). Послѣ того какъ мы дали бедуинамъ по куску хлѣба, я уже думалъ легко будетъ склонить бѣдняковъ къ тому, чтобы они дались для антропологическихъ измѣреній. Не смотря на всю ихъ бѣдность, много мы употребили усилій, чтобы заставить ихъ согласиться отдать свои головы въ мое распоряженіе. Только примѣръ Юзы и другихъ проводниковъ, которыхъ я еще въ Суецѣ обучилъ подставлять свои головы по первому моему знаку, преодолѣлъ страхъ арабовъ предъ какимъ-то орудіемъ пытки, за которое они принимали мой акушерскій измѣрительный циркуль. Со страхомъ и трепетомъ, и то въ надеждѣ получить по піастру, подставили они свои бритыя головы подъ мой циркуль. Надо было видѣть ихъ уморительныя фізіономіи, чтобы судить, какъ не легко имъ доставался піастръ. Раза два они вскакивали изъ-подъ циркуля, особенно когда я приближался ножками послѣдняго къ глазамъ или ушамъ, и только піастры, отсчитываемые Юзою, сдерживали ихъ порывы. За то послѣ, операція измѣренія головы имъ такъ понравилась по благополучному окончанію, что они просили повторить ее, хотя за полъ піастра. Во времена Робинзона у Тасетъ Судра было главное кочевье Терабиновъ; въ наше же время тутъ кочевало только нѣсколько семействъ; самое же племя отодвинулось за ер-Рахійскій хребетъ и разсыпалось по всей ет-Тихской пустыни до уади ел-Аришъ; по предгоріямъ же ер-Раха, пересѣкающаго весь полуостровъ и доходящаго, подъ различными наименованіями, почти до Акабы; оно дошло и до Акабинскаго залива; мы по крайней мѣрѣ встрѣчали Терабиновъ у подножій Акабинскихъ альпъ.

Недалеко отъ источника Судръ Ахмедъ указалъ мнѣ на небольшую кучу камней, которую разворотили бе-

дуины. Въ ней я нашелъ первыя каменныя орудія на Синайскомъ полуостровѣ. Они лежали вмѣстѣ съ массою раковинъ и песку на каменистомъ основаніи. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли плоскости, явно сдѣланныя рукою человѣка, огромное же большинство ихъ было безформенное, такъ что мы признали въ нихъ слѣды каменнаго вѣка только по ихъ скученному положенію совмѣстно съ раковинами и костями рыбы. Правда, въ окружающей ихъ песчано-известковой мѣстности встрѣчается немало кремней, но вблизи этой кучи кремней, отчасти обдѣланныхъ рукою человѣка, не было даже одиночно лежащихъ голышей.

Отъ Тасетъ Судръ, въ наше время бывшаго очень неполнымъ источникомъ, мы пошли къ источнику Абу Сувейра, лежащаго очень недалеко отъ перваго, вблизи отъ ложбины уади Варданъ. Въ немъ мы захватили тоже очень немного порядочной воды, но наши ожиданія встрѣтить остатки каменнаго вѣка у этого источника были напрасны. Отъ Абу Сувейра мы пошли по уади Варданъ, а потомъ черезъ Бага въ уади ел-Амаръ.

Еще въ началѣ уади Варданъ стали показываться песчаные холмы по дорогѣ, которые становились выше по мѣрѣ удаленія къ востоку и приближенія къ предгоріямъ Рахійской цѣпи. У самой уади Варданъ холмы становятся уже выше; между ними начинаетъ замѣчаться связь; они начинаютъ мѣстами замыкать уади. По мѣрѣ того, какъ мы подымались къ юго-востоку, мы стали уже встрѣчать настоящую пересѣченную мѣстность и пробираться между рядами песчано-глинистыхъ холмовъ; масса голышей покрывала ихъ пологіе склоны. Господствующій цвѣтъ ихъ былъ желтоватый; болѣе къ западу и къ востоку холмы бѣлѣлись отъ примѣси известковыхъ породъ, а самый хребетъ ер-Раха,

въ южной части своей уже получавшій названіе ет-Тиха, былъ почти весь известняковый, также какъ и прибрежныя возвышенности. Смѣна песка известнякомъ происходила постепенно, и въ геологическомъ отношеніи представляетъ огромный интересъ. Въ известняковыхъ породахъ этихъ холмовъ попадается масса небольшихъ раковинъ, которыя, разумѣется, надо относить къ ископаемымъ породамъ, а не остаткамъ фауны моря, нѣкогда покрывавшаго большую часть Синайскаго полуострова. Холмы эти безжизненны и мертвы; только у начала уади ел-Амара растутъ нѣсколько полувыхсохшихъ, жидкихъ кустарниковъ и пучки колючаго бурьяна, ежегодно уменьшающагося въ количествѣ. Тамъ, гдѣ были цѣлыя луговины колючей степной травы, теперь остались однѣ жалкія полоски этой мизерной флоры пустыни. Болѣе двухъ сутокъ мы уже не слышали ни одной птички, не видали ни одной былинки зеленой травы, не встрѣчали даже насѣкомыхъ. Проводники мои, уже сопровождавшіе одного путешественника съ научною цѣлью, проникнувшись желаніемъ, по возможности, быть полезными, старались найти что нибудь замѣчательное для меня. Юза, напр., принесъ мнѣ красивый кусокъ известковаго шпата, которымъ богаты западные прибрежныя холмы, а Ахмедъ поднялъ длинную, въ аршинъ длины, сброшенную кожицу какой-то змѣи, по всей вѣроятности *Scythale rugamidium*. На пути отъ уади-Амара Ахмедъ мнѣ показалъ небольшую скалу между холмами — Хаджръ ер-Рекабъ (камень всадника); по своему геологическому строенію она является предтечею каменныхъ громадъ Синая и, по словамъ арабовъ, сторожить входъ въ область, принадлежащую пророку Мусъ (Моисею).

Вскорѣ затѣмъ показалось за холмами нѣсколько пальмъ, и глазъ начинаетъ радоваться при видѣ зелени

тамарисковъ. Эти пальмы и тамариски осѣняютъ библейскую Мерру—горькій источникъ въ пустынѣ Суръ, который Моисей превратилъ въ сладкій, погружая въ воду его куски какого-то дерева. Къ сожалѣнію, древняя Мерра или Марра нынѣшняя айнь Хавара, попрежнему горька и негодна для питья. Свѣтлая и прозрачная на видъ вода этого источника журчитъ такъ пріятно для уха, что усталый путникъ невольно спѣшитъ освѣжиться и приникнуть горячими, изсохшими отъ жажды, устами къ освѣжающимъ ея струямъ; но свѣтлый источникъ обманетъ его и усилитъ страданія. Натронныя, магнезіальныя и другія минеральныя соли придають водѣ айнь Хавара такой отвратительный, жгучій вкусъ, что ее можно сравнить съ водою Мертваго моря. Когда я испробовалъ глотокъ этой влаги, то, быстро выплюнувъ ее, долго не могъ заглушить жгучей горечи ея минеральныхъ соединеній; я испытывалъ совершенно такое же ощущеніе, когда раскусилъ впоследствии у береговъ Іордана Содомское яблоко (такъ называется нашими паломниками наростъ на одномъ изъ растеній, обусловленный уколомъ одного вида орѣхотворки). Со всѣмъ тѣмъ, мнѣ кажется, что напрасно арабы называютъ айнь Хавара—самымъ худшимъ мѣстомъ въ пустынѣ; у водъ этого источника, по крайней мѣрѣ, растутъ пальмы и тамариски и другая зелень пустыни, а также много терновнику, который приходится по вкусу верблюдамъ. Освѣжать водою айнь Хавара лица и руки тоже совѣтывать нельзя, потому что значительный процентъ минеральныхъ соединеній дѣлаетъ ее такую жесткою и терпкою, что она раздражаетъ не только слизистыя оболочки, но даже и кожу, производя на ней экзему, какъ и вода Мертваго моря. На счетъ чудеснаго превращенія горькой воды Мерры

въ сладкую, Бурхгартъ дѣлаетъ такое предположеніе, которое онъ считаетъ за фактическое объясненіе. По его мнѣнію, Евреи могли сдѣлать горькую воду Марры годною для питья прибавленіемъ туда соку ягодъ Гуркудь (*Nitrasia dentata*), распущихъ въ изобиліи въ окрестностяхъ уади, особенно въ Карандель; бедуины дѣйствительно это считаютъ возможнымъ, но сами никогда не повторяютъ чуда Моисеева, хотя и жалуются на горечь воды Мерры.

За источникомъ Хавара мѣстность немного оживляется рядомъ холмовъ, которыхъ склоны мѣстами состоятъ изъ суглинка; суглинокъ лежитъ и между холмами въ котловинахъ; насыщаясь водою въ дождливое время, эта подпочва становится годною для земледѣлія. Тутъ, поэтому, произрастаютъ нѣкоторыя горныя травы, доставляющія пищу небольшимъ стадамъ козъ. Въ дождливую пору на склонахъ холмовъ и въ котловинахъ, по словамъ арабовъ, зеленѣютъ настоящіе луга, испещренные тысячами цвѣтовъ. Между ними встрѣчаются многіе извѣстные и нашему климату, особенно мотыльковые, крестоцвѣтныя и *Compositae*. Нѣсколько шатровъ арабовъ племени Алейкатовъ имѣютъ свою восточную стоянку въ этихъ ложбинахъ; далѣе къ востоку обитаетъ нѣсколько семей другого племени Савалиха. На своемъ пути мы встрѣчали нѣсколько одиночныхъ палатокъ у подножья высокихъ холмовъ, защищающихъ ихъ отъ заноса пескомъ. Любопытные постоянно выходили смотреть на нашъ караванъ. Въ одномъ мѣстѣ человекъ шесть бедуиновъ съ ружьями окружили нашъ караванъ и просили бакшиша, но Юза сказалъ имъ какое-то крѣпкое слово, а Рашилъ просто пригрозилъ имъ, и попрошайки разошлись. Не смотря на долгіе переговоры, только одинъ молодой бедуинъ согласился подвер-

гнуться операціи сниманія краниометрическихъ размѣровъ; но, разъ согласившись, мужественно перенесъ ее, закрывъ глаза. Кромѣ того, я здѣсь имѣлъ возможность присмотрѣться къ арабскимъ фізіономіямъ и записать въ свои дорожныя замѣтки много антропологическихъ наблюденій, особенно на счетъ цвѣтности глазъ, кожи и волосъ.

Съ этого мѣста, захватывая и сосѣдную уади Карандель и мѣстности за нею, по мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ, начинается библейскій благословенный Элимъ съ семидесятью пальмами и двѣнадцатью источниками. Пальмы дѣйствительно виднѣются недалеко, означая собою существованіе источника или ручейка, и если путникъ пойдетъ прямо по направленію къ зелени, то придетъ въ уади Карандель. Эта уади въ наше время была уади въ полномъ смыслѣ этого слова; мѣстами расширяясь до версты и мѣстами суживаясь до нѣсколькихъ десятковъ сажень, она уже имѣла свои настоящія границы, состоящія изъ холмовъ известняка, достигавшихъ до высоты 25 метровъ и тянувшихся на подобіе береговъ съ обѣихъ сторонъ этой уади.

Кромѣ нѣсколькихъ источниковъ, которыхъ я насчиталъ до пяти, въ этой уади бѣжитъ еще небольшой ручеекъ прѣсной воды, въ наше время бѣжавшій не сильною, но чистою струйкою по своему зыбкому ложу. Съ удовольствіемъ мы приникли къ его освѣжающей водѣ послѣ двухдневнаго употребленія тепловатой воды бурдюковъ, которая начинала уже портиться, не смотря на то, что мы захватили ее въ источникѣ Тасетъ-Судръ. Для насъ Карандель былъ тоже Элимомъ, въ которомъ мы нуждались не менѣе Израиля. Тутъ мы хотѣли остановиться на нѣкоторое время и поискать антропологическаго матеріала. Еще до отъѣзда въ Египетъ, я вы-

вель а ргіогі такое предположеніе, что остатки прежняго человѣка должны находиться въ Каменистой Аравіи, какъ и вообще въ пустыняхъ, или на горныхъ склонахъ, или у постоянныхъ прѣсныхъ источниковъ, потому что въ мертвыхъ песчаныхъ пустыняхъ никогда не могъ постоянно жить человѣкъ. Въ виду же того, что пустыни полуострова вышли совсѣмъ изъ воды уже во времена историческія, то первобытный человѣкъ, появившійся здѣсь, могъ обитать только на горахъ; съ горныхъ склоновъ Моавіи и Идумеи, связывающихся египетскимъ хребтомъ посредствомъ одиночныхъ возвышеній, этотъ первобытный человѣкъ спустился на горы Синая, по которымъ и прошелъ весь полуостровъ еще тогда, когда большая часть его представляла дно морское.

Кромѣ источниковъ воды, правда, немного солонатовой и не совсѣмъ пріятной на вкусъ, главную прелесть уади Карандель составляла ея значительная флора. Вторымъ оазисомъ послѣ айнъ Муса показался намъ уголокъ въ пустынѣ, который очень понятно многіе почтенные изслѣдователи приравниали къ Элиму. Я уже высказалъ свое мнѣніе насчетъ отождествленія библейскихъ урочищъ къ настоящимъ, а теперь скажу вообще, что ни одинъ нынѣшній оазисъ, ни одинъ источникъ въ Синайской пустынѣ нельзя отождествлять съ библейскимъ, только судя по топографіи мѣста. Всѣ 12 источниковъ Элима, какъ бы они не были велики, если только они были похожи на настоящіе, не могли бы напоить многія тысячи народа Божьяго съ ихъ стадами, также какъ и окружающая природа накормитъ эту массу людей и животныхъ. Надо допустить два условія, чтобы библейскій фактъ не показался невѣроятнымъ. Во первыхъ—что флора и гидрографія Синайскаго полуострова были совершенно иныя прежде, чѣмъ теперь

и во вторыхъ, что народа Божьяго было не два милліона, а разъ во сто, по крайней-мѣрѣ, менѣе. Относительно перваго, мнѣ кажется, слѣдуетъ высказаться положительно, хотя нѣкоторые изслѣдователи всѣми силами стараются доказать, что флора полуострова не измѣнилась вовсе со временъ Моисея, и что мы видимъ пустыни и дебри Синая такими же, какъ ихъ видѣлъ и Израиль. Я думаю, если кто внимательно и серьезно взглянетъ на топографію этихъ библейскихъ мѣстностей, тотъ согласится со мною. Весь полуостровъ носить на себѣ характеръ такой страны, гдѣ поработали довольно и вулканическія, и нептуническія силы. Первыя выдвинули или, вѣрнѣе сказать, вылили изъ нѣдра земли тѣ огромныя каменныя громады, которыя составляютъ Синайскій горный узелъ, остальное докончила водяная сила. Пустыни совершенно нептуническаго образованія; песчаниковыя и известковыя формаціи, такъ обильныя въ горахъ и холмахъ Каменистой Аравіи—тоже. Эти уади, прорванныя въ скалахъ и загроможденныя камнями,—тоже слѣдъ водной стихіи. Она прорвала горы и разметала обломки скалъ на своемъ пути и образовала уади. Даже въ наше время, въ періодъ зимнихъ дождей случаются такія наводненія, которыя заливаютъ цѣлыя уади и разрываютъ камни, а тысячи лѣтъ тому назадъ, когда образовывалась, какъ уже доказано, самая дельта Нила, тогда нептуническія силы работали еще энергичнѣе. Безъ сомнѣнія, когда было больше влаги на полуостровѣ, когда водяные потоки прорывали скалы и холмы, тогда флора была богаче во много разъ въ этихъ дебряхъ и пустыняхъ. Вчитайтесь даже въ книгу Исхода, и тамъ найдете указаніе на это, не говоря уже о томъ, что во времена Фараоновъ, какъ гласятъ гіероглифы, египтяне обитали въ такихъ мѣстностяхъ полуострова, гдѣ теперь

невозможно жить. Если громадныя караваны пересѣкали Каменистую Аравію во всѣхъ направленіяхъ въ то время, когда она служила звѣномъ, соединяющимъ всѣ торговыя пути міра, тогда, безъ сомнѣнія, условія существованія для людей тамъ были лучше, иначе не цвѣли бы Каменистая Аравія, Петра и Моавія своими многочисленными городами.

Еще несомнѣннѣе второе наше положеніе. Никогда народъ Израіля не могъ достигать количества двухъ милліоновъ; не даромъ Богъ иногда наказывалъ избранный народъ за его склонность къ увлеченіямъ. Совершенно вѣрно остроумный Шлейденъ предполагаетъ, что число Евреевъ, превосходившее шестьсотъ тысячъ чловѣкъ, носящихъ оружіе, а слѣдовательно достигавшее минимумъ до двухъ милліоновъ обоюго пола, не могло быть не только напоено источниками Карандель, но даже и двигаться по пустынѣ. Сдѣлайте простой ариѳметическій расчетъ, кладя хотя по полквдратныхъ аршина на чловѣка,—и вы увидите, что не нашлось бы мѣста даже двигаться такой массѣ людей. Они должны бы были при своемъ движеніи идти не одною дорогою, а распространиться по всему полуострову, и тогда бы онъ былъ населенъ гораздо гуще, чѣмъ Средняя Германія. Около 35,000 ведеръ воды ежедневно необходимо было, что бы напоить такую массу народа, не считая скота. Всѣ источники Каменистой Аравіи нынѣ не дадутъ и половины такого количества.

Будучи гораздо меньше числомъ, Евреи не проблуждали, разумѣется, и сорока лѣтъ, потому что проблуждать было негдѣ; напротивъ того они шли довольно быстро, какъ видно по Исходу, до Элима и Синая; число сорокъ было выбрано какъ священное, часто повторяющееся въ Библии. Я смотрю на весь исходъ Евреевъ и

блужданіе ихъ по пустынь не столько какъ на переходъ, сколько на попытку обосноваться гдѣ нибудь на новомъ мѣстѣ. Не находя себѣ подходящаго, еврейская орда подвигалась далѣе, пробивалась, отступала, наступала и, наконецъ, промаявшись нѣсколько лѣтъ на границахъ Палестины, куда ихъ не сразу пустили туземцы, постепенно завладѣла страной Обѣтованною. Я не буду, впрочемъ, подробно разбирать весь вопросъ относительно пути Евреевъ по пустынь, потому что для этого есть спеціальныя изслѣдованія въ родѣ Пальмера, Робинзона, Бругша, Эберса и др.

Уклонившись нѣсколько въ сторону по поводу флоры и гидрографіи полуострова, мы ворочаемся снова къ флорѣ уади Карандель. Наши верблюды здѣсь нашли много зелени и вдосталь полакомились ею. Кромѣ пальмъ, тамарисковъ, о которыхъ мы уже упоминали и обыкновенныхъ травъ пустыни, мы тутъ нашли еще саджалъ (особый родъ иглистой акаціи, дающей гумми), буссаранъ (благовонную траву) и кусты *Nitraria tridentata* съ *Acacia tortillata*. Изъ луговыхъ растеній мы замѣтили: *Geranium*, *Delphinium*, *Silene*, *Astragalum*, *Echinops*, *Cressa*, *Echium*, *Salsola* и др., уже увядающихъ отъ жгучихъ лучей аравійскаго солнца. Самыми замѣчательными растеніями уади Карандель представляются тамариски или тарфы (по арабски), иначе манновыя деревья — *Tamarix mannifera gallica*, самое сочное растеніе въ пустынь. Эти деревья пустыни съ густою зеленью даютъ хорошую защиту массѣ птицъ, гнѣздящихся въ ихъ лѣсахъ, и еще большому количеству насѣкомыхъ. Всѣ насѣкомыя пустыни встрѣчаются въ тарфовыхъ лѣсахъ. Относительно этихъ деревьевъ надо сказать нѣсколько словъ по отношенію ихъ къ вопросу о маннѣ, которою питались Евреи на пути.

Первые тамариски, не считая, разумѣется, видѣнныхъ въ Египтѣ, мы встрѣтили у колодцевъ Моисеевыхъ; уади Карандель и уади Шейхъ—главныя мѣстности въ западной части полуострова, гдѣ ихъ особенно много, и гдѣ они составляютъ важную статью дохода арабовъ. Много и въ другихъ уади Каменистой Аравіи; нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ даже получили названіе Тарфа отъ большаго количества тамарисковъ. Богаты ими также и Феранъ—рай Синайскаго полуострова. Особенность тарфъ заключается въ томъ, что въ концѣ мая и въ іюнѣ мѣсяцѣ на сучкахъ ихъ особенно на маленькихъ сучечкахъ выступаетъ въ большомъ количествѣ сладкая бѣлая клейковинная масса. Выступая, такъ сказать, высачиваясь на стебляхъ, но отнюдь не на листьяхъ, этотъ продуктъ скопляется въ довольно большія тяжелыя капли, которыя засыхаютъ и падаютъ на землю. Эти упавшіе кусочки манны собираютъ бедуины въ кожаные мѣшки и частью потребляютъ сами, примѣшивая къ хлѣбнымъ лепешкамъ, частью же сбываютъ въ Суецъ и въ Синайскій монастырь. Ел-Манъ арабовъ, такъ и напоминающій библейскую манну, продуктъ еще не вполне изученный. До сихъ поръ неизвѣстно навѣрно, есть ли это нормальное или патологическое отдѣленіе тамарисковъ, обусловленное, подобно чернильнымъ орѣшкамъ, уколомъ тѣхъ или другихъ насѣкомыхъ. Я лично склоняюсь за послѣднее объясненіе происхожденія манны, такъ какъ время „манноваго дождя“ совпадаетъ съ метаморфозомъ многихъ насѣкомыхъ, которыя во множествѣ появляются на тарфахъ. Я не думаю только приписывать травянымъ вшамъ (*Aphides*), очень многочисленнымъ на тамарискахъ, какую нибудь роль въ образованіи манны, такъ какъ ихъ приростъ обратно пропорціоналенъ выдѣленію манны; арабы, дорожащіе

тарфами, освобождаютъ эти послѣднія отъ афидъ. Еще запутаннѣе вопросъ относительно того, что есть ли ел-манъ арабовъ—сокъ тамарисковъ, выступающій по нынѣ въ маѣ и іюнѣ, продуктъ тождественный съ манною израильтянъ, питавшихся ею въ пустынѣ. Правда, въ веществѣ, издревле извѣстномъ подъ именемъ манны (еще гіероглифы Египта упоминаютъ о ней, какъ доказаль Эберсъ), есть много бѣлковыхъ веществъ, хотя главную составную ея часть представляетъ маннитъ и другіе глюкозиды, но всетаки питательныя достоинства этого продукта очень сомнительны; часто оно употребляется, какъ легкое послабляющее; сами арабы пустыни, по временамъ очень нуждающіеся въ пищѣ, употребляютъ манну только какъ приправу; монахи дейръ ел-Муса тоже не питаются ею. Изъ этихъ практическихъ примѣровъ ясно, что и Евреи не могли питаться ею исключительно, хотя, безъ сомнѣнія, они употребляли и собирали ее съ большимъ усердіемъ.

Мы незамѣтно, такимъ образомъ, пришли къ вопросу о пищѣ израильтянъ въ пустынѣ. Для рѣшенія его мы взглянемъ сперва на современныхъ обитателей пустыни и посмотримъ, чѣмъ они питаются. Я вполне согласенъ со взглядомъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, что теперешніе сыны пустыни немного ушли въ цивилизациі со времени патріарховъ и прохожденія Евреевъ по пустынѣ. Та же патріархальность царствуетъ между современными бедуинами пустыни, какъ и вдревлѣ среди номадовъ—племень, блуждавшихъ по простору Каменистой Аравіи. Финики, небольшое количество хлѣба и оливъ, овощи, молоко домашнихъ животныхъ, птица и рыба составляютъ пропитаніе Синайскихъ арабовъ. Тѣмъ же, разумѣется, питались и Евреи. Стоитъ только поуменьшить число выходцевъ и припомнить то коли-

чество скота, которое вель съ собою народъ избранный, и прибавить къ тому то, что мы сказали о прежнемъ богатствѣ флоры полуострова,—и тогда не нужно будетъ искать, съ небесъ ниспавшую, манну для прокормленія Израиля. Разумѣтся, чудесное для нехитрыхъ умомъ Евреевъ Моисея, появленіе манны могло подать поводъ къ извѣстному библейскому сказанію, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы манна была исключительнымъ продуктомъ питанія народа израильскаго въ Синайской пустынь.

По примѣру другихъ путешественниковъ, мы расположились на становище въ уади Карандель и принялись отыскивать остатки древняго человѣка, такъ какъ намъ казалось, что въ такой прекрасной уади необходимо долженъ былъ поселиться человѣкъ съ первыхъ же временъ своего появленія на этомъ полуостровѣ. Относительно всего того, что касается до нашихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, находокъ и разсужденій я не буду останавливаться здѣсь, такъ какъ въ своемъ спеціальному антропологическомъ очеркѣ „Обитатели Каменистой Аравіи“ я довольно подробно коснулся всего того, что касается до антропологии Синайскаго полуострова. Скажу только еще одно относительно уади Карандель, что хотя и есть свидѣтельство тому, что существовалъ при впаденіи ея въ море городъ Харандра, Гарандель или Арсиное, но слѣдовъ никакихъ отъ него не осталось; быть можетъ, они занесены песками, какъ развалины Мемфиса и другихъ городовъ Египта. Существованіе торговаго города при устьѣ Карандель болѣе чѣмъ вѣроятно и возможно.

Такъ какъ мы путешествовали въ періодъ „манноваго дождя“, то всѣ тарфы были покрыты выпотѣвшею манною, и мы ее собирали въ большомъ количествѣ,

не зная, на что употреблять. Время сбора привлекло и много бедуиновъ въ долину тарфъ. Тамъ и сямъ по уади виднѣлись темные шатры арабовъ, пришедшихъ собирать манну. Невдалекѣ отъ нашей стоянки былъ расположенъ цѣлый лагерьбе дуиновъ племени Савалиха и Алейкатъ. Едва мы сошли съ верблюдовъ и развьючили ихъ, какъ намъ сдѣлалъ визитъ шейхъ племени Алейкатъ; это былъ благообразный старецъ съ очень жидкою бороденкою и огненными глазами. Онъ оказался знакомымъ Юзѣ, и они расцѣловались безъ всякихъ церемоній. Относительно же меня дѣло не обошлось такъ просто. Кромѣ *es salam* была еще цѣлая серія арабскихъ привѣтствій обращена ко мнѣ, изъ которыхъ я понялъ еще одно: *sabâhnun bil cher* (здравствуйте) и *ézeuyak* (какъ вы здоровы). Я пригласилъ почтеннаго араба присѣсть и угостилъ чаемъ. Русскій національный напитокъ такъ понравился сыну пустыни, что онъ прищелкнулъ языкомъ и только бормоталъ: таибъ, таибъ, таибъ.... Выкушавъ двѣ чашки чаю, нашъ гость удалился, приглашая меня посѣтить его шатеръ. Я очень былъ радъ не столько приглашенію, сколько возможности видѣть бедуина въ его палаткѣ. Я обѣщалъ подъ вечерокъ зайти къ старому шейху, и мы распрощались послѣ самыхъ утонченныхъ церемоній и прощаній.

Послѣ посѣщенія шейха къ нашему становищу подходили и другіе арабы, но мы мало обращали на нихъ вниманія. Пока Юза и Ахмедъ торговались и сговаривались съ проходящими относительно предоставленія головъ гостей въ мое распоряженіе, я любовался проходящими сынами пустыни и заносилъ въ свою записную книжку всѣ даже малѣйшія детали ихъ лица. Наброски ихъ типическихъ любопытныхъ фізіономій не удавались мнѣ; но за то замѣтокъ я успѣлъ сдѣлать

множество. Тутъ опять я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ бѣлокураго типа, а также съ примѣсю берберской крови. Подробности, относящіяся къ антропологическому описанію фізіономій арабовъ Синайскаго полуострова, желающій найдетъ въ упомянутой выше моей статьѣ, гдѣ подробно разсматриваются всѣ детали арабской фізіономики и ихъ структуры. Всего въ уади Карандель мнѣ удалось наблюдать до 40 человѣкъ, и въ томъ числѣ съ пятерыхъ снятъ кефалометрическіе размѣры.

Въ семь пріятномъ и полезномъ занятіи я провелъ часа три или четыре. Уморительны особенно были тѣ моменты, когда я измѣрялъ голову какого нибудь смѣльчака. Масса любопытныхъ окружала измѣряющаго и его жертву и съ недоумѣніемъ разсматривала незнакомое оружіе, каковымъ имъ представлялись мои инструменты. Не смотря на всю безопасность операціи, другіе не рѣшались подвергнуться ей, не смотря даже на піастры и франки, щедро обѣщанные моими проводниками.

Послѣ полудня, не смотря на сильный зной, я вздумалъ совершить экскурсію въ горы ер-Раха, къ которымъ мы довольно близко подошли, уклоняясь отъ берега къ востоку. Омывши въ прохладной водѣ ручейка Карандель свое загорѣлое на солнце лице, и загрузѣвшія отъ зноя руки, я съ Юзою сѣли на верблюдовъ и пошли вверхъ по уади, оставивъ Ахмеда и Рашида съ двумя остальными животными на становищѣ.

Мы пошли по направленію къ пику Карандель, значительно возвышавшемуся надъ известковою цѣпью ер-Рахійскихъ горъ. Нѣсколько бедуиновъ пробовали было провожать насъ, но скоро отстали. Юза обѣщался мнѣ показать нѣчто интересное и смѣло ѣхалъ по уади на востокъ; оба мы гнали своихъ дромадеровъ, потому что

безъ тяжести имъ было идти легко. Мы же торопились, чтобы окончить свою экскурсію къ вечеру и посѣтить, по обѣщанію, шейха Юсуфа.

Дорога наша была не особенно утомительна и однообразна. Кусты акацій, *Nitrasia*, тамарисковъ были рассыпаны тамъ и сямъ по ложбинѣ; они восходили даже по склонамъ возвышенностей, замыкающихъ уади. Среди зелени ихъ кустовъ возвышались мимозы и тарфы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже одиночныя финиковыя пальмы. Травъ и цвѣтовъ мѣстами было тоже изобиліе. Кромѣ обыкновенныхъ травъ пустыни и терновника виднѣлись мирты, тимьянъ, гераніи, мальва и т. п., на сколько то можно было отличить съ высоты верблюда при быстрой ѣздѣ. Сообразно съ довольно богатою флорою, была не бѣдна и фауна этого оаза. Животная жизнь замѣчалась повсюду, и на землѣ, и въ кустахъ, и на горахъ, и въ воздухѣ. Кромѣ козъ, верблюдовъ и овецъ бедуиновъ, раскинувшихъ здѣсь свои шатры, мы замѣтили еще двухъ уерберы (*Lepus syriacus*) и одного египетскаго зайца (*Lepus aegyptiacus*); разъ между холмами промелькнула быстрая газель; на пескѣ были видны слѣды антилопы. Юза говорилъ мнѣ, что здѣсь еще обитаютъ каменные козлы, волки и гіены. Кромѣ животныхъ я видѣлъ еще массу птицъ; цѣлыя стаи голубей слетали съ тамарисковъ при нашемъ приближеніи; въ кустахъ кудахтали пустынные курочки (вѣроятно *Pterocles*), высоко въ небѣ кружились большіе орлы, а въ кустахъ нѣсколько веселыхъ птичьихъ голосовъ совершенно оживляли этотъ оазисъ. Онъ, впрочемъ, не повсюду такъ оживленъ; есть много въ уади такихъ же выжженныхъ мѣстъ, какъ и остальная пустыня. Но тамъ, гдѣ зеленеетъ трава и гдѣ высятся тарфы, тамъ можно подмѣтить жизнь и въ ползущемъ жучкѣ, и въ пестрой ле-

*

тающей бабочкѣ. Я нашелъ нѣсколько священныхъ жуковъ (*Scarabaeus religiosa*), дровосѣковъ (*Lamia*) и поималъ двухъ мотыльковъ неизвѣстнаго мнѣ вида. Въ кустахъ водится много клещей, на которыхъ сильно жалуются арабы, а также нѣсколько видовъ двукрылыхъ. Я остановился немного на фаунѣ уади Карандель, потому что она одинакова во всѣхъ зеленѣющихъ уади полуострова, за малыми исключеніями.

Мы прошли около двухъ часовъ вверхъ по долинѣ Карандель до самыхъ верховьевъ ея, гдѣ она суживается и замыкается совершенно известковыми горами джебелъ ет-Тиха и джебелъ Вута, возлѣ которыхъ Карандель переходитъ въ уади Вута, уже вполне заключенную въ горахъ. Немного прошли мы по этой долинѣ, какъ на склонѣ одного холма или горы я замѣтилъ странныя сооруженія, одинъ видъ которыхъ привелъ меня въ восторгъ. Къ нимъ то и велъ меня мой вѣрный проводникъ, какъ будто предъугадывая, что они заинтересуютъ меня въ высшей степени. Эти сооруженія были, такъ-называемые, навамисъ — круглые или мускитовые домики арабовъ. Они вполне заслуживаютъ, чтобы о нихъ сказать нѣсколько словъ.

Навамисъ, во множ. намусъ, представляютъ ни что иное какъ гробницы людей каменнаго вѣка неолитической эпохи, выразившіяся въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара самыми разнообразными формами. У насъ на сѣверѣ Россіи онѣ представляли курганы съ каменными сложеніями внутри, въ южной Скандинавіи, Великобританіи, Германіи они выразились дольменами, въ дальней Лапландіи, какъ мнѣ удалось наблюдать въ послѣдствіи, человекъ каменнаго вѣка хоронилъ своихъ покойниковъ подъ сложеніями изъ камней, немного напоминавшихъ нѣкоторые навамисы Синайскаго полуострова. Ближе всего

эти послѣдніе походятъ на талаіотти Балеарскихъ острововъ. Я не буду распространяться объ этихъ каменныхъ сооруженіяхъ, имѣющихъ такое огромное значеніе для доисторической археологіи Каменистой Аравіи, какъ интересное проявленіе каменнаго вѣка, такъ какъ это дѣло спеціальнаго обозрѣнія, и теперь опишу навамисъ словами, приводимыми изъ вышеупомянутой моей статьи, чтобы не повторяться при слѣдующихъ описаніяхъ этихъ интересныхъ сооружений.

„Навамисы Синайскаго полуострова устроены въ видѣ маленькихъ, каменныхъ, круглыхъ домиковъ, сложенныхъ безъ всякаго цемента изъ хорошо пригнанныхъ и обтесанныхъ камней, ловко и симметрично подобранныхъ. Ихъ окружность и разрѣзъ имѣютъ обыкновенно форму, близко подходящую къ геометрическимъ; куполы выведены правильно, плиты обтесаны такъ хорошо, что мѣстами кажутся отполированными. Основанія выведены изъ камней большихъ и лучше пригнанныхъ. Не хочется даже вѣрить, чтобы такъ хорошо можно было устроить при помощи только каменныхъ орудій. Величина этихъ круглыхъ домиковъ отъ шести футовъ въ діаметрѣ до двѣнадцати, и даже до двадцати; а высота отъ пяти до восьми. Въ большинство изъ этихъ навамисъ влѣзть трудно по причинѣ незначительной величины ихъ входнаго отверстія; но побывать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ человѣку достаточно ловкому всегда удастся. Въ самой срединѣ круглаго дома устроено нѣчто вродѣ гробницы и выкопана небольшая яма; та и другая искусно выложены изъ хорошо пригнанныхъ камней и покрыты равнообитыми плитами, на которыхъ въ дѣвственныхъ гробницахъ насыпана земля. Въ отверстіи помѣщается на каменномъ ложѣ земля, уголья, пепель и иногда кости, какъ жженныя, такъ и

цѣлыя, несомнѣнно человѣческія“. Это описаніе навамісь вообще, но оно почти всецѣло относится и къ круглымъ домикамъ уади Ваты. Недалеко отъ этихъ послѣднихъ, на гору вьется зигзагами узенькая тропинка, ведущая въ ходъ пещеры, гдѣ арабы Синайской пустыни помѣщаютъ сѣдалище вѣтровъ. Навамісь уади Ваты одни изъ лучше сохранившихся на полуостровѣ. Не смотря на всѣ усилія, мы въ нихъ влѣзть не могли, а потому, естественно, ничего и не нашли.

Кромѣ того Юза мнѣ указалъ нѣсколько искусственныхъ, вырытыхъ въ известковыхъ стѣнахъ уади, пещеръ. По арабскимъ преданіямъ, онѣ были древними могилами. Влѣзая въ нѣкоторыя изъ нихъ, я отыскалъ нѣсколько человѣческихъ остатковъ: ребра, позвонки, части черепа. Нѣсколько каменныхъ кучъ, встрѣчаемыхъ въ уади Вута, я считаю сооруженіями сравнительно недавними; какъ дорожныя вѣхи, онѣ были ставлены на большихъ проѣзжихъ путяхъ; двѣ изъ нихъ я осмотрѣлъ внимательно и ничего не нашелъ интереснаго.

Когда мы поворачивали обратно, я долго не могъ оторвать своихъ глазъ отъ навамісь, какъ будто я съ ними прощался навсегда. Много я потомъ видалъ еще круглыхъ домиковъ во время своего путешествія, но эти первые только произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, какъ на ловца поимка невиданнаго дорогаго звѣря.

Солнце уже садилось, когда мы съ Юзой вернулись къ своему становищу усталые, голодные, но довольные своею экскурсіею. Бедуиновъ ни одного не было около нашихъ верблюдовъ, уже полакомившихся полувисоющею травою; а Ахмедъ съ Рашидомъ готовили ужинъ. Убитая мною на дорогѣ, куропатка была быстро общипана и уже жарилась на ятаганѣ. Немного отдохнувши

и поужинавши, мы съ Юзою пошли въ гости. Юсуфъ уже давно ожидалъ насъ у входа въ свой шатеръ и, увидя гостей, привсталъ и привѣтствовалъ пожеланіемъ доброй ночи — *lêletak saaide*; мы же, или, вѣрнѣе сказать, Юза отвѣтилъ цѣлымъ коробомъ пожеланій и привѣтствій. Мы вошли въ палатку Юсуфа; она была немного больше другихъ, и въ серединѣ обвѣшана кусками разноцвѣтныхъ матерій, почти скрывавшихъ самыя стѣны шатра. Нѣсколько подушекъ, крытыхъ незавидными коврами, составляли все ея убранство. Принадлежности женскаго туалета указывали на то, что старый шейхъ не вдовецъ, но самой хозяйки не было видно; Юза мнѣ подшепнулъ, что она очень молода и красива, а Юсуфъ ревнивъ особенно къ европейцамъ. Хозяинъ угостилъ насъ крѣпкимъ кофе въ микроскопическихъ чашечкахъ, по восточному обычаю, а потомъ подавъ кальяны, по своей роскоши не подходящія къ убранству палатки. Черезъ Юзу я спрашивалъ Юсуфа о его племени и другихъ арабахъ, а также и объ условіяхъ ихъ жизни. Много интереснаго поразказалъ шейхъ, и я очень сожалѣлъ, что не могъ понимать его вполнѣ, потому что Юза все таки былъ плохимъ переводчикомъ. Между прочимъ я спрашивалъ шейха и объ эпидеміи, о которой уже слыхалъ у Моисеевыхъ колодцевъ; Юсуфъ подтвердилъ этотъ слухъ, но прибавилъ, что намъ нечего бояться ея, потому что сюда она не придетъ. Когда я спросилъ шейха объ гвинейскомъ червѣ, онъ тотчасъ же крикнулъ араба, стоявшаго у палатки, и велѣлъ привести двухъ больныхъ. Я очень былъ радъ увидѣть эту неизвѣстную у насъ паразитическую форму. Скоро было приведено два истощенныхъ араба. У одного была поражена этимъ паразитомъ рука въ предплечіи, у другого стопа. Больные жаловались на

сильную боль въ нарывахъ, образовавшихся на мѣстѣ пребыванія паразита. Не смотря на эту боль и предложеніе съ моей стороны вскрыть абсцессъ, арабы не согласились. Такъ я и не досталъ волосатика. Мединскій волосатикъ или гвинейскій червь (dragonneau) есть особая глиста, водящаяся въ клѣтчаткѣ верхнихъ слоевъ тѣла, особенно конечностей. Личинки волосатиковъ, развивающіяся въ пустынѣ во время зимнихъ дождей, въ періодъ лѣтняго зноя залѣзаютъ въ кожу, проходя, быть можетъ, черезъ каналъ какой нибудь потовой желѣзы или черезъ влагалище волоса. Скоро это мѣсто, куда забрался паразитъ, припухаетъ, образуется нарывъ чрезвычайно болѣзненный и сопровождающійся лихорадкою; онъ лопається и волосатикъ удаляется съ гноемъ. Если же удаленіе его не состоится, то больной при симптомахъ тяжелой болѣзни умираетъ отъ истощенія, по всей вѣроятности, какъ и при другихъ нагноеніяхъ отъ бугорчатки и амилоидныхъ перерожденій. Арабскія женщины умѣютъ ловко вытаскивать волосатиковъ съ головою. Помогаетъ также молитва на могилѣ знаменитаго шейха Салиха.

Нашъ визитъ шейху продолжился часа полтора; насъ угощали еще финиками, сладкими хлѣбными лепешками, въ которыхъ была несомнѣнная примѣсь свѣжей манны, козьимъ молокомъ и мясомъ козленка. Пожелавъ хозяину всего хорошаго, мы отправились къ своему становищу, сопровождаемые напутствіями хозяина. Валлахи—съ Богомъ, у насъ бы почлось не особенно вѣжливымъ по отношенію къ уходящимъ гостямъ, но на Востокѣ, должно быть, это считается очень подходящимъ прощальнымъ привѣтомъ. Какъ убитый, я бросился на разостланный плащъ, покрывающій жалкіе пучки травы, съ намѣреніемъ заснуть, но сонъ при всей

моей усталости далеко бѣжалъ меня. Оставалось лежать и любоваться природою, пока усталость не закроетъ глазъ.

Ночь была чудная, какъ и всегда въ пустынѣ. Легкая прохлада разлилась по голубоватому воздуху, и тѣло, истощенное дневнымъ зноемъ, теперь какъ бы купалось въ этой прохладѣ. Кругомъ насъ поднимались темныя скалы, рисовавшіяся неровною линіею на темноглубой синевѣ неба, обрызганнаго серебристымъ мерцаніемъ тысячи звѣздъ. Небо, казалось, говорило пустынѣ, но она была безмолвна; только невдалекѣ отъ насъ тихо журчалъ ручеекъ, да изрѣдка стонала горная сова. Подъ тѣнью тамариска лежали мы на своихъ бурнусяхъ, а четыре дромадера, какъ живыя стѣны, ограждали наше становище. Ахмедъ и Юза спали мертвецкимъ сномъ, я лежалъ тоже неподвижно; только Рашидъ, какъ неподвижная статуя, возвышался въ сумракѣ надъ нашимъ караваномъ и сторожилъ его покой отъ напастей пустыни. Не говоря уже объ арабахъ, могущихъ позариться на чужое добро, мнѣ говорили, что и дерзкій волкъ можетъ вцѣпиться въ горло верблюду, могла и полосатая гіена обезпокоить караванъ. Въ виду всего этого мы установили строгую очередь ночнаго караула. Первая смѣна происходила въ полночь, вторая—часа въ три ночи, третья подъ утро, когда мы просыпались. Дежурнымъ я отдавалъ свои часы для соблюденія очереди. Самъ я караулилъ только тогда, когда я хотѣлъ, и обыкновенно первую смѣну, потому что долго любилъ всматриваться въ голубое звѣздное небо пустыни, вслушиваться въ ея мертвую тишину, какъ бы стараясь проникнуть въ тайну ея, уловить хотя дыханіе жизни, и вдыхая бальзамическій воздухъ ночи. Дежурные поддерживали обыкновенно отъ бездѣлья и скудный костерокъ

у нашего становища; это было заведено отчасти для того, чтобы караульщикъ не спалъ.

Не успѣлъ я еще заснуть, какъ три гіены показались на полянкѣ изъ-за кустовъ тамариска; съеживаясь, понуря головы и опустя хвостъ, онѣ тихо стали подбираться къ нашему становищу. Впервые въ жизни я видѣлъ такъ близко этихъ чудовищъ ночи, этихъ дьяволовъ, какъ ихъ называютъ арабы. Въ своихъ экскурсіяхъ въ Нижнемъ Египтѣ на развалинахъ я видѣлъ этихъ отвратительныхъ животныхъ только издали, а теперь три даабы были на pistolетный выстрѣлъ. Вдругъ верблюды зафыркали, Рашидъ повернулся въ сторону гіены; я же не могъ удержаться отъ соблазна, тихо приподнялся и выстрѣлилъ изъ револьвера, который у меня былъ постоянно за поясомъ, и эхо гулко раздалось въ сонной уади и перекатилось окрестъ нѣсколько разъ. Чудовища внезапно скрылись; весь караванъ переполошился. Долго еще мы не могли успокоиться хотя гіены не показывались всю ночь. Ихъ, впрочемъ, мы и не намѣрены были опасаться. Трусливое, отвратительное животное нападаетъ только на падаль; оно инстинктивно боится человѣка.

На другой день мы рано уже выступали въ походъ. Мы пошли, сворачивая немного къ западу, по направлению къ морскому берегу. Скоро мы начали терять совершенно ровную поверхность и вступать въ настоящую горную страну; масса холмовъ, изъ которыхъ нѣкоторые образовывали цѣпи, наполняли все видимое пространство; къ западу и къ востоку все это замыкалось значительными возвышенностями джебелъ Хаммама и джебелъ Вуты; между холмами возвышался трехвершинный Сарбутъ ел-Джемель, а еще болѣе впередъ высились острия вершины Сербалы и Баната, за которыми шла горная

страна Синая. Мы пробирались между этими безжизненными холмами, въ которыхъ царствовала мертвая, ничѣмъ не возмутимая тишина. Кое-гдѣ на скалахъ виднѣлся терновникъ, бурьянъ и пучки какой-то сѣрой травы; по дорогѣ мы видѣли нѣсколько ящерицъ и змѣй, грѣвшихся на солнцѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ мы пришли въ уади Усейтъ. Темныя стѣны запираютъ уже эту уади, которая нѣсколькими извилинами уходитъ отъ берега. Тутъ имѣется нѣсколько колодезь съ жидкою грязью вмѣсто воды; мы могли, впрочемъ, для своихъ верблюдовъ выдавить изъ грязи достаточно влаги. Нѣсколько жидкихъ пальмъ освѣняютъ непривѣтливую уади Усейтъ. Почва во многихъ мѣстахъ имѣетъ бѣловатый цвѣтъ; этотъ цвѣтъ имѣетъ и грязь источниковъ, напоминающая минеральную. Вкусъ грязи горько-щелочный указываетъ также на импрегнацію ея щелочными солями. По мѣрѣ приближенія къ морю примѣсъ натронныхъ соединеній къ почвѣ становится еще замѣтнѣе; самый суглинокъ пропитанъ солями, которыя придаютъ бѣлесоватый видъ почвѣ, мѣстами переходящій въ интенсивный бѣлый, ярко отсвѣчивающій на солнцѣ. Уади Усейтъ по Лаборду есть библейскій Элимъ. Въ 10-ти верстахъ отъ устья уади Карандель лежатъ знаменитыя Бани Фараоновы на самомъ берегу залива. Туда мы и отправились, придерживаясь ложбины уади Усейтъ. Она очень не велика и впадаетъ въ море широкимъ устьемъ. По ней послѣ нѣсколькихъ заворотовъ мы и пришли къ самому подножью Джебелъ Хаммама. Почва была по прежнему песчаная, насыщенная солями. Передъ нами снова открылся во всемъ своемъ величїи Суецкій заливъ, ярко переливавшійся на солнцѣ всеми отблесками серебра, золота и лазури.

Джебель Хаммамъ—это довольно величественная известковая скала, возвышающаяся до 1,000 футовъ, съ пирамидальноустьченною верхушкою и, съ сильно разбитыми бурями и вѣтрами, склонами. Ихъ избороденная поверхность поражала слѣдами тѣхъ влiяній, которыя оказываютъ на известковую массу движенiе воздуха и атмосферическая влажность. Море и вѣтры довольно поработали тутъ; масса минеральныхъ осадковъ вокругъ свидѣлствуютъ также о силѣ этого влiянiя. Казалось, могучiя вулканическiя силы, долго работавшия надъ этою горою, избороздили ея склоны своими титаническими проявленiями; мѣстами поверхность ея совершенно разсѣчена на пласты, мѣстами гладка и блестяща, какъ будто сплавлена или облита шлакомъ, мѣстами какъ бы изъѣдена. Вся гора, особенно съ сѣвера, изрыта большими и малыми пещерами или ходами; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ видъ настоящихъ, даже искусственныхъ пещеръ съ неправильными ходами, другiя простыхъ трубъ или каналовъ, сообщающихся между собою. Въ одномъ изъ этихъ ходовъ я нашелъ совсѣмъ свѣжiй скелетъ человѣка, недавно погибшаго, быть можетъ, убитаго здѣсь, такъ какъ между арабами полуострова до сихъ поръ еще въ полной силѣ кровавая месть, особенно за прелюбодѣянiе. Ахмедъ, по крайней мѣрѣ, утверждалъ, что онъ даже слыхалъ, что у джебель Хаммама былъ убитъ одинъ Алейкатъ за совращенiе жены своего шейха.

Въ тѣхъ пустотахъ, каналахъ и ходахъ, о которыхъ я только что упомянулъ, бьютъ ключи горячей воды и вырываются наружу. Клубы пара наполняютъ всѣ пустоты и, вырываясь изъ ходовъ, окружаютъ всю гору бѣлою дымкою. Изъ нѣкоторыхъ отверстiй струи горячей воды, сопровождаемыя клубами паровъ, вытекаютъ

на воздухъ и текутъ по направленію къ берегу по ска-тамъ горы, прямо въ море, гдѣ и смѣшиваются съ его холодными струями. Я не могъ прослѣдить, какое отно-шеніе имѣютъ эти ключи и струи воды къ пустотамъ и ходамъ. Открываются ли ключи изъ подземныхъ род-никовъ въ пещеры, или послѣднія служатъ резервуа-рами, откуда вытекаютъ уже струи, я не могу сказать, потому что клубы пара и удушливая атмосфера мѣшала подробному изученію этого любопытнаго феномена. На сколько я могъ замѣтить, есть три или четыре силь-ныхъ ключа въ пустотахъ джебелъ Хаммама, которые бьютъ изъ подземныхъ горячихъ родниковъ. Вода этихъ первичныхъ источниковъ частью собирается въ одну большую струю, а частью по сообщающимся ходамъ, какъ кровь по сосудамъ изъ сердца, расходится во все стороны. Сѣрный запахъ пропитываетъ всю атмосферу вокругъ; около пещеръ и галлерей онъ интензивенъ до удушливости; вся почва у подножья горы пропитана сѣр-нистыми соединеніями; даже вода въ морѣ носитъ за-пахъ сѣроводорода. Температура воды ключей не осо-бенно высока; разумѣется, внутри пустотъ и ходовъ она выше, чѣмъ на воздухѣ. По моему термометру она рав-няется внутри около 50—56° Р., а на наружномъ воз-духѣ всего отъ 25—30°. Мой неточный воздушный тер-мометръ не давалъ мнѣ особенно точныхъ цифръ, но, на сколько я могъ замѣтить, температура воды не у всехъ источниковъ одинакова. Интересно было прослѣдить съ помощью одного осязанія какъ постепенно понижается t° воды ключей по мѣрѣ ея смѣшиванія съ морскою; въ различныхъ мѣстахъ этого смѣшенія можно было градуировать любую t° . Кромѣ высокой температуры вода источниковъ джебелъ Хаммамъ богата и минераль-ными соединеніями; известковыя, натровыя, хлористыя

и сѣрнистыя соли, заключающіяся въ ней въ довольно высокомъ процентномъ содержаніи, придаютъ водѣ Фараоновыхъ Бань непріятный жгучій вкусъ и настоящія цѣлебныя свойства. По химическому содержанію солей, джебель Хаммамъ одинъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ горячихъ ключей; къ сожалѣнію, ни одинъ врачъ не воспользовался его минеральными водами, хотя среди арабовъ Каменистой Аравіи онъ пользуется большою славою. Немудрено, поэтому, что окрестные бедуины приходятъ сюда лечиться отъ всѣхъ болѣзней. Сифилитическія назожныя страданія, столь обыкновенныя среди жителей Востока, несомнѣнно облегчаются при употребленіи водъ джебель Хаммамъ, столь богатыхъ по содержанію сѣры. Отсюда, вѣроятно, и ихъ древняя слава, далеко, впрочемъ, не доказанная. Одинъ предприимчивый египетскій врачъ думалъ устроить въ джебель Хаммамъ лечебницу, но умеръ, не успѣвъ и приступить къ своему предпріятію. Послѣ его смерти никто еще до нынѣ не воспользовался счастливою мыслью, хотя навѣрное бы не прогорѣлъ, если только сдумѣлъ преодолѣть всѣ трудности превращенія Бань Фараоновыхъ въ лечебницу.

Поэтическое воображеніе сыновъ пустыни украсило эту чудную скалу цѣлымъ цикломъ преданій, которыя единогласно называютъ ее скалою фараона. Интересно было бы прослѣдить, почему имя египетскихъ повелителей осталось за этою горою съ горячими ключами. По всей вѣроятности, это есть отголосокъ старой были, гласившей, что фараоны Египта не забывали этихъ цѣлебныхъ ключей и прибѣгали къ ихъ цѣлительной силѣ. Одно преданіе говоритъ, что въ горячей водѣ Фараоновыхъ Бань мучится жестокой фараонъ за свои грѣхи; его стоны по временамъ можно даже услышать, если

приложить въ глухую полночь ухо къ поверхности скалы. Это арабское сказаніе навѣяно, разумѣется, библейскими преданіями о фараонахъ-мучителяхъ народа Божія. Другое болѣе реальное преданіе повѣтствуетъ, что въ теплыхъ ключахъ этихъ источниковъ приходили купаться красавицы дочери фараона, чтобы быть вѣчно молодыми. Это преданіе напоминаетъ русскую сказку о полученіи вѣчной молодости посредствомъ купанія въ кипяткѣ. Не смотря на то, что всѣ преданія говорятъ о джебелъ Хаммамѣ, какъ о ключахъ фараона, мы не находимъ и слѣда какихъ нибудь сооруженій или приспособленій для употребленія этихъ источниковъ.

Осмотрѣвши джебелъ Хаммамъ, я не могъ воздержаться отъ того, чтобы не выкупаться на взморьѣ и не прослѣдить всѣ прелести перехода отъ температуры едва переносимой человѣческой кожей, до пріятной морской свѣжести. Болѣе часу я пробылъ въ водѣ, не смотря на всѣ увѣщанія проводниковъ, пугавшихъ меня акулами, очень обильными въ Суецкомъ заливѣ, и вышла изъ моря, когда совершенно усталъ плавать. Было около полудня; солнце стояло прямо надъ нашими головами, и все блистало вокругъ насъ. Чудное и величественное зрѣлище представляла тогда скала джебелъ Хаммамъ. Тяжелыя испаренія окружали ея скаты, какъ бы клубами бѣлаго пара, вырывавшагося изъ ея отдушинъ; гора будто дышала и, какъ сказочный огнедышщій змѣй, изрыгала изъ своей пасти горячую воду и паръ. Выдѣляющійся сѣроводородъ разлагалъ минеральныя соединенія испареній и осаждалъ ихъ натронныя соли на неровностяхъ скалы, на почвѣ, на камняхъ и на пескахъ; мелкіе кристаллы свѣжеосажденной соли блестѣли на солнцѣ милліонами радужныхъ лучей... Вѣчный шумъ бурлящей воды и, вырывающихся изъ трещины, паровъ,

оригинальная скала причудливаго очертанія, эти горячіе ручейки, катящіеся по песку къ берегу, представляютъ рѣдкое сочетаніе, такъ гармонирующее съ окружающею природою.

Прибавьте сюда дикую прелесть пустыни, чудную синеву Суецкаго залива съ живописными берегами противоположнаго берега, ярко вырисовывающимися въ прозрачномъ воздухѣ, и вы поймете, почему я нѣсколько часовъ оставался на этомъ мѣстѣ. Между прочимъ, часа съ полтора я пробродилъ съ Ахмедомъ и Юзою въ окрестности Хаммама въ надеждѣ сыскать какіе нибудь слѣды древняго человѣка, но ничего не нашель, хотя мнѣ казалось, что они должны существовать въ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ природа является во всемъ своемъ величіи. Такія мѣста привлекають доисторическаго человѣка; онъ приходитъ сюда, воздвигаетъ здѣсь свои алтари и поклоняется могучимъ силамъ природы—его первымъ божествамъ.

Отъ джебель Хаммамъ Фираунъ до Ферана.

Отъ Банъ Фараоновыхъ мы пошли опять по уади Усейтъ, а потомъ, перейдя ее, начали пробираться между известковыми холмами и мѣловыми кражами съ массою кремней, совершенно обнаженными и лишенными всякой растительности, даже бурьяна. Мѣстами въ ребрахъ кражей выступали конгломераты и глыбы раковистаго известняка, въ другихъ—порядочныя глыбы каменныхъ породъ. Кругомъ было все безжизненно и мертво. Даже птицъ не было видно ни на небѣ, ни среди холмовъ; ни насѣкомыхъ, ни змѣй, ни ящерицъ не виднѣлось на пескѣ. Только въ одномъ мѣстѣ вдали передъ нашими глазами промелькнулъ убѣгавшій каменный козелъ съ

великолѣпными рогами (*Capra Sinaitica*). Мѣловые кряжи сильно блестяли на солнцѣ, и этотъ ослѣпительный блескъ раздражалъ наши глаза до болѣзненности, отъ которой не спасали даже темные консервы. Нѣкоторые кряжи, наоборотъ, казались мрачными и даже совсѣмъ темными отъ массы кремней, покрывавшихъ ихъ склоны. Сочетаніе темныхъ тоновъ съ ослѣпительнымъ бѣлымъ цвѣтомъ было еще непріятнѣе для глазъ; они начали слезиться и зудить; непріятное ощущеніе усугублялось еще тѣмъ, что крупные отвѣсы кряжей, идущихъ къ морю въ разныхъ направленіяхъ, отражая лучи солнца, производили впечатлѣніе стѣнъ раскаленной русской печи, отъ которой такъ и пылало жаромъ. Голова трещала отъ боли, глаза слезились и болѣли, тѣло обливалось потомъ, дыханіе становилось неровнымъ и порывистымъ отъ удушающей атмосферы, руки отказывались держать поводья верблюдовъ. Страшно тяжело тащиться въ полдень по раскаленной пустынѣ.

Около двухъ часовъ мы жарились въ этомъ пеклѣ, пока не выбрались въ уади Таль; тамъ стало полегче. Уади Таль не широка и не длинна; мѣстами она очень узка, мѣстами же расширяется до полуверсты шириною. Ровная ея ложбина пересѣкается рывтинами, небольшими подъемами и оврагами. Нѣсколько кустовъ акаціи, нитразіи и манновыхъ деревьевъ скрывали лужи съ грязною солоноватою водою, къ которой было приложились верблюды, но тотчасъ зафыркали и отвели свои морды. Почва на порядочное пространство отъ этихъ источниковъ пропитана насквозь минеральными соединеніями; даже на поверхности выступаютъ селитрянныя отложенія, на которыхъ любятъ расти тamarisks, *Diotis*, *Achillea*, *Echinops*, *Lucium* и другія растенія пустыни. Въ кустахъ акаціи насвистывали веселенькія

пѣсенки милостивныя горихвостки и какія то другія сѣрыя птички.

Уади Таль, идя почти перпендикулярно отъ джебелъ Вута къ джебелъ Хаммаму, образуетъ естественную дорогу къ этой послѣдней горѣ и къ морю. Отъ нея отвѣтвляется къ югу уади Шебейкэ, куда мы скоро и вошли. Горы, отходящія отъ поперечнаго ел-Тихскаго хребта подъ именемъ джебелъ Вута, начинаютъ отступать къ сѣверу, а замѣсто ихъ выдвигаются съ юга новыя громады, идущія отъ Синайскаго горнаго узла, которыя у уади Шебейкэ доходятъ почти до моря. Отъ извѣстнаго сочетанія горъ и уади, сходящихся здѣсь, путь къ монастырю раздѣляется на двѣ вѣтви; одна болѣе сѣверная и кратчайшая пойдетъ по уади Гумръ, мимо Сарбутъ ел-Хадима, другая, южная и болѣе круглая, черезъ уади Магара и Феранъ. Мы взяли по южному направленію къ устью уади Тайбэ, образующейся отъ соединенія двухъ уади: Гумръ и Шебейкэ, и идущей также къ морю.

По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько кучъ камней, и въ томъ числѣ одну побольше, которую арабы называютъ могилою Теммана. Мы изслѣдовали ее довольно внимательно и убѣдились, что она принадлежитъ, по всей вѣроятности, къ остаткамъ каменнаго вѣка. Находки, сдѣланныя вблизи отъ нея въ уади Тайбэ, подтверждаютъ наше предположеніе. Уади Шебейкэ даетъ во всѣ стороны массу отвѣтвленій, образующихъ настоящую сѣть, вступающихъ другъ съ другомъ въ сообщеніе, небольшихъ горныхъ долинъ. Такимъ образомъ, она оправдываетъ свое арабское названіе „сѣть“. Скоро мы вошли въ уади Тайбэ.

Она не велика, но чрезвычайно живописна; извиваясь, какъ змѣя, она прямо идетъ къ морю, запертая со

всѣхъ сторонъ горами. Это первая уади изъ видѣнныхъ нами, идущая между каменными громадами; какъ бы между стѣнами. Эти стѣны, то сближаясь, то отдаляясь другъ отъ друга, сопровождаютъ уади до самаго ея устья. Немного солоноватой воды прячется въ тѣни манновыхъ деревьевъ, обильно произрастающихъ здѣсь. Мы бодро подвигались по этой узкой долинкѣ, слѣдуя всѣми ея извилинами, и любовались ея величественною природою. Виды становились съ каждымъ шагомъ живописнѣе и поражали своею дикою прелестью. Какъ бы рукою человѣка, сдѣланы были эти отвѣсы и обрывы, спускающіеся террасами. Ихъ причудливыя сложенія и очертанія напоминали колоссальныя циклопическія постройки—горы, нагроможденныя одна на другую могучими руками и разумною волею. Какъ желтоватая лента съ зелеными пятнами лѣсовъ тарфъ, извивалась уади между стѣнами, причудливо сгруппированныхъ, каменныхъ массъ. Нѣсколько пальмъ оживляло еще болѣе ландшафтъ, представляющій нѣчто въ родѣ огромнаго амфитеатра. Перспектива удивительная; переходы тоновъ поразительны! Какъ бы надвигаются одна надъ другою эти кругловатыя массы, то черныя, какъ обожженный уголь, то блистающія своею бѣлизною, то представляющія оттѣнки удивительнаго перехода тоновъ отъ чернаго къ бѣлому и яркожелтому, на которыхъ, какъ бы широкою кистью, положены прекрасныя красноватыя полосы. Конгломераты на многихъ изъ горныхъ массъ Тайбэ перемежаются разноцвѣтными слоями, представляющими зрѣлице, отъ котораго не хочется отвести глазъ; пласты черныя, какъ уголь, перемежаются съ красными, бѣлыми и желтыми; самыя вершины этихъ фантастическихъ скалъ, обыкновенно желтыя, красиво вырисовываются на голубомъ небѣ пустыни. Многочис-

ленные вьющіяся растенія мѣстами оживляютъ дикую красоту этихъ расписныхъ скалъ.

Джебелъ Тайбэ, возвышающійся почти надъ моремъ, представляетъ настоящую раскрашенную скалу съ золотистымъ основаніемъ, красно-черною серединою и ярко-желтою вершиною. Мѣстами, говорятъ арабы, въ этихъ горахъ находятъ цѣлыя залежи каменной соли, что и можно ожидать, потому что вся почва пропитана соляными частицами. Прекрасною рамкою чудной горѣ джебелъ Тайбэ служитъ голубое серебристое море и бѣловатая поверхность пустыни ел-Марха—библейской Синь. Въ уади Тайбэ намъ удалось найти очень интересные останки древняго человѣка, чѣмъ мы обязаны нашему проводнику Ахмеду.

Какъ сказано было выше, въ этой уади кромѣ нѣсколькихъ травянистыхъ растеній есть еще порядочно тарфѣ. Онѣ образуютъ небольшія рощицы, въ которыхъ мы видѣли тоже двухъ или трехъ бедуиновъ, собиравшихъ манну. Въ одной изъ этихъ рощицъ Ахмедъ обѣщаль показать мнѣ мѣсто, гдѣ завтракали африты—злые духи пустыни. Надѣясь найти что нибудь болѣе реальное въ этомъ мѣстѣ, и уже заподозривъ кухонные остатки, я пошелъ пѣшкомъ блуждать по уади, не смотря на страшную жару среди тамарисковъ. Я не ошибся въ своемъ первоначальномъ предположеніи. Мой проводникъ привелъ меня къ небольшой грудѣ камней различной величины. Около нея есть небольшіе холмики песку, которые даже на поверхности были покрыты множествомъ кремней безъ слѣдовъ особенной обработки. Присутствіе съ этими кремнями костей различныхъ животныхъ, разбитыхъ въ куски для добыванія мозга—этого самаго лакомаго куска народовъ, питающихся мясомъ, а также нѣсколько раковинъ и рыбныхъ костей,

показывало, что мы имѣемъ дѣло съ, такъ называемыми, кухонными остатками, и что кремни, встрѣченные нами здѣсь, ничто иное, какъ примитивныя орудія для раскрытія съѣдобныхъ раковинъ. Я былъ очень обрадованъ такою скорою находкою слѣдовъ каменнаго вѣка въ Каменистой Аравіи и кухонныхъ остатковъ, о существованіи которыхъ я не подозрѣвалъ. Мы съ Ахмедомъ своими широкими ножами разрыли нѣсколько холмиковъ песку и съ добычею вернулись къ своей стоянкѣ.

Такъ какъ солнце еще палило жестоко, то мы не пошли дальше въ тотъ день, и отдохнули въ долину Тайбэ, выйдя къ самому устью ея. Разсматривая свои находки, я убѣждался, что кьекенмѣдингсы Синайскаго полуострова ничѣмъ не отличаются отъ кухонныхъ остатковъ другихъ странъ. Преданіе же арабовъ, повѣствующее о томъ, что одинъ неосторожный, но многогрѣшный шейхъ попалъ, по нечаянности, на завтракъ злыхъ духовъ въ уади Тайбэ и былъ съѣденъ ими,— по моему мнѣнію, есть отголосокъ сѣдой старины—временъ антропофагіи, которой существованіе мнѣ удалось доказать для Каменистой Аравіи.

Наше становище было расположено при выходѣ Тайбэ къ морю; песчаный берегъ этого послѣдняго сейчасъ къ югу расширялся въ широкую поверхность пустыни Марха; соединяясь же съ другими пустынями, она составляла звено песчанаго кольца, окружающаго весь полуостровъ.

Синайскій полуостровъ, такимъ образомъ, окаймляется рядомъ песчаныхъ пустынь, то едва замѣтныхъ, то расширяющихся въ значительныя поверхности; отъ прибрежныхъ песковъ идутъ террасовидныя возвышенія къ центру полуострова, гдѣ возвышаются величественныя громады; многочисленныя уади показываютъ безъ гипсо-

метрическихъ изслѣдованій направленія этихъ наклонъ. Нуммулитическій известнякъ, суглинокъ, мѣловыя и песчанья породы составляютъ геологическое строеніе ел-Марха, какъ и другихъ окаймляющихъ пустынь, доказывающее ихъ нептуническое происхожденіе. Многочисленныя раковины, попадающіяся въ различныхъ пластахъ береговыхъ возвышеній, позволяютъ еще подробнѣе себѣ уяснить всю исторію образованія Синайскаго полуострова. На прибрежныхъ пустыняхъ тамъ и сямъ разбросаны известковые бугры, оканчивающіеся невысокимъ мысомъ абу Ценимэ, названнаго такъ по имени святаго, похороненнаго, по арабскому сказанію, на берегу моря для помощи путешественникамъ и мореплавателямъ. Могила Абу-Ценимэ находится дѣйствительно недалеко отъ моря. Это было очень интересное сооруженіе изъ камней, принадлежащее, по моему мнѣнію, тоже къ остаткамъ каменнаго вѣка. Грубость камней и нехитрое сложеніе ихъ сильно говорятъ за мое предположеніе. Груда циновокъ и связки тростника покрываютъ эту могилу, священную въ глазахъ арабовъ. Эти послѣдніе приходятъ сюда молиться и приносятъ въ жертву покойному все, что имѣютъ. Не богато ихъ имущество, не дороги и ихъ дары. Кромѣ циновокъ и тростника, вокругъ еще валяются лоскутки одежды, обломки глиняной посуды, а также морскія раковины, кости рыбъ и животныхъ. Не смотря на всѣ рассказы арабовъ, я остался при убѣжденіи, что самое каменное сложеніе построено было доисторическимъ человѣкомъ; быть можетъ, шейхъ и погребенъ здѣсь, но только потому, что древнее сооруженіе пользовалось священнымъ уваженіемъ уже издавна. Подобное позднѣйшее погребеніе покойниковъ въ древнихъ могилахъ подробно разобрано нами въ нашихъ работахъ, какъ относительно

Каменистой Аравіи, такъ и Новгородскихъ кургановъ подъ именемъ вторичнаго погребенія. Боясь оскорбить религіозное чувство своихъ проводниковъ, я не подвергалъ обстоятельному изученію могилы Абу-Ценимэ.

До самаго поздняго вечера я блуждалъ по берегу моря; между песчаными и известковыми холмами я находилъ небольшіе колодцы солоноватой воды, которые не могу считать за остатки приливовъ. Скучная растительность, состоящая изъ полувывсохшихъ травъ и бурьяна какого то неопредѣленнаго сѣроватаго цвѣта, не радуеть взора; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я находилъ растеніе, по общему морфологическому облику похожее на Іерихонскую розу, свободно лежащее на пескѣ со всѣми стеблями и одиночнымъ, спиралеобразно завитымъ, корнемъ. Салсола, Echinum и травы, носящія арабскія наименованія Шенъ и Буссаранъ, небольшими пучками росли кое гдѣ около воды. Изъ царства животныхъ, кромѣ морскихъ птицъ, носившихся по берегу и надъ поверхностью воды, я замѣтилъ только муравьевъ. Небольшой муравейникъ ихъ находился въ абсолютно безплодной мѣстности. Я удивлялся возможности безбѣднаго существованія этихъ трудолюбивыхъ насѣкомыхъ на известково-песчаной почвѣ. Я не осмѣливаюсь высказаться опредѣленно, но упомяну вскользь, что заподозрилъ въ этихъ муравьяхъ способность питаться органическими остатками, во множествѣ валяющимися по берегу.

Блуждая по берегу, я занимался усердно собираніемъ раковинъ и разсматриваніемъ слѣдовъ недавняго отлива. Роскошные дары Амфитриды были разбросаны на огромномъ пространствѣ; въ глазахъ даже рябилося отъ чуднаго разнообразія формъ, представляемыхъ всевозможными дарами океана. Красивыя

разноцвѣтныя раковины, которыми такъ богато Красное море, обломки коралловъ, остатки морскихъ звѣздъ, ежей, зоофитовъ и рыбьихъ скелетовъ представляли огромную жатву для собирателя. На влажномъ пескѣ еще копошились разнообразныя морскія существа, оставленныя здѣсь волною отлива, а изъ свѣже-выброшенныхъ раковинъ выглядывали странные моллюски.

Такъ какъ уади Тайбэ представляетъ естественный выходъ изъ внутреннихъ горныхъ частей Полуострова и такихъ важныхъ уади, какъ уади Магара и долина Гумръ съ Сурбутъ ел-Хадимомъ, то, вѣроятно, при впаденіи ея въ море была гавань фараоновъ, вывозившихъ розовый гранитъ Магары и мѣдь съ бирюзкою ея знаменитыхъ рудниковъ на своихъ корабляхъ въ порты Египетскаго берега. Тѣ камни шли на облицовку колоссальныхъ памятниковъ долины Нила, а металлы, добываемые изъ копей Синая, служили для отливки оружія и статуй древнихъ египетскихъ божествъ. У мыса Абу-Ценима древняго Посейдоніума предполагаютъ была библейская стоянка евреевъ у Чермнаго моря, когда они, проблуждавъ по пустынямъ, пришли къ берегамъ моря, чтобы немножко отдохнуть.

На другой день съ ранняго утра мы шли по пустынѣ ел-Марха по самому морскому берегу. Поверхность залива была похожа на растопленное серебро и не колыхалась; солнце во всемъ своемъ величій освѣщало бѣловатый прибрежный песокъ. Особенно ослѣпительными казались известковыя возвышенности, тянувшіяся слѣва у насъ. Онѣ назывались джебелъ ел-Мемла—раковинчатыя горы, по арабски. Отчасти онѣ оправдывали свое названіе тѣмъ, что въ ихъ пластахъ попадаются дѣйствительно раковины, а главное, своею формою, которая дѣйствительно имъ придаетъ видъ колоссальныхъ много-

створчатыхъ раковинъ. Горы эти, известковой природы, были разсѣчены на пласты такими сѣченіями и въ такихъ плоскостяхъ, что казались какъ-бы изуродованными. Мѣстами глубокія трещины и ложбины, словно расщепъ двустворчатой раковины, раздѣляла части одной горы, такъ что вышеприведенное сравненіе не казалось страннымъ и непонятнымъ.

Черезъ нѣсколько часовъ пути по морскому берегу, въ продолженіи которыхъ мы нѣсколько разъ останавливались для собиранія великолѣпныхъ раковинъ, въ огромномъ количествѣ валявшихся на пескѣ, мы вышли въ настоящую пустыню. Горныя группы нѣсколько отходятъ къ востоку, а впереди возвышаются уже болѣе мрачныя зубчатая вершины. Между бѣловатыми горбинами джебелъ ел-Мемла возвышаются мрачныя массы джебелъ ел-Марха, до 200 метровъ вышиною. Онѣ замыкаютъ пустыню съ сѣверной стороны. Труденъ былъ нашъ четырехчасовой переходъ черезъ ел-Марху. Солнце палило немилосердно; жажда изсушала внутренности, а тепловатая испорченная вода нашихъ бурдюковъ не освѣжала даже рта. Голова сильно болѣла; я едва сидѣлъ на верблюдѣ и ожидалъ солнечнаго удара. Словно приступы морской болѣзни подходили ко мнѣ по временамъ, и тогда я безсильно склонялся на горбъ дромадера. Глаза слезились и закрывались подъ консервами; сердце какъ-то судорожно билось; дыханіе спиралось отъ душливаго зноя. Руки и лицо сильно саднили отъ палящихъ солнечныхъ лучей, хотя уже давно приняла темно-бронзовый цвѣтъ. Какъ-то болѣзненно дѣйствовали на сердце, тамъ и сямъ бѣлѣющіе, остовы верблюдовъ, хотя къ виду ихъ мы уже имѣли возможность приглядѣться.

Совсѣмъ измученные, мы пришли къ устью уади

Шеллаль, которой входъ терялся среди каменныхъ громадъ, грозоздившихся вокругъ. Горныя дебри Синая начинались отсюда; хотя еще преобладалъ песчанникъ, но кое-гдѣ выступали гранитныя формаци. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ мы уже очутились изъ песчаной пустыни въ горной дебри и были совершенно поглощены этою каменною природою. Мы шли не ложею потока, а какою-то трещиною, причудливо извивающеюся между, защищающими ее, громадами, безпрестанно подымаясь и опускаясь, какъ со ступени на ступеню, обходя огромныя кучи камней, лежащихъ въ хаотическомъ безпорядкѣ и на нашемъ пути, и на склонахъ скалъ, мы подымались очень медленно впередъ. Мѣстами уади превращалась въ оврагъ, мѣстами въ узкое ущелье, по которому съ трудомъ пробирались дромадеры. Несмотря на всѣ неровности пути, мы все-таки, хотя по-немногу, углублялись въ самое сердце Синая; огромныя каменные массы, понижаясь, оставались за нами; ихъ многоголовыя верхушки, какъ волны каменнаго моря, разстилались за нами, блистая на полуденномъ солнцѣ самыми волшебными отблесками.

Скалы уади Шеллаль не простыя каменные громады, какія можно видѣть въ каждой горной странѣ, то скалы живописныя, причудливо раскрашенныя съ чудными арабесками, съ волшебною игрою свѣта и красивымъ подборомъ цвѣтовъ. Разноцвѣтные песчанники всѣхъ цвѣтовъ, начиная отъ краснаго, зеленаго, желтаго, голубоватаго до бѣлаго и совершенно чернаго, которыхъ яркость еще болѣе усиливается оптической иллюзією, преломленіемъ лучей полуденнаго солнца въ чистомъ горномъ воздухѣ и тѣнями, обволакивающими эти громады. Мѣстами кромѣ основныхъ цвѣтовъ и тоновъ видѣются еще жилки оранжеваго, желтаго и красноватаго

цвѣтовъ, придающія песчаникамъ видъ цвѣтнаго мрамора. Если прибавить ко всему вышесказанному, что скалы уади Шеллаль еще не ровны и что напластованія, составляющія ихъ, неравномѣрной величины и кромѣ того, причудливымъ образомъ наложены одни на другія, то станетъ понятнымъ, что подобное сочетаніе напоминаетъ поразительно искусственную выкладку, и что глазъ не можетъ освободиться отъ иллюзіи, чтобы не видѣть въ этихъ пестрыхъ громадахъ циклопическія постройки титаническаго человѣка. Самое странное сочетаніе формъ, очертаній и цвѣтовъ, какое себѣ можно вообразить, хаосъ, раскрашенныхъ съ арабесками, скалъ, величіе горной природы, мертвенность пустыни—и все это залитое моремъ яркаго свѣта—вотъ общее впечатлѣніе, оставшееся у насъ отъ уади Шеллаль.

Правда, многіе изъ этихъ цвѣтовъ и тѣней простая оптическая иллюзія, правда—глазъ человѣческій до того поражается чудеснымъ видомъ расписныхъ скалъ, что многія краски и тоны воспроизводятся воображеніемъ тамъ, гдѣ ихъ не существуетъ на самомъ дѣлѣ, но все таки игра красокъ и цвѣтовъ въ уади Шеллаль поразительна. Оно и понятно отчасти. Если однообразная поверхность пустыни играетъ разноцвѣтными лучами при блескѣ полуденнаго или восходящаго солнца, то расписныя скалы съ трещинами и промежутками между отдѣльными напластованіями должны производить волшебную игру цвѣтовъ и тѣней при различныхъ освѣщеніяхъ. Не смотря на яркость красокъ, царящую въ уади Шеллаль, ни одна свѣжая травинка не оживляетъ пеструю, но мертвенную красоту ея. Только жалкіе пучки *Artemisia*, *Genista*, *Schen* и др. травъ, произрастающихъ даже въ мертвыхъ пустыняхъ, кое-гдѣ виднѣлись на пути, нисколько не придавая жизни окружающей природѣ.

Темная, мрачная, величественная гора джебелъ Баба возвышалась настоящею траурною массою среди этого моря яркихъ красокъ и была великолѣпна своею причудливою формою, страшными отвѣсами, неровными, терасовидными спусками и зубчатою вершиною. Мрачное, подавляющее впечатлѣніе этой темной каменной массы усиливалось еще тѣмъ, что у подножья ея, каменные кучи и нагроможденія были особенно обильны; и на скатахъ горъ, и по уади были разбросаны огромные камни, изъ которыхъ нѣкоторые поражали своими правильными формами. Тутъ были и правильныя плиты, и параллелепипеды, и кубы, и полуоббитыя сферическія фигуры—и все это, казалось, настоящимъ дѣломъ титаническихъ рукъ. Всевозможныя сложенія этихъ камней были до того разнообразны и такъ сходны съ искусственными образованиями, что, казалось, невозможнымъ, чтобы природа умѣла такъ подражать. Антропологъ здѣсь найдетъ подобіе дольменовъ и другихъ сооружений каменнаго вѣка. Нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы здѣсь были и настоящіе остатки литической эпохи. Прimitивный человѣкъ, какъ и его позднѣйшіе потомки, любилъ такія, подавляющія своимъ величіемъ, мѣстности и охотно воздвигалъ здѣсь алтари своимъ божествамъ и хоронилъ своихъ покойниковъ. Я, по крайней-мѣрѣ, сильно заподозрѣлъ нѣкоторыя изъ сложеній этой уади, какъ и ея окрестностей въ ихъ искусственномъ происхожденіи, особенно, когда мнѣ удалось около одного найти кости человѣка и рыбы остатки. Нѣкоторыя изъ кучъ камней состоятъ изъ песчаниковъ, другія изъ обломковъ каменныхъ породъ, третьи изъ шлаковъ, порфировъ и гранита. Однѣ изъ нихъ сложены изъ довольно значительныхъ камней, другія, изъ мелкихъ, словно изъ щебня. Между ними есть такія сочетанія разнородныхъ матеріаловъ,

что ихъ приходится поневолю заподозрѣвать. Если по близости нѣтъ розоваго порфира, а одинъ песчанникъ, кучи же сложены изъ порфира и гранита, или, есть порфировыя массы, а кучи состоятъ изъ обожженныхъ шлаковъ или обломковъ песчанника, то подозрѣніе является само собою. Изученіе расположенія матеріала, изъ котораго сложены каменные кучи въ такой странѣ обильной всякими сочетаніями камней, какъ Каменистая Аравія, служить часто единственнымъ критеріемъ для распознаванія естественнаго или искусственнаго происхожденія того или другаго сложенія. Не надо только забывать, что вліяніе вулканическаго огня, вылившаго каменные массы въ причудливыя формы, вѣтра, воды и времени, можетъ быть настолько сильнымъ въ происхожденіи разнообразныхъ явленій природы, что только опытный геологъ можетъ дать вѣрныя уясненія.

Долго мы подымались по терасѣ, что было невыносимо на полуденномъ солнцѣ; верблюды приустили совершенно, проводники ѣхали молча, апатично и, видимо, значительно страдаая; я же ничего не чувствовалъ, ничего не замѣчалъ, весь погруженный въ созерцаніе волшебной панорамы, открывающейся передъ моими глазами. Эти чудныя скалы и терассы, эти разноцвѣтныя громады были безжизненны и мертвы; даже змѣй и ящерицъ не было видно на ихъ обожженныхъ склонахъ; газели и козлы бѣгутъ отъ этихъ бесплодныхъ дебрей къ зелени и водѣ; только горныя куропатки и каменки (*Saxicola*), говорятъ, еще рѣшаются обитать здѣсь, питаюсь, Богъ знаетъ, чѣмъ, да горная сова глухою ночью гулко стонетъ въ горномъ ущельѣ; тотъ стонъ одинъ нарушаетъ безмолвіе мертвой природы, если не бушуютъ вѣтры и бури между скалами.

Спуски и подъемы были такъ легки, что мы не за-

мѣчали, какъ мы поднимались на такія высоты, какія издали казались непреступными, и какъ за нами оставалась пройденною дѣлая горная страна. Послѣ нѣсколькихъ часовъ блужданія, во время котораго, мнѣ казалось, что Ахмедъ, ѣхавшій впереди нашего, цугомъ педшаго, каравана, заблудился, мы пришли къ дикому высокому проходу—Нукбъ ел-Буддра, гдѣ горныя массы совсѣмъ запирають и безъ того не широкую, камнями заваленную, тропу. Едва ли гдѣ на землѣ есть болѣе дикое ущелье; ни Швейцарія, ни Пиринеи, ни Кавказъ, ни Скандинавскія горы, по крайней мѣрѣ, не могутъ дать и понятія объ этой тѣснинѣ, которую сами арабы называютъ жилищемъ горныхъ духовъ—афритовъ, гнѣздящихся въ этихъ дебряхъ и стерегущихъ, подобно нѣмецкимъ кобольдамъ, заключенныя въ горахъ, сокровища. Самое причудливое сочетаніе, обнаженныхъ и какъ бы обожженныхъ огнемъ, скалъ, нагроможденныхъ одна на другую, разсѣченныхъ глубоко трещинами на пласты, абсолютно мертвая, подавляющая своею колоссальностью, природа, каменное море, такъ сказать, лежащее окрестъ васъ, котораго исполинскія волны образуютъ скалы въ нѣсколько сотъ футовъ вышины — вотъ общая картина этого дикаго прохода; подробностей его мнѣ не описать. Изумленному взору кажется, что онъ обзираетъ землю послѣ великаго переворота, когда массы каменной лавы, поднятыя вулканическими силами, излились изъ нѣдръ земли и разлились по пустынѣ. Такъ и кажется, что присутствуешь при одномъ изъ величественныхъ актовъ творенія, когда, долго бушевавшія и кипѣвшія, каменные волны наконецъ улеглись и застыли въ такія мрачныя скалы, дикія ущелья, въ которыхъ древнему греку померещился бы непремѣнно входъ въ Аидъ—царство Плутона. Оно такъ и было;

происхожденіе такихъ горныхъ урочищъ, какъ учить геологія, обуславливается изліяніемъ каменной лавы; обожженные, черныя, какъ уголь, скалы, массы шлаку и другихъ остатковъ вулканическаго происхожденія подтверждаютъ это.

Между каменными громадами мѣстами въ огромномъ количествѣ попадаются небольшіе кусочки діорита, порфира, колчедановъ до того схожихъ съ произведеніями рукъ человѣческихъ, что арабы пустыни говорятъ о нихъ, что эти камни были игрушками горныхъ духовъ, которые любятъ лунною ночью играть въ ущелья Буддра. Интересно то обстоятельство, что впоследствии я видѣлъ у двухъ арабовъ изъ племени Муссейновъ, кочующихъ въ восточной части полуострова, камешки, сходные съ діоритовыми обломками Буддра, служившіе замѣсто талисмановъ. Подобные послѣднимъ я нашелъ также и въ одномъ изъ навамисъ Акабинскихъ альпъ. Кромѣ этихъ интересныхъ образованій въ ущельѣ Буддра встрѣчается еще масса каменныхъ кучъ; нѣкоторыя изъ нихъ находятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя допустить ихъ естественнаго образованія. Не были ли онѣ дорожными вѣхами въ этихъ ужасныхъ горныхъ дебряхъ, или остатками еще болѣе специальнаго и древняго характера? Правда, здѣсь пролегалъ издревле путь, идущій изъ уади Магары, гдѣ древніе Египтяне съ такимъ успѣхомъ разрабатывали ея руды, путь, еще недавно обновленный Макдональдомъ, снова открывшимъ рудники Магары для современнаго Египта. Многія изъ этихъ кучъ камней, особенно составленныхъ изъ шлака, и камней черныхъ, какъ антрацитъ, вѣроятно, принадлежатъ временамъ, когда здѣсь шло оживленное движеніе подданныхъ фараоновъ.

Какими же тогда должны были казаться расписныя

скалы, когда между ними двигались караваны съ дарами Синая, когда у ихъ подножья отдыхали блестящіе представители Египта, которыхъ лики и донныѣ сохраняются изсѣченными на сосѣднихъ скалахъ. Теперь онѣ совершенно мертвы; скалы и уади спятъ непробуднымъ сномъ, и ничто живое, кромѣ смѣлаго путника, не нарушаетъ покоя горныхъ духовъ, какъ говорятъ бедуины. Некому любоваться этими причудливыми очертаніями скаль и склоновъ, этими пестрыми арабесками, которыя могла нарисовать на огромныхъ каменныхъ стѣнахъ одна исполинская кисть—природа, перемѣшавъ пласты черного, какъ смоль, бѣлаго, какъ снѣгъ, краснаго, розоваго, желтаго, зеленоватаго и всѣхъ промежуточныхъ оттѣнковъ-известняковъ, рельефно выдѣляющіеся на лазурномъ небѣ пустыни. Здѣсь для геолога цѣлое непочатое поле для самыхъ остроумныхъ изслѣдованій.

Мы провели ночь въ этомъ ущельѣ; той ночи я никогда не забуду. Когда ночной мракъ покрылъ Буддра, и всѣ очертанія потонули во тьмѣ, тогда мнѣ показалось, что мы находимся словно въ глубокой ямѣ, замкнутой огромными неровными стѣнами, изъ которой невозможно выбраться. Небольшой яркій огонекъ, на которомъ Юза заварилъ чай и похлебку, былъ слабою искрою, теряющеюся въ этомъ царствѣ мрака. Только фырканы верблюдовъ, да наши рѣчи нарушали абсолютное безмолвіе пустыни. Мало говорилось и намъ; мои арабы были даже не совсѣмъ спокойны духомъ. Такъ какъ всѣ легенды, связываемыя восточною фантазією съ этимъ ущельемъ, относятся къ джинамъ—горнымъ духамъ, которыхъ имя арабы боялись произносить ночью, особенно находясь, такъ сказать, въ самомъ обиталищѣ ихъ, то, понятно, что проводники мои молчали и чувствовали себя не въ своей тарелкѣ. Суе-

вѣрный Рашидъ даже осматривался смущенно вокругъ, словно въ ожиданіи появленія могучаго духа. Когда раздавался какой-нибудь легкой шумъ въ скалахъ или проносилось вѣянье, Богъ знаетъ, откуда прилетѣвшаго, вѣтерка, тогда Рашидъ и Ахмедъ даже мѣнялись въ лицѣ; Юза же имѣлъ еще смѣлость сообщить мнѣ, что то, вѣроятно, чья-нибудь душа пролетѣла въ жилище духовъ. Въ поэтическихъ воззрѣніяхъ арабовъ на міръ и, окружающую его, природу выработалась, хотя и довольно неопредѣленно, идея трансмиграціи, т. е. переселенія душъ умершихъ, послѣдовательно въ низшихъ животныхъ. Волкъ, гіена, заяцъ и др. считаются носителями человѣческихъ душъ; отъ нихъ эти послѣднія уже распредѣляются Аллахомъ по степени ихъ заслугъ. Интересно только, что въ Магометовомъ раю, по воззрѣніямъ Синайскихъ арабовъ, черноокія красавицы-гуріи не играютъ такой важной роли, какъ въ раю другихъ магометанъ.

Не успѣли мы еще уложиться, завернувшись въ свои бурнусы, какъ выплыла луна изъ-за черныхъ скалъ и облила ущелье фосфорическимъ свѣтомъ. Еще волшебнѣй, фантастичнѣй и прекраснѣе казалось оно; никакая кисть не изобразитъ переливовъ свѣта и тѣней, заигравшихъ на расписныхъ скалахъ Буддра, и тѣхъ цвѣтовъ, которые стали отливать на его изъѣденныхъ, разсѣченыхъ и, какъ-бы изъ кирпичей, сложенныхъ, каменныхъ громадъ. Казалось, фосфоресцировали самыя скалы, ровнымъ не мерцающимъ свѣтомъ свѣтилось все ущелье... Долго я любовался чудною панорамой, широко раскрывающеюся передъ моими глазами. Дикія скалы, звѣздная ночь, серебристый свѣтъ луны, мертвая тишина, подавляющее величіе природы—все это такъ гармонировало другъ съ другомъ, что глазъ не хотѣлъ отры-

ваться, какъ отъ чудной картины, и я до глухой полночи не могъ заснуть. Только крайняя усталость слѣпила мои глаза, которые то закрывались, то открывались снова, чтобы хотя еще разъ взглянуть и на серебрянныя вершущки скалъ, и на зіяющее ущелье, гдѣ яркіе контрасты свѣта и тѣней давали чудную перспективу, уходящую въ туманную даль.

На утро мы пошли бодро впередъ, то поднимаясь, то опускаясь прямо на югъ. По дорогѣ уже тамъ и сямъ среди каменныхъ громадъ проглядываетъ розовый и буроватый порфиръ, красновато-красный гранитъ, которыми издревле славилась горы Синая, хотя по прежнему преобладаетъ песчаникъ. Порфиrowыя массы, по всей вѣроятности, составляютъ основную каменную породу, а песчаники являются только обложными формациями, какъ видно изъ напластованій въ трещинахъ и шахтахъ. Красные песчаники, по мѣрѣ приближенія къ уади Магара, принадлежатъ, по преимуществу, къ сирийской и триасовой формациямъ.

Скоро мы пробрались въ знаменитую уади Магара, которая вмѣстѣ съ уади Кенэ, Сидрэ, Игнэ и Темманъ образуетъ небольшое сплетеніе. Природа здѣсь не имѣетъ того дикаго величія, какъ въ уади Буддра. Мѣстами встрѣчаются тоже массы нагроможденныхъ камней, напоминающія, по формѣ сложенія, даже настоящіе дольмены, но никакихъ доказательствъ въ пользу ихъ искусственнаго происхожденія я привести не могу. Темнобурья и красноватая скалы Магары не такъ изрыты и ровнѣе, чѣмъ предъидущей уади; на нихъ я впервые увидаль знаменитыя Синайскія надписи, изсѣченныя неизвѣстною рукою.

Что я скажу объ этихъ начертаніяхъ, когда столько извѣстныхъ египтологовъ и палеографовъ разбирали ихъ,

написали цѣлые трактаты, но до сихъ поръ не покончили съ ними. Не смотря на то, что много трудовъ было потрачено на разборъ Синайскихъ надписей, онѣ далеко еще не всѣ разобраны и прочитаны; вѣроятно, много волосъ еще потеряютъ ученые, пока порѣшатъ съ этимъ вопросомъ. Египетскіе гіероглифы, попадающіеся между надписями, разумѣтся, разобраны, а тѣ предполагаемыя арамейскія, куфическія, финикійскія и, Богъ знаетъ, какія, литтеры не понятны и доселѣ, потому, что не найдено пока еще ключа, подобнаго, открытому Шамполиономъ, для гіероглифовъ Египта. Не смотря на то, что я давно уже ожидалъ увидѣть эти таинственныя начертанія, они все таки поразили меня своимъ внезапнымъ появленіемъ на поверхности утеса, гордо подымавшагося вверхъ; долго я всматривался въ эти непонятныя черточки и знаки, изсѣченныя неизвѣстною рукою въ вѣчной каменной книгѣ. Не миѳическіе Набатеи, не Киней Манеѳа, не финикіяне припоминались мнѣ тогда, а другія начертанія, которыя также не прочтены доселѣ; тѣ начертанія очень сходны съ Синайскими и находятся на скалахъ Восточной Сибири. Тѣ же черточки, крючки, тѣ же уродливыя изображенія людей, животныхъ, разныхъ предметовъ и тотъ же способъ воспроизведенія. Вѣроятно и та же попытка увѣковѣчить свою память (и едва ли свои мысли) на каменныхъ страницахъ еще образными, но уже неясными по идеѣ письменами. Эти надписи написаны еще не буквами и даже не слогами, а, вѣроятно, словами; въ нихъ еще просвѣчиваетъ образность, улавливается (въ нѣкоторыхъ изъ нихъ) идея; но образность преобладаетъ надъ идеею. Послѣ того, какъ Бругшъ, Эберсъ и др. египтологи убили много труда на изученіе Синайскихъ надписей, намъ остается только повторять ихъ слова.

*

Главною же достопримѣчательностью Магары являются не надписи, а мѣдныя и бирюзовыя копи, а также порфиrowыя ломки, доставившія ей издревле громкую извѣстность. Въ разныхъ мѣстахъ этой долины, не богатой растительностью, древніе Фараоны брали розовый камень для обшивки лицевой части пирамидъ и великолѣпныхъ зданій; починъ этихъ ломокъ видѣнъ повсюду; цѣлыя кучи отломковъ различной величины порфира и известняка показываютъ это. Кромѣ того здѣсь находится и нѣсколько шахтъ. Мы расположили свое становище въ уади Магара и довольно внимательно осмотрѣли ея древности.

Ни растительность, ни фауна не привлекли наше вниманіе. Нѣсколько тарфъ, пучки горной травы не могли интересовать насъ; пара, убитыхъ нами, куроцатокъ показывала только, что въ окрестностяхъ уади есть и вода, и немного растеній, но мы и не думали розыскивать ихъ. Едва мы успѣли остановиться, какъ я отправился осматривать шахты. Ахмедъ сопровождалъ меня, а остальные развѣивали верблюдовъ и готовили обѣдъ и чай. Шахты, которыя были въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности за нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, теперь пусты и на половину обвалились. Главныя ихъ ходы и отверстія, разумѣется, видны и доселѣ, но едва ли они прежде были въ такомъ незавидномъ состояніи. Нѣчто вродѣ пещеры, высѣченной въ отвѣсной стѣнѣ уади ведетъ въ глубину шахтъ. Мы съ Ахмедомъ попробовали проникнуть подальше преддверья. Изъ передней, довольно просторной, глубокой и широкой пещеры, входъ въ которую сильно заваленъ камнями, идутъ длинныя галереи, соединяющія между собою отдѣльныя шахты. Мы пробрались черезъ галереи въ эти послѣднія; онѣ представляютъ небольшія,

низкія, но довольно широкія пещерки, до того невысокія, что приходится почти все время пробираться на колѣнкахъ, работая руками и ногами. Держа свои свѣчи въ рукахъ, мы съ Ахмедомъ бодро поползли впередъ, осторожно осматривая каждый шагъ, чтобы не попасть въ провалъ или въ ямину. Десятки летучихъ мышей, испуганныхъ свѣтомъ нашихъ свѣтильниковъ, налетали на насъ и вѣплялись и въ волосы, и въ платье; только козырекъ моей форменной фуражки спасъ лицо мое отъ большихъ неприятностей. Другихъ обитателей пещеръ мы не видѣли, хотя Ахмедъ и увѣрялъ, что онъ замѣтилъ по дорогѣ небольшую бѣловатую змѣю.

Стѣны этихъ подземныхъ ходовъ испещрены слѣдами рѣзцовъ, прорывавшихъ твердый известнякъ; толстые столбы, высѣченные изъ толщи, поддерживаютъ много столбѣтій каменную массу, окружающую эти подземелья. Воздухъ сдѣлался спертъ и тяжелъ; у меня уже захватывало дыханіе, когда въ одномъ мѣстѣ галлерей расширилась въ небольшую комнатку, которой высота позволяла разогнуть спину. Тутъ мы немного передохнули отъ тяжелой подземной ходьбы; гдѣ мы шли впередъ словно съ завязанными глазами, не зная куда мы придемъ и что намъ предстоитъ впереди. Меня занимало очень это подземное путешествіе; я мысленно сравнивалъ себя съ кротомъ, потому, что ходы этихъ шахтъ очень напоминали ходы, ведущіе въ нору крота. Одно только было ужасно въ этой подземной экскурсіи—это боязнь заблудиться и задохнуться; воздуху дѣйствительно было такъ немного и онъ былъ такъ спертъ и душенъ, что дыханіе наше стало порывистымъ и быстрымъ, удары сердца слабы, но часты. Голова, еще болѣвшая съ утра, начинала разбалчиваться; колѣна и локти устали отъ непривычной работы. Къ тому же

потъ, покрывавшій струями все тѣло со лба до пятокъ, и слабое мерцаніе свѣтъ, которыми мы въ темнотѣ могли подпалить другъ друга, заставили насъ ретироваться.

Отступая по прежнему направленію, мы скоро уткнулись головами въ узкій ходъ, гдѣ едва можно было пройти одному. Трепетная дрожь побѣжала по нашему тѣлу, вѣроятно, на лицѣ нашемъ выразились такія ощущенія, о какихъ доселѣ приходилось только слышать. Намъ стало ясно, что мы заблудились... Къ довершенію нашего ужаса у насъ потухли, какъ нарочно, обѣ свѣчи при неловкомъ движеніи. Мы очутились въ адской, кромѣшной темнотѣ, въ душномъ до дурноты воздухѣ; мнѣ представилось, что мы были заживо закопаны; — тутъ легко было представить себѣ весь ужасъ могилы. Разумѣется, свѣчи были быстро зажжены снова, и мы съ судорожнымъ біеніемъ сердца пошли опять назадъ. Къ счастью, мы тотчасъ же напали на черту, оставленную нашими ножами на стѣнахъ этихъ галлерей на всякій случай; и черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся намъ часами, выбрались на свѣжій воздухъ, гдѣ мы свободно вздохнули послѣ всей трудности подземнаго путешествія.

Пробираясь по галлереймъ и пещерамъ этихъ шахтъ, мы замѣтили на нѣкоторыхъ мѣстахъ, что стѣны и потолокъ были закопчены. Темная бархатистая копоть эта, казалось, была недавняго происхожденія; едва ли кто нибудь однако пробирался въ это царство мрака нарочно, чтобы покоптить стѣны и потолокъ подземныхъ ходовъ и пещеръ; намъ, по крайней мѣрѣ, эта копоть напоминала живо о древнихъ рудокопахъ, въ потѣ и крови лица своего прорывавшихся черезъ каменную массу въ угоду своимъ властителямъ. Кромѣ того мѣстами на гладкихъ стѣнахъ подземныхъ ходовъ, на сколько то можно было распознать, виднѣлись проблески синева-

таго цвѣта, по всей вѣроятности, той бирюзы, ради которой копались здѣсь древніе рудокопы. Въ продолженіе своей подземной экскурсіи мы подняли также нѣсколько кремней различной величины; рассматривая ихъ на Божьемъ свѣтѣ, мы убѣдились, что они были орудіями человѣка каменнаго періода. Позднѣе мы узнали, что Кистъ Лордъ, членъ англійской экспедиціи, въ шахтахъ Магары нашель настоящіе кремневые ножи, молоты, куски дерева и т. п. Не зная до своего путешествія на Синай объ изслѣдованіяхъ этого послѣдняго, мы не изслѣдовали подробно почвы подземныхъ галлерей, что, впрочемъ, едва-ли было исполнимо при средствахъ, имѣвшихся у насъ подъ рукою.

Находка каменныхъ орудій въ самыхъ подземныхъ ходахъ и слѣды, замѣченные нами на стѣнахъ этихъ послѣднихъ и сдѣланные какъ-бы не металлическими рѣзцами, зародили у насъ мысль, что всѣ громадныя подземныя работы въ уади Магара произведены исключительно при помощи каменныхъ орудій. Позднѣе мы узнали, что и Кистъ Лордъ старается доказать тоже самое. Какъ ни невозможнымъ кажется, чтобы огромныя пещеры и длинныя галлерей могли быть вырыты одними каменными орудіями, но доисторическая археологія имѣетъ несомнѣнныя доказательства тому, что подобныя работы мыслимы и даже производились не разъ человекомъ каменнаго періода. Я очень сожалею, что мое незнакомство съ литературою, относящеюся до открытій на Синайскомъ полуостровѣ, помѣшало мнѣ, до путешествія, обратить вниманіе на многіе такіе пункты, которыхъ изслѣдованіе могло бы дать чрезвычайно обильные результаты.

Такъ плохое знакомство съ Пальмеромъ было причиною тому, что я опустил многое въ уади Магара,

что было уже описано отважнымъ изслѣдователемъ и что было крайне интересно и важно для меня, какъ антрополога. Такъ, пройдя по уади Игнэ, мы только мелькомъ осмотрѣли ея огромныя пещеры, вырытыя искусственно въ ея стѣнахъ, гдѣ Пальмеръ нашелъ много каменныхъ орудій, не посѣтили вовсе его интересной „пещеры летучихъ мышей“ и еще болѣе любопытнаго лабиринта въ уади Темманъ съ гіероглифическими таблицами и другими древними остатками времени египетской цивилизаціи.

Наша стоянка въ уади Магара была у дома маіора Макдональда, изслѣдовавшаго египетскіе рудники и открывшаго ихъ во второй разъ; онъ первый повѣдалъ объ ихъ богатствѣ бирюзою, которую онъ думалъ эксплоатировать, не смотря на то, что шахты находятся въ плачевномъ состояніи и полуразрушены. Домикъ этого продолжателя дѣлъ фараоновыхъ устроенъ очень комфортабельно; небольшой садикъ прилегаетъ къ нему и оживляетъ своею зеленью довольно пустынную и дикую мѣстность. Нынѣ домъ Макдональда полуразрушенъ, хотя еще можетъ служить пристанищемъ для путника; этотъ послѣдній можетъ воспользоваться также находящимся неподалеку ключемъ прѣсной воды, открытымъ Макдональдомъ. Вода эта очень пріятна на вкусъ, и мы съ большимъ удовольствіемъ утолили ею свою жажду и смѣнили попортившуюся застоявшуюся воду въ бурдюкахъ.

Около домика Макдональда поднимается холмъ изъ песчаника метровъ 60 вышиною съ довольно пологими склонами, уплощенною вершиною въ видѣ небольшого плато. Холмикъ этотъ господствуетъ надъ всею долиною и особенно надъ уади Игнэ съ ея шахтами и на своей вершинѣ весь покрытъ небольшими каменными

домиками, сложенными изъ небольшихъ грубыхъ камней ¹⁾. Въ домикахъ этихъ, вѣроятно, обитали рудокопы и ихъ египетскіе надсмотрщики; остатки стѣнъ, находящихся недалеко отъ центра холма, показываютъ, что этотъ послѣдній служилъ отчасти и укрѣпленіемъ противъ нападений дикихъ обитателей пустыни; слѣды же дороги съ этого холма, идущіе уступами, указываютъ даже на тотъ путь, которымъ пользовались древніе рудокопы. Надо прибавить, что описанные домики, какъ и стѣны и дорога, находятся въ очень плачевномъ состояніи и представляютъ настоящую руину. Никакихъ остатковъ каменнаго вѣка я не нашелъ на вершинѣ холма рудокоповъ.

Невольно возникаетъ вопросъ относительно того продукта, который добывали египтяне въ уади Магара, исключая, разумѣется, порфира. Казалось бы, что вопросъ этотъ рѣшается просто, разъ въ шахтахъ Магары найдена бирюза; на самомъ же дѣлѣ есть обстоятельство, запутывающее вопросъ. Героглифы повѣствуютъ довольно обстоятельно, что здѣсь добывался камень—мафкатъ и былъ онъ зеленаго цвѣта. Различные изслѣдователи имѣли и различныя мнѣнія относительно мафката. Его считали и бирюзой, и малахитомъ, и мѣдью, и золотомъ, и лаписъ-лазурью. Въ самомъ дѣлѣ у египтянъ слово мафкатъ было общимъ названіемъ для всѣхъ минераловъ зеленоватаго цвѣта. Я могу прибавить къ этому, какъ антропологъ, что нѣсколько тысячелѣтій тому, когда разрабатывались рудники Магары, по всей вѣроятности, глазъ египтянъ не былъ такъ со-

¹⁾ Въ моей специальной работѣ „Обитатели Каменистой Аравіи“ камни эти по ошибкѣ названы огромными. Не описывая тамъ подробно этихъ сооружений, я считалъ ихъ остатками египетской цивилизаціи, а слѣдовательно выходящими изъ сферы моего разсмотрѣнія.

вершенень относительно различенія цвѣтовъ, чтобы раздѣлять голубой отъ зеленаго или синяго, когда даже греки временъ Гомера были слѣпы относительно этого различія, какъ это доказано несомнѣнно. Слово мафкатъ, такимъ образомъ, будетъ относиться и ко всѣмъ веществамъ голубаго, синяго и промежуточныхъ цвѣтовъ. Разъ констатировано въ горахъ Магары присутствіе бирюзы и мѣди, то возможно присутствіе и золота, и малахита, и лазури. Кучи шлаку, похожаго на остатки отъ переплавленія металлическихъ жилъ, могли бы при своемъ химическомъ анализѣ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Другой вопросъ относится къ національности рудокоповъ. Героглифическія таблицы, въ значительномъ количествѣ украшающія стѣны этой уади, особенно по линіи шахтъ, очень обстоятельно говорятъ какъ о рудокобахъ, такъ и объ господахъ. Стоитъ только присмотрѣться къ этимъ чуднымъ рельефнымъ изображеніямъ, высѣченнымъ на скалахъ, чтобы найти даже профану и тѣхъ, и другихъ; египтологъ же, кромѣ того, по этимъ героглифамъ прочтетъ всю исторію рудниковъ Магара. Великая Гаторъ, египетская Венера, Тотъ и Горъ-Супти были богами покровителями этихъ урочищъ; ястребовидная голова Гаторъ очень часто попадаетъ на героглифическихъ таблицахъ. Этимъ богамъ были обречены тѣ несчастные, которыхъ, какъ изображено на таблицахъ, ихъ властители—Фараоны гордаго Египта, ведутъ на казнь; на нѣкоторыхъ табулахъ они колѣнопреклоненны. На другихъ—изображены побѣжденные работающими подъ присмотромъ египетскихъ солдатъ. Героглифы называютъ этихъ несчастныхъ—Менту; они были, по всей вѣроятности, покоренные и закабаленные обитатели Полуострова или военноплѣнные изъ другихъ

мѣстностей, а, быть можетъ, и іудей. Во всякомъ случаѣ, то было не одно и то же племя; потому что ихъ представлено нѣсколько типовъ; есть и безбородые, и съ длинными бородами, и съ высокими коническими шапками. Нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ изображены съ различными инструментами, которые они употребляли для рудныхъ работъ; другіе—съ женами и дѣтьми. На таблицахъ представлены, кромѣ того, различныя египетскія власти, и надсмотрщики, и солдаты, и жрецы.

Египтологъ скажетъ вамъ, что первый Фараонъ, оставившій свое имя и изображеніе на скалахъ уади Магара, былъ Снефру (последній царь III дин.). Лики Хеопса и Хуфу помѣщаются надъ самымъ входомъ въ рудники; многіе и другіе Фараоны V и VI династій оставили здѣсь свои имена. Забытые на время, рудники Магары при Аменемхѣ III начали снова разрабатываться. При этомъ Фараонѣ была завоевана Каменистая Аравія, также какъ и при Тутмесѣ, пославшемъ сюда экспедицію для окончательнаго покоренія. До временъ Рамзеса II египтяне здѣсь разрабатывали руду.

Въ уади Магара большинство изслѣдователей помѣщаетъ и библейскую Дофку. Евреи, проблуждавъ по пустынѣ Синъ (ел-Марха), послѣ стоянки у Краснаго моря, остановились у Дофки (Исх. II, 16). Изъ самаго описанія нашего пути видно, что очень естественно евреямъ было попасть изъ пустыни Синъ въ уади Магару черезъ уади Сидрэ, хотя мы сомнѣваемся, чтобы, во всякомъ случаѣ, довольно значительное племя могло продефилировать въ уади Магару даже черезъ Сидрэ. Уади Магара очень небогата растительностью, а также водою нынѣ, хотя, по всей вѣроятности, она была богаче одарена прежде, такъ какъ здѣсь возможно было существованіе значительнаго числа рудокоповъ, а также,

вѣроятно, и временное пребываніе Фараоновъ. Посѣщеніе этой уади и внимательное разсмотрѣніе ея гіероглифическихъ таблицъ вызвало въ моемъ умѣ массу представлений, но всѣ они были заглушены грустнымъ чувствомъ. Мнѣ представилась живо вся картина тѣхъ страданій, которыя такъ рельефно изображены на скалахъ этой долины—свидѣтельницы нечеловѣческихъ усилий и каторжныхъ работъ древнихъ обитателей Синайскаго полуострова, изнывавшихъ подъ бичомъ Фараоновъ.

Въ уади Магара, при впаденіи въ нее уади Сидра, мы встрѣтили и три шатра арабовъ, племени Уладъ-Саидовъ. Племя то не велико и кочуетъ въ окрестности Сербалы, совершенно теряясь между сравнительно многочисленными Савалиха и Алейкаты. Каждое изъ племенъ Синайскаго полуострова не есть въ строгомъ смыслѣ кочующее племя; шатры его не раскидываются по всей Каменистой Аравіи, а напротивъ, каждое племя, иногда даже родъ, имѣетъ свое болѣе или менѣе опредѣленное распространеніе, такъ сказать, область, изъ которой онъ выбирается не охотно. Каждая область группируется около какого-нибудь прѣснаго источника или плодородной уади, служащей центромъ кочеванія данной части арабовъ полуострова. Такъ, Савалиха занимаютъ область источниковъ айнь-Муса, Абу-Сувейра, Гарандель, Терабины—Тазетъ-Судръ, Алекаиты въ „многоводной“ долигѣ Назбъ, Уладъ Саиды—уади Феранъ и т. д. Раскинувши разъ свои шатры въ какой-нибудь уади, представляющей извѣстныя удобства, племя или отдѣльная семья иногда цѣлыми годами не бросаетъ насиженныхъ мѣстъ, если только недостатокъ воды не принуждаетъ къ перекочевкѣ. Тогда сборы „сына пустыни“ не велики. Его корабль стоитъ у шатра; ничтожное имущество, жена и

дѣти—все можетъ помѣститься на горбѣ дромадера; самъ хозяинъ ведетъ животное за узду черезъ пустыни и уади до новой стоянки, гдѣ не трудно раскинуть новый шатеръ. У кого нѣсколько верблюдовъ или имѣется небольшое стадо козъ или овецъ, то сборы нѣсколько труднѣе, потому что приходится собрать съ горъ, привольно пасущихся, животныхъ, а потомъ во время пути заботиться, чтобы эти послѣднія, не такъ привыкшія къ лишениямъ, какъ корабли пустыни, не терпѣли особенной нужды. Жена, дѣти и собаки тогда помогаютъ бедуину управиться со стадомъ. Другія путешествія совершаетъ онъ тоже часто съ семействомъ—это на празднества въ честь какого-нибудь святого, могилъ которыхъ много разбросано въ пустынѣ. На мѣстахъ подобныхъ празднествъ собираются тогда многія сотни бедуиновъ съ женами и дѣтьми и время празднествъ проводятъ не столько въ молитвѣ, сколько въ пѣняхъ и пляскахъ. Такъ какъ намъ не посчастливилось захватить ни одного такого празднества, то мы и не будемъ распространяться о нихъ. Другой общественной жизни не имѣютъ арабы пустыни; только вышесказанныя празднества и служатъ объединяющимъ звеномъ между различными племенами полуострова.

Каждое племя имѣетъ своего шейха, званіе котораго обыкновенно наслѣдственно. Шейхъ не пользуется особенною властью, потому что сыны пустыни свободны; онъ скорѣе посредникъ въ тяжбахъ, совѣтникъ, судья, представитель племени, часто его духовное лицо, но не начальникъ. Правда, онъ пользуется извѣстнымъ почетомъ, но тотъ почетъ связуется не съ званіемъ, а съ особою шейха. Старые, опытные или святые по жизни, а также побывавшіе въ Меккѣ и Мединѣ—особы вполнѣ привилегированныя между арабами, а шейхи молодые

иногда не выходятъ ничѣмъ изъ ряда простыхъ арабовъ. Есть нѣчто въ родѣ главнаго шейха всѣхъ Синайскихъ бедуиновъ; но о немъ я какъ-то очень мало слыхалъ; со словъ Робинзона могу сказать, что онъ изъ рода Курейшевъ (племени, обитающаго въ Аравіи и преимущественно въ Меккѣ). Шейхъ этотъ живетъ обыкновенно около Тора. Этотъ главный шейхъ тоже не выбирается, а получаетъ свое достоинство по наслѣдству и первородству въ семействѣ. Уманецъ въ своей „Поѣздкѣ на Синай“ говоритъ, что бедуины считаютъ его своимъ государемъ, безгранично уважаютъ и только одного его боятся. Теперь стало нѣсколько иначе: духъ неповиновенія начальству проникъ и къ арабамъ Синайскаго полуострова: наши проводники уже открыто бранили нынѣшняго главнаго шейха. Въ послѣднее время измѣнилось еще отношеніе бедуиновъ къ Египту; насколько въ началѣ и серединѣ этого столѣтія арабы Каменистой Аравіи были независимы и не признавали власти Египетскаго паши, на столько они теперь боятся властителей Каира. Нѣсколько кровавыхъ экспедицій въ глубь Каменистой Аравіи научили дикихъ бедуиновъ уважать Египетъ; что не могъ сдѣлать одною силою Мехметъ-Али, то достигнуто было съ меньшими потерями въ послѣднее десятилѣтіе.

Осмотрѣвши уади Магару и отдохнувши немного, я оставилъ на становищѣ двухъ верблюдовъ подѣ присмотрѣ Рапида, а самъ съ Ахмедомъ и Юзою предпринялъ экскурсію къ подножьямъ Сарбутъ ел-Хадима, который уже цѣлыхъ два дня возвышался съ сѣверо-востока передъ нашими глазами огромной горной массою въ 700 фут. вышины. Какими-то торными, узкими тропами повелъ насъ Ахмедъ. Какъ настоящій туземецъ, выросшій въ этихъ мѣстахъ, онъ отлично зналъ всѣ

тропы. Мы шли не то по уади, не то по какимъ-то горнымъ оврагамъ, а иногда, просто цѣпляясь по скатамъ горъ; мѣстами мы пробирались по краю обрывовъ, такъ что я боялся, чтобы не сорваться; но верблюды наши бойко и твердо ступали по самымъ опаснымъ путямъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось слѣзать съ сѣдла и вести подъ уздцу животныхъ; на одномъ переходѣ мы цѣплялись по такому краю, что я не рѣшался даже идти и хотѣлъ повернуть назадъ; тогда Ахмедъ взялъ меня за руку и безъ всякихъ церемоній перетащилъ черезъ опасное мѣсто. Послѣ того, что мы видали въ уади Буддра, насъ уже не удивляла дикая горная дебрь, которою мы пробирались, взбираясь на Сарбутъ ел-Хадимъ. Эти странныя скалы, какъ-бы изборужденныя потоками и трещинами, это сочетаніе обрывовъ и горбинъ, скалъ причудливыхъ очертаній и ровныхъ сферическихъ поверхностей—все это не поражало насъ, хотя виды были на столько живописны, что даже арабы мои, равнодушные къ прелестямъ природы, постоянно воздавали хвалу Аллаху за его хитрое твореніе. Послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго горнаго перехода, Ахмедъ велѣлъ мнѣ слѣзть съ верблюда, потому что путь былъ дальше непроходимъ для животныхъ. Оставивъ двухъ дромадеровъ съ Юзою, мы съ Ахмедомъ начали взбираться дальше.

На мой взглядъ тутъ никакой тропинки не было, но Ахмедъ увѣрялъ меня, что она тутъ вьется съ незапамятныхъ временъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ, приводилъ небольшія кучи камней, дѣйствительно находившіяся мѣстами. Такъ какъ мой вожатый шелъ безостановочно впередъ, то и я подвигался, не отставая отъ него. Задыхаясь отъ полденнаго жара и усталости, я работалъ руками и ногами и всѣмъ туловищемъ на

крутыхъ подъемахъ и крутыхъ спускахъ, не желая от-
стать отъ Ахмеда. Теперь я уже чувствовалъ, что мы
поднимаемся на гору, тогда какъ раньше того не за-
мѣчалъ, не смотря на то, что мы на верблюдахъ прошли
половину пути. Мы уже поднимались на вершину Сар-
бутъ ел-Хадима, а я все еще недоумѣвалъ, гдѣ мы
находимся; мнѣ казалось, что мы не достигли и середины
горы. Красноватый песчанникъ составляетъ основную
породу этой горной массы; мѣстами проглядываютъ и
болѣе твердыя формаціи. Часа полтора проработали мы
со всѣми приѣмами гимнастическаго искусства, пока не
взобрались на самую вершину Хадима, окруженную почти
со всѣхъ сторонъ глубокими обрывами.

На этой изолированной поверхности, окруженной
фантастическою перспективою причудливой горной при-
роды, лежатъ развалины египетскаго храма. Множество
кучъ камней, остатки колоннъ, обломки фризозъ, камни,
исчерченные гіероглифами, окружаютъ ихъ; нѣкоторые
изъ камней еще стоятъ на подобіе менгировъ; остатки
стѣнъ и жилищъ указываютъ на то, что здѣсь была
цѣлая укрѣпленная колонія. Самый храмъ невеликъ и
былъ посвященъ богинѣ Гаторъ—покровительницѣ рудъ,
и по нынѣ еще напоминаетъ могильный склепъ. Онъ
построенъ изъ большихъ, хорошо обдѣланныхъ, камней,
испещренныхъ гіероглифами; колонны его, капители,
стѣны носили также орнаменты въ египетскомъ вкусѣ;
множество могильныхъ столбовъ (stéle)—маленькихъ
obelisks (о которыхъ мы уже говорили при описаніи
египетскихъ древностей), покрытыхъ гіероглифами, раз-
сказывали цѣлую исторію колоніи и храма на Сарбутъ
ел-Хадимѣ.

Гораздо болѣе древенъ другой храмъ, изсѣченный
прямо въ скалѣ. Четырехугольная зала, съ единствен-

ною четырехугольною колонною по срединѣ, вся покрыта начертаніями. Въ каждой стѣнѣ этого храма, болѣе походяго на пещеру, находится по нишѣ, изъ которыхъ большая, по всей вѣроятности, изображала изъ себя алтарь. Внутри храма также находятся столбы. Рельефныя изображенія наибольшей ниши, а также слѣды оставшейся по стѣнамъ красной и зеленой краски показываютъ, что храмъ былъ очень красивъ. Начиная съ Нибура, открывшаго развалины Сарбутъ ел-Хадима, много египтологовъ изслѣдовало эти остатки, въ томъ числѣ Лепсіусъ, Шамполліонъ, Эберсъ и др. Подземный храмъ былъ ископанъ при Аменемхѣ III, а другой при Тутмесѣ III. Изъ этого видно, что во время Исхода евреевъ изъ Египта рудники были въ полномъ ходу, а колонія и храмъ на ел-Хадимѣ находились въ полномъ процвѣтаніи. Героглифы также рассказываютъ о томъ, что храмы эти стояли среди цѣлой рудниковой области, такъ сказать, были заводскими церквами. Теперь уже доказано, что недалеко отсюда, въ уади Назбъ, были мѣдныя руды; про бирюзовыя копи и порфировыя ломки Магары мы знаемъ; нѣкоторыя данныя указываютъ и на добываніе золота въ окрестностяхъ этой уади. Колонія Сарбутъ ел-Хадима, такимъ образомъ, является центральнымъ пунктомъ цѣлаго горнаго округа. Быть можетъ, здѣсь находились главныя печи для плавленія рудъ и ихъ выжиганія, потому что массы шлаку, образующія цѣлыя кучи, не могли произойти инымъ образомъ. Героглифическія таблицы храмовъ представляютъ тоже цѣлыя картины изъ жизни рудокоповъ, хотя болѣе всего триумфы различныхъ фараоновъ съ солдатами и военноплѣнными, жрецами и жертвенниками.

Хитрою дорогою повель меня Ахмедъ назадъ; нѣсколько разъ мнѣ казалось, что мы заблудились; но

хитрѣ всего были спуски съ площадки, гдѣ находились развалины колоній. Я не понимаю, какимъ образомъ сюда могли древніе рудокопы приносить сырую руду, какимъ способомъ они доставляли сюда камни для построекъ (потому что эти послѣднія выстроены не изъ одного мѣстнаго камня) и откуда они доставали воду для питья и дрова для выплавки рудъ. Остается предполагать, во-первыхъ, что въ древности, дорога на Сербуть ел-Хадимъ была удобнѣе (мы не говоримъ уже о своемъ пути, потому что мы пробирались тропинкою), во-вторыхъ, что по близости отъ колоній находился источникъ прѣсной воды, и въ-третьихъ, на склонахъ Хадима должны были находиться цѣлые лѣса. Не имѣя права предполагать всего этого, мы оставляемъ вопросъ открытымъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ спуска, сильно притомившись, мы вернулись къ своему становищу, къ домику Макдональда; у нашей стоянки мы встрѣтили человѣкъ пять арабовъ, мирно бесѣдовавшихъ съ Рашидомъ и принесшихъ намъ въ даръ сыру, прокисшаго козьего молока, и финиковъ. При нашемъ приближеніи они привстали, воздали намъ восточныя привѣтствія и хотѣли удалиться. Я пригласилъ ихъ остаться у насъ въ гостяхъ и угостилъ Калашниковскимъ чаемъ, воду для котораго мы достали изъ источника Макдональда. Затѣмъ поподчивалъ гостей нѣсколькими глотками краснаго вина. Слѣдствіемъ такой политики было то, что наши гости безвозмездно, безъ всякихъ колебаній предоставили свои головы въ наше распоряженіе. Когда я снялъ необходимые размѣры, мои гости до того разлакомились процессомъ измѣренія, что просили меня кое-что еще помѣрить. Такъ какъ антропологъ не брезгаетъ большимъ количествомъ измѣреній, то я могъ вполне удовлетворить желанію своихъ гостей.

Изъ уади Магара мы пошли на Феранъ. Дойдя до того пункта, гдѣ уади Игна соединяется съ уади Сидръ, мы пошли по этой послѣдней, пока не свернули въ уади Моккатебъ. Эта уади знаменита не менѣе, если не болѣе, чѣмъ Магара, своими Синайскими надписями, отъ которыхъ она даже получила свое названіе „исписанной“. Красотою своею она не отличается; она безжизненна и мертва, какъ и другія окрестныя уади; растительности нѣтъ почти никакой; широкое, мѣстами еще болѣе расширяющееся, ея ложе такъ и напоминаетъ высохшее русло прежняго многоводнаго потока, котораго берегами служатъ невысокіе холмы, спускающіеся мѣстами отлогими террасами, окаймленными какъ-бы эрратическими валунами. Тамъ и сямъ между холмами, вдоль по сторонамъ уади, возвышаются невысокія голыя скалы, гладкая или сглаженная поверхность которыхъ обращена къ уади. Только къ югу выступаютъ болѣе значительныя горныя массы, на западѣ еще болѣе массивныя, чѣмъ на востокѣ. Джебель Моккатебъ, казалось, господствовалъ надъ всею западною стороною уади.

Скученъ и однообразенъ былъ путь по этой уади, пока мы не встрѣтили ея прославленныхъ надписей. Тысячами онѣ унижаютъ на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ одиночныя скалы уади. Мѣстами эти послѣднія кажутся какъ бы отполированными подъ мраморъ и сверху до низу на многіе десятки метровъ исписаны таинственными начертаніями, какъ огромныя страницы каменной книги. Невольно останавливается глазъ при видѣ этой массы непонятныхъ надписей, унижающихъ мѣстами всѣ свободныя поверхности стѣнъ уади. Чего только нѣтъ среди этихъ начертаній — и животныя, и люди, и понятныя, и непонятныя другія фигуры. Мужчины, женщины, дѣти, домашнія животныя, начиная съ вер-

блюда и кончая лошадыю со всадниками, дикіе звѣри, каменные козлы, змѣи, кресты, звѣзды, крючки, всевозможные знаки, и Богъ знаетъ, еще какія каракули изображены на гладкихъ каменныхъ стѣнахъ. Попадаются мѣстами цѣлыя сцены изъ охотничьей жизни, даже корабли. Меня поразили также еще двѣ категоріи знаковъ, имѣющихъ археологическое значеніе.

Одни изъ нихъ представляютъ простыя точки, или, вѣрнѣе сказать, кружки большаго или меньшаго углубленія, которые встрѣчаются среди многихъ изъ этихъ надписей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ расположены группами, въ другихъ рядами. Они встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ полуострова на нѣкоторыхъ поверженныхъ камняхъ, и тогда они дѣлаются до того похожими на ямки, такъ называемыхъ, чашечныхъ камней, что невольно хочется признать ихъ тожество съ этими послѣдними. Другой знакъ, обратившій наше вниманіе, былъ знакъ, очень похожій на свастику арійцевъ. Онъ состоитъ изъ прямаго или андреевскаго креста, котораго каждый конецъ имѣетъ колѣно подъ прямымъ угломъ. Это колѣно можетъ имѣть вторичное колѣно и т. д. Направленіе первичнаго, какъ и вторичныхъ колѣнъ, всегда идетъ въ одну сторону у всѣхъ точекъ. Знакъ этотъ, считаемый за общеарійскій символъ бога огня или молніи, представляющій даже графическое изображеніе этой послѣдней и символизирующій у индусовъ—Индру, мы находили и между начертаніями, высѣченными на скалахъ Синайскаго полуострова. Хотя и страннымъ кажется съ перваго взгляда, чтобы арійская свастика могла появиться на скалахъ Каменистой Аравіи, но тѣмъ не менѣе тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ обитатели послѣдней издревле были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ арійцами и даже съ настоящими

индусами и малайцами, когда транзитъ міровой торговли не миноваль Петры.

Кромѣ собственно такъ называемыхъ Синайскихъ надписей попадаются среди нихъ и настоящіе египетскіе гіероглифы; ихъ не нужно смѣшивать съ предъидущими, такъ какъ они легко читаются египтологами; но за то всѣ усилія этихъ послѣднихъ разбиваются при попыткахъ разобрать самыя надписи. Правда, Беръ и Тухъ пишутъ, что разобрали ихъ, и что ясно, какъ день, что синайскія начертанія сдѣланы приблизительно въ первые вѣка нашей эры и означаютъ или собственныя имена писавшихъ, или путевыя замѣтки послѣднихъ. Писаны же онѣ на арамейскомъ языкѣ (семитическомъ діалектѣ, которымъ тогда говорили въ Аравіи) и распространяются по всему Синайскому полуострову до границъ Идумеи и Сиріи. Есть, впрочемъ, между ними и набатейскія начертанія. Такова гипотеза, принятая большинствомъ изслѣдователей относительно происхожденія Синайскихъ надписей. Другимъ нравится доселѣ еще старинное предположеніе, что эти послѣдніе принадлежатъ къ еврейскимъ письменамъ, начертаннымъ якобы народомъ Божиимъ при прохожденіи черезъ полуостровъ. Есть и другія не болѣе остроумныя толкованія, основанныя только на догадкахъ ихъ изобрѣтателей.

Какъ бы то ни было, но общепринятая точка зрѣнія на Синайскія надписи имѣетъ много за себя; не пытаюсь вникать въ детали, она проливаетъ свѣтъ на этотъ вопросъ. Первымъ ея положеніемъ служитъ то, что разбираемые надписи дѣйствительно служатъ начертаніями людей, приходившихъ въ долины Синаи и въ часы досуга занимавшихся писаніемъ своихъ именъ, какъ это дѣлаютъ и понынѣ туристы. По широкой уади Моккатебъ въ цвѣтущее время Каменистой Аравіи шла торговая и

военная дорога; цѣлые караваны двигались по ней по направленію къ Синаю; тутъ же шли и паломники, издавна привлекаемые Синаемъ и Сербалемъ. Со времени отдаленной древности, чуть не съ самыхъ финикіянъ, эти послѣднія горы служили мѣстомъ поклоненія; сабеисты поклонялись на Сербалѣ солнцу, лунѣ и звѣздамъ; позднѣе хрістіане и магометане ходили на паломничество къ Синаю. Это движеніе продолжалось много вѣковъ. Путешественники и паломники всевозможныхъ націй перебивали тутъ. Отъ этихъ то путниковъ и остались на память Синайскія надписи. Въ нихъ, поэтому, мы должны искать не только собственныя имена писавшихъ, но также путевыя впечатлѣнія, цѣлыя хвалебныя гимны Богу, и, безъ сомнѣнія, указанія пути.

Какъ низаманчиво, просто, это истолкованіе происхожденія Синайскихъ надписей, оно далеко неудовлетворительно. Странно во-первыхъ, что онѣ не представляютъ того изумительнаго разнообразія шрифтовъ и начертаній, которое должно быть неизбѣжнымъ, если только ихъ начертали путники всевозможныхъ націй; въ общемъ, онѣ все-таки однообразны и, по общему впечатлѣнію, даже кажутся одного и того же происхожденія. Другая странность заключается въ томъ, что многія изъ этихъ надписей выдѣланы очень тщательно и искусно, что заставляетъ сомнѣваться, чтобы онѣ были дѣланы досужими людьми во время отдыха на пути. Уади Моккатебъ, гдѣ встрѣчается наибольшее количество начертаній, по своей бесплодности и дикости вовсе не располагаетъ къ долгимъ остановкамъ. Другой вопросъ тоже напрашивается на рѣшеніе. Чѣмъ же могли проѣзжіе путники или паломники высѣкать подобныя надписи, многія изъ которыхъ несомнѣнно потребовали времени и труда? Правда, большинство изслѣдователей указываетъ

на кремневья орудія, приводя въ доказательство тотъ фактъ, что и египтяне высѣкали свои гіероглифы въ уади Магара при помощи кремней. Но, во-первыхъ, кремней не вездѣ, гдѣ есть надписи, встрѣчается такъ много, какъ въ уади Моккатебъ, а во-вторыхъ, одними кремнями не выдѣлать такихъ фигуръ на твердомъ известнякѣ, гранитѣ и порфирѣ. Предполагать же, чтобы паломники, солдаты или люди торговые специально для вырѣзанія надписей приносили съ собою рѣзцы или даже кремни немного странно, тѣмъ болѣе, что оно ни на чемъ не основано.

Гораздо вѣроятнѣе предположеніе Пальмера, что въ уади, богатыхъ этими начертаніями и особенно въ уади Моккатебъ, происходили въ древнія времена большія празднества, на которыя стекались массы народа. На подобныхъ торжествахъ людямъ было досужно, и очень естественно, что они могли даже захватывать потребныя орудія для увѣковѣченія своихъ именъ или цѣлыхъ молитвъ на каменныхъ стѣнахъ священнаго мѣста. Интересно распредѣленіе Синайскихъ надписей. Ихъ очень много на Сербалѣ; главное теченіе ихъ, какъ говоритъ Эберсъ, идетъ туда; другое гораздо меньшее на Синай; направленіе третьяго и четвертаго, очень небольшихъ, совпадаетъ съ путями на Петру и на Хауранъ. Замѣчательно, что на самомъ Синаѣ ихъ очень немного. Паломническое ихъ происхожденіе, по всей вѣроятности, уступить торговому.

Около двухъ часовъ мы проѣзжали исписанною долиною, а надписи являлись по прежнему также часто, какъ прежде, и также многочисленны; какою-то огромною таинственною книгою представлялись эти испещренныя скалы, а пытливый умъ даже такого профана въ палеографіи, какъ я, невольно стремился проникнуть въ ихъ

тайну, возсоздать какую нибудь азбуку, чтобы съ помощью ея прочесть непонятныя начертанія. Порою въ моей головѣ проносились какія-то свѣтлыя идеи, возникавшія подъ вліяніемъ образности и фигурности шрифта надписей, но затѣмъ я снова терялся во мракѣ загадочнаго и непонятнаго. Мнѣ припомнилось тогда, какъ я, еще ребенкомъ, только что научившимся читать, найдя еврейскую книгу, силился своимъ дѣтскимъ умомъ при помощи извѣстныхъ мнѣ буквъ и образовъ постигнуть ея разумѣніе и смыслъ.

Дорога по прежнему шла по широкой долинѣ, усыпанной валунами и хрящемъ. Черезъ нѣсколько поворотовъ уади съузилась; мѣстность стала еще диче, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали пропадать и надписи; дорога пошла, повышаясь постепенно по неровному мѣсту; камни, валявшіеся на пути, очень мѣшали нашимъ верблюдамъ. Между каменными глыбами, разсыпанными въ большомъ изобиліи по долинѣ, попадались мѣстами очень красивые красновато-кирпичнаго, зеленоватаго и желтоватаго цвѣтовъ камешки—обломки разноцвѣтныхъ песчанниковъ. Ахмедъ называлъ ихъ деньгами горныхъ духовъ и къ чему-то собиралъ ихъ небольшой мѣшочекъ; Рашидъ положилъ за пазуху тоже нѣсколько изъ этихъ камней. Въ одномъ изъ многочисленныхъ поворотовъ уади есть небольшой источникъ, въ наше время высохшій; воды его, по словамъ моихъ арабовъ, возвращаютъ красоту увядшимъ лицамъ. Интересно, почему только арабскія старухи, безобразныя какъ вѣдьмы, очень разумно дѣлающія, закрывая свои лица, не прибѣгаютъ къ молодымъ струямъ этого источника. На своемъ пути по долинѣ Моккатебъ мы замѣтили еще два, одиноко стоящихъ въ вертикальномъ положеніи, камня, которые приняты за менгиры, т. е. за камни воздвигнутые рукою

доисторического человѣка. Оба они, на нашъ взглядъ, носили слѣды обдѣлки на своихъ сторонахъ. Мои проводники рассказывали объ этихъ камняхъ, что они своимъ происхожденіемъ обязаны одному великану, поставившему ихъ на память о себѣ. По другому сказанію, они воздвигнуты надъ могилами уважаемыхъ людей, что гораздо болѣе вяжется съ истиною.

Мало по малу, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, дорога начинала становиться живописнѣе; уже сплошныя стѣны снова запирали нашъ путь; ихъ красноватый цвѣтъ, многочисленныя трещины, слоистое строеніе напоминало обваливающіяся стѣны, а террасовидные спуски и масса камней еще болѣе увеличивали сходство. Гранитъ и порфиръ здѣсь начинаетъ преобладать надъ известнякомъ; отсюда начиналось настоящее царство твердыхъ вулканическихъ породъ. Мы постепенно подходили къ Ферану; зубчатая вершина скалъ красиво вырѣзывалась на голубомъ небѣ и чудною панорамною уходила по сторонамъ. Мои проводники указывали на нихъ, какъ на горы, заключающія Феранъ, и радовались, какъ будто мы приближались къ завѣтной цѣли. Еще нѣсколько поворотовъ пути, еще четверть часа,—и мы вошли въ уади Феранъ.

Отъ Ферана до Тора.

Феранъ составляетъ огромную дугу, начинаясь отъ подошвы Сербала и кончаясь въ ел-Каа; множество маленькихъ уади впадаетъ въ нее, составляя цѣлую систему Ферана. Какъ-то неровно идетъ вначалѣ Феранская долина; порою она становится шире, такъ что цѣлое войско свободно можетъ пройти по ея ложбинѣ;

порою же суживается въ небольшую довольно узкую уади. Мелкій песокъ, по которому приходилось ступать нашимъ верблюдамъ, затруднялъ нашъ путь, а мелкіе острые кремни, валявшіеся по дорогѣ, рѣзали ноги бѣднымъ животнымъ, и они едва волочились. Известнякъ пропалъ уже совсѣмъ, а вмѣсто него появились бурый и красноватобурый порфиръ, гранитъ и черный діоритъ, образывавшій великолѣпныя скалы, вылитыя въ самыя разнообразныя фантастическія формы неземными силами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ намъ приходилось идти по довольно гладкимъ гранитнымъ поверхностямъ, какъ бы окаменѣвшимъ волнамъ лавы,—и тогда верблюды наши скользили такъ, что мы должны были сходить съ ихъ горбовъ и вести подъ уздцы. Нѣсколько разъ многоглавый Сербаль показывался своею зубчатою вершиною изъ-за неровной поверхности, окружающихъ насъ, каменныхъ громадъ и опять исчезалъ при спускахъ. Окрестности были, по прежнему, мертвы и бесплодны; ни одна былинка, ни одинъ кустикъ, ни одно насѣкомое не оживляло унылой, но живописной природы.

Послѣ долгаго пути, мы, наконецъ, добрались до плодороднаго оазиса Ферана, рая Каменистой Аравіи, перла Синайскаго полуострова, какъ его называютъ цвѣтисто арабы пустыни. Помимо своего поэтическаго названія, Феранъ, по своему плодородію, представляетъ самую важную уади не только всей Синайской группы горъ, но даже всего полуострова. Многочисленные тамариски, покрытые манновымъ дождемъ, акаціи, колоквинты и пальмы уже издали привѣтствовали насъ своею свѣжею зеленью; многочисленные травы съ луговыми цвѣтами, среди которыхъ мы замѣтили многія, знакомыя намъ, растенія, начали попадаться еще задолго до вступленія въ оазисъ. Прелесть зелени намъ особенно была

пріятна послѣ контрастовъ безжизненныхъ пустынь и горныхъ дебрей. Даже верблюды наши оживились, почуя свѣжую зелень и воду, и до того едва передвигавшіе ноги, теперь прибавили шагу. Чѣмъ дальше подвигались мы, тѣмъ живописнѣе становился ландшафтъ, тѣмъ роскошнѣе показывалась во всемъ своемъ величіи растительная и животная жизнь.

Уже невадалекъ отъ насъ привѣтливо журчалъ ручеекъ; то журчанье было для нашего уха самымъ пріятнымъ звукомъ, самую лучшую мелодію. На зеленѣющихъ пастбищахъ кое-гдѣ виднѣлись группы краснобурыхъ козъ; около одной изъ нихъ стояла молоденькая бедуинка; при видѣ нашего каравана она скрылась въ кусты тарфъ; черезъ нѣсколько минутъ мы услышали ея голосъ, звонкій и чистый контральто, которому вторили только окрестныя горы, да веселыя пташечки, щебетавшія въ густыхъ заросляхъ манны. Тамъ и сямъ среди этой зелени поднимались красивые колоквинты, очень обильные въ этой уади. Цѣлебный сокъ этихъ растеній, а также ихъ плоды, для арабовъ пустыни составляютъ одно изъ важнѣйшихъ лекарственныхъ средствъ на ряду съ водами джебелъ Фирауна и круглыми камешками ел-меджлэ, добываемыми гдѣ-то въ окрестностяхъ ел-Фурея. Оазисъ Ферана казался и для насъ совершеннымъ раемъ; полные восхищенія, мы любовались на его чудные лѣса тарфъ и сады финиковыхъ пальмъ.

Нѣсколько шатровъ бродячихъ бедуиновъ красиво выдѣлялось между зеленью; ихъ хозяева были только гостями Ферана и пришли сюда, чтобы попользоваться сборомъ манны и покормить свои стада прекрасною зеленью. Привѣтливые небольшіе домики настоящихъ хозяевъ Ферана виднѣлись также неподалеку, скрытые въ

лѣсу тарфѣ подѣ кустами финиковыхъ пальмъ, лучшихъ на полуостровѣ. Изъ финиковъ въ Феранѣ готовится особаго рода колбаса, далеко не вкусная; огромное количество финиковъ, свѣжихъ и приготовленныхъ въ прокъ, отсюда расходится по всему полуострову. Въ пору сбора плодовъ въ Феранѣ сюда приходятъ большіе караваны и скупаютъ весь товаръ; вслѣдствіе этого обитатели оазиса живутъ безбѣдно. Кромѣ финиковъ нѣкоторые изъ туземцевъ разводятъ даже табакъ, доставляющій имъ большую выгоду, по словамъ Ахмеда. Въ огородахъ, принадлежащихъ домикамъ, произрастаютъ всѣ овощи, зелень, а также конопля. Около быстро текущаго, чистаго ручейка, у котораго мы остановились, были расположены красивенькіе сады, полные стройныхъ пальмъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ и огороженные небольшими оградами изъ, кое-какъ сложенныхъ, камней. Въ зелени садовъ и обитали счастливые жители Ферана; ихъ безбѣдному существованію завидуютъ всѣ остальные арабы полуострова. Когда мы проѣзжали мимо этихъ домиковъ, небольшія, но злыя собаки съ громкимъ лаемъ встрѣчали и провожали нашъ караванъ. На ихъ лай выходили хозяева, по преимуществу, женщины и дѣти, и съ любопытствомъ оглядывали проѣзжающихъ путниковъ.

Едва мы успѣли слѣзть съ верблюдовъ и разгрузить нашихъ животныхъ, какъ къ намъ подошло нѣсколько арабовъ; мы приняли ихъ очень ласково и предложили мѣсто у своего костра, на которомъ Юза сталъ готовить обѣдъ. При помощи своихъ арабовъ я сторговалъ у одного изъ гостей небольшую овцу; не прошло и получаса, какъ она была принесена, зарѣзана и начала жариваться самымъ первобытнымъ способомъ на огнѣ, безъ масла и всякихъ спецій. Очень вкусно показалась

она намъ послѣ столькихъ дней сухоядѣнія, послѣ сухаго хлѣба, финиковъ и оливъ. Одинъ изъ нашихъ гостей принесъ также козьего молока и финиковъ. Благодаря этому, мы пообѣдали очень порядочно въ уади Феранъ. Часа два или три мы отдыхали послѣ обѣда, разговаривая съ своими гостями, которыхъ я угостилъ чаемъ съ виномъ. Съ чувствомъ сомнѣнія и колебанія они попробовали невѣдомаго напитка и тотчасъ же выразили свое удовольствіе. Результатомъ нашего знакомства было доброе согласіе, водворившееся между нами и арабами Ферана съ перваго же часа нашего пребыванія, что принесло намъ не маловажную пользу. Когда мы окончили свое кейфованіе и пошли съ Юзою осматривать окрестности, нѣсколько изъ новыхъ знакомыхъ провожало насъ, показывая все, что на дорогѣ встрѣчалось замѣчательнаго.

Первымъ визитомъ нашимъ было посѣщеніе пещеръ, вырытыхъ во множествѣ въ нѣкоторыхъ каменныхъ стѣнахъ Ферана. Трепетно забилося у меня сердце, когда я увидалъ, что въ нихъ находится масса костей, которыхъ я такъ жадно искалъ и не находилъ доселѣ. Не обращая вниманія на смущеніе арабовъ, недоумѣвавшихъ относительно того, что я такъ вожусь съ костями, внушающими имъ суевѣрный страхъ, я тотчасъ же принялся за добываніе и разсматриваніе ихъ. Юза дѣятельно мнѣ помогалъ въ отыскиваніи и выкапываніи костей. Такъ я провозился до вечера, когда, къ великому своему сожалѣнію, принужденъ былъ отступать въ становище. На обратномъ пути случилось небольшое несчастье, послужившее, впрочемъ, мнѣ въ пользу.

Одинъ изъ арабовъ, сопровождавшихъ меня и дѣятельно старавшихся услужить мнѣ, какъ то оборвался, спускаясь съ возвышенности, куда онъ зачѣмъ то по-

лѣзь, и разбилъ себѣ голову въ кровь. Его подняли безъ чувствъ, съ полузакрытыми глазами и безъ языка. Кровотеченіе было настолько сильно, что пришлось употребить всѣ старанія. За неимѣніемъ воды, я обмылъ рану краснымъ виномъ, находившимся при мнѣ за поясомъ, и сдѣлалъ повязку изъ носоваго платка и широкихъ листьевъ какого-то ползучаго растенія. Скоро мой пациентъ очнулся, а черезъ полчаса могъ уже слѣдовать за нами. Онъ разсыпался въ благодарности и призывалъ благословеніе Аллаха на голову московъ хакима (русскаго врача); у становища нашего онъ распрощался и ушелъ. Черезъ нѣсколько времени, когда мы уже мирно отдыхали, испѣленный привелъ еще болящаго, жаловавшагося на боль во всѣхъ членахъ. Небольшой запасъ салициллово-кислаго натра, который не худо имѣть въ странахъ, подобныхъ Каменистой Аравіи, гдѣ приходится ночевать подъ открытымъ небомъ, и гдѣ ревматическія заболѣванія нерѣдки, былъ пущенъ въ ходъ. На другой день молва о моихъ врачебныхъ познаніяхъ распространилась по всему Ферану, и у меня было достаточно практики—все это, разумѣется, мнѣ помогало дѣлать множество антропологическихъ наблюденій и знакомиться съ сынами пустыни поближе, чѣмъ изъ разговоровъ и въ приглядку.

Чудную ночь провели мы въ оазисѣ Феранъ. Я постлалъ свой бурнусъ и пальто подъ тѣнью тарфа, а подъ голову положилъ охапку свѣжихъ листьевъ. Вѣловатый налетъ сладкой манны облегалъ сучки того дерева, подъ которымъ было мое ложе, и я лакомился иногда этимъ приторно-сладкимъ веществомъ, за неимѣніемъ другаго дѣла. Ночь была тихая, теплая и звѣздная; какимъ то бальзамомъ былъ пропитанъ свѣжій воздухъ горной долины; дышалось такъ легко и свободно,

какъ будто по всему тѣлу разливалась новая жизнь, новыя юныя силы; послѣ жгучаго, сухаго одуряющаго воздуха пустыни грудь, казалось, старалась набраться оживительной струи, а съ нею и новой силы на будущія лишенія. Кругомъ было все тихо и безмолвно, но то былъ не мертвый покой безжизненной пустыни, а сонъ успокоившейся жизни, которая была разлита повсюду. И тихое журчанье ручейка, и шелестъ крыльевъ насекомыхъ, рѣзавшихъ между листовою тарфы, и легкое пошаваніе пальмъ,—все, казалось, говорило о жизни, напоминало о ней; было уже за полночь, а я все еще не спалъ, и, убаюкиваемый легкимъ трепетаніемъ тарфа, мечталъ о своей далекой родинѣ; о тѣхъ родныхъ Новгородскихъ лѣсахъ, подъ сѣнью которыхъ также въ тиши ночной легко дышалось мнѣ, какъ и подъ тѣнью тамарисковъ и пальмъ въ уади Ферана. Мои сладкія мечтанія вдругъ прервалъ отдаленный вой волка или шакала, раздавшійся гдѣ-то въ скалахъ, окружающихъ уади. Ему скоро сталъ вторить и другой уже невдалекѣ; хищники словно сзывали другъ друга на добычу на охоту за козами и овцами, пасущимися на привольныхъ пастбищахъ Ферана. Заунывный вой то замолкалъ, то раздавался снова съ прежнею силою, то опять замиралъ въ горахъ, какъ бы исчезая въ ихъ непроходныхъ дебряхъ. Хотя и грустною, надрывающею душу ноткой звучалъ вой горнаго волка, но онъ напомнилъ мнѣ еще болѣе родные лѣса, и въ сладкой грезѣ объ отчизнѣ я уснулъ.

Около трехъ дней проблуждалъ я въ долинѣ Ферана и у подножья Сербала, осматривая археологическіе остатки этой мѣстности, и эти дни были одними изъ лучшихъ по воспоминаніямъ о блужданіи моемъ по пустынямъ Каменистой Аравіи. Съ ранняго утра на дру-

гой день я отправился на поиски въ пещеры. Мой первый пациентъ и его товарищъ сопровождали меня. Пещеры Ферана, по большей части, не велики и пусты; только нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ значительной величины. Онѣ служили издревле мѣстомъ обитанія человѣку Синайскихъ горъ. Еще во времена доисторическія пришелъ онъ сюда и жилъ въ пещерахъ сперва естественныхъ, потомъ искусственныхъ, которыя онъ копалъ кремневыми орудіями. Въ тѣхъ пещерахъ, во время младенческаго состоянія своей культуры, онъ находилъ защиту и отъ непогодъ, и отъ дикихъ звѣрей. Пещеры, можно сказать, спасли человѣчество въ его колыбели; безъ нихъ младенствующій человѣкъ не могъ бы устоять въ борьбѣ за существованіе. Поэтому, въ самомъ началѣ, первобытный человѣкъ распространялся только по горахъ. Потомъ, когда онъ вышелъ изъ состоянія троглодитовъ и научился строить себѣ хижины изъ камня, земли и дерева, тогда онъ спустился и въ равнины. Въ долину Ферана можно видѣть и изучать всѣ послѣдовательныя ступени въ развитіи человѣчества — періодъ естественныхъ пещеръ, періодъ искусственныхъ и, наконецъ, — періодъ хижинъ, сложенныхъ примитивнымъ образомъ изъ камней. Остатковъ этихъ послѣднихъ тоже достаточно встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Ферана. Изученіе ихъ очень любопытно, потому что бросаетъ яркій свѣтъ на судьбы доисторическаго человѣка не только Синайскихъ горъ, но и человѣка вообще.

Позднѣе, уже во времена историческія, когда Феранъ былъ столицею Каменистой Аравіи, когда въ городкѣ его была епископія и политическій центръ, тогда въ подземныхъ пещерахъ Феранской долины во множествѣ селились христіанскіе отшельники, повторявшіе жизнь доисторическаго человѣка. Для тѣхъ и другихъ

подземелья и пещерныя жилища служили и погребальными склепами. Костей, поэтому, можно встрѣтить очень много въ пещерахъ Ферана; надо только умѣть различать останки доисторическаго человѣка отъ костей людей, погребенныхъ позднѣе. Кромѣ костей человѣческихъ, мы встрѣтили тутъ и порядочно костей животныхъ, преимущественно употреблявшихся въ пищу; эти остатки вполне аналогичны кухоннымъ остаткамъ—къеккенмеддингсамъ. Въ одной пещерѣ, тщательно изученной нами, такихъ костей было множество. Между ними можно было различить кости быка, лошади, козла, верблюда, антилопы, гѣны и нѣкоторыхъ мелкихъ животныхъ; было также нѣсколько зубовъ свиньи и какихъ то хищниковъ. Кости этихъ животныхъ были до того раздроблены, что большинство ихъ было трудно опредѣлить; вполне цѣлыми мы нашли только ноги лошади и черепъ верблюда, нѣсколько меньшій по величинѣ и съ болѣе выдающимися нижнечелюстными костями, чѣмъ черепъ современнаго верблюда. Онъ, вѣроятно, принадлежалъ дикому верблюду, водившемуся въ пустыняхъ Аравіи, котораго номады ея употребляли въ пищу, прежде чѣмъ приручили къ себѣ и сдѣлали кораблемъ пустыни. Раздробленность особенно замѣчалась на костяхъ трубчатыхъ, служившихъ первобытному человѣку для добыванія самаго лакомаго блюда—мозга; для раздробленія употреблялись кремни, встрѣчающіеся всегда съ подобными остатками.

Человѣческія кости, видѣнныя нами въ пещерахъ Ферана, были не особенно древни и, по большей части, принадлежали, вѣроятно, монахамъ; ихъ краниометрическія особенности указывали на ихъ принадлежность къ арабскому типу; кости доисторическаго человѣка заложены глубже, и намъ одними ножами въ нѣсколько часовъ

времени было очень трудно добыть ихъ. Въ одной изъ пещеръ Ферана, вмѣстѣ съ раковинами и кремнями, мы нашли хорошенькій красный камешекъ съ голубыми и бѣлыми жилками. Такъ какъ въ послѣдствіи мы нашли подобный камешекъ и въ одномъ изъ мегалитическихъ сооружений, то предполагаемъ, что эти камешки служили талисманами. Изъ другихъ находокъ, кромѣ углей, золы, обожженныхъ камней, мы отыскивали еще масляную лампочку въ формѣ башмака, съ двумя отверстіями— съ однимъ большимъ на широкомъ концѣ лампочки для наливаія масла и другимъ маленькимъ на носкѣ для вставленія свѣтильни; на наружной поверхности лампочки идутъ различные узоры. Лампочка эта, по всей вѣроятности, принадлежала какому-нибудь отшельнику, которому пещера служила обиталищемъ.

На холмахъ въ уади Феранъ есть еще примѣчательныя сооруженія, въ родѣ навамисъ, небольшіе четырехугольные каменные домики, схожіе отчасти съ болѣе совершенными дольменами по простотѣ своей постройки. Сложены они изъ камней, довольно хорошо пригнанныхъ, безъ всякаго связующаго элемента. Куполообразная крыша на нихъ не замѣчается, какъ у круглыхъ домиковъ. Похожи они вообще на большія каменные коробки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть четырехугольныя небольшія окошечки; другіе выстроены немного лучше. Большинство находится далеко не въ блестящемъ состояніи. Съ любопытствомъ я разсматривалъ эти сооруженія, которыя сразу призналъ за могилы каменнаго вѣка. Къ удивленію своему, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я встрѣтилъ человѣческія кости и почти цѣлые скелеты; съ ними находятся также остатки деревянныхъ гробовъ и матерій, ихъ обвивавшихъ. Не будучи въ состояніи подробно изслѣдовать этихъ костей

и особенно череповъ, я не могу выразиться о нихъ болѣе или менѣе опредѣленно, но, судя по поверхностному осмотру, онѣ отличаются отъ двухъ типовъ, которые я впоследствии установилъ для костей доисторическихъ обитателей Каменистой Аравіи. Оно, разумѣется, и понятно; кости, найденныя въ этихъ навамись, принадлежатъ несомнѣнно сравнительно недавнему времени, и Пальмеръ отчасти правъ, считая, какъ сооруженія эти, такъ и кости, относящимися ко времени отшельничества. Относительно принадлежности этихъ каменныхъ домиковъ къ мегалитическимъ постройкамъ я тоже имѣю нѣкоторыя сомнѣнія, хотя, разумѣется, склоняюсь скорѣе къ доисторическому ихъ происхожденію.

Особенно любопытными являются находящіяся съ этими человѣческими остатками куски деревянныхъ досокъ и лоскутки, служившіе, безъ сомнѣнія, гробами и саванами для погребенныхъ. Мои арабы утверждали, что дерево это есть тарфовое или седжаловое (т. е. тамарисковое или акація); я, разумѣется, не могъ быть вовсе авторитетенъ въ подобномъ опредѣленіи. Куски матерій я находилъ вмѣстѣ съ человѣческими костями и въ пещерахъ; но въ описанныхъ каменныхъ домикахъ ихъ встрѣчается болѣе. Они состоятъ изъ лоскутковъ синей, сильно выцвѣтшей, хлопчатобумажной матеріи и по нынѣ еще употребляемой въ Египтѣ; нѣкоторые лоскутки были несомнѣнно бѣлы и черны; послѣднее еще болѣе говоритъ объ ихъ происхожденіи. Небольшой мѣдный крестъ, найденный нами, рѣшалъ всѣ сомнѣнія. Очень сильное впечатлѣніе на меня произвело это настоящее кладбище маленькихъ каменныхъ склепиковъ, съ такими рельефными остатками погребенныхъ, какъ кости, гроба и лоскутки савановъ; оно напоминало и наши кладбища, но гораздо болѣе говорило о смерти,

*

чѣмъ плиты и кресты послѣднихъ, скрывающіе глубоко подь собою останки усопшихъ.

Джебель ет-Таунэ— одна изъ каменныхъ громадъ, замыкающихъ Феранъ, богата всякими остатками обиталищъ древняго человѣка. Въ немъ находится множество пещеръ и настоящія катакомбы; блуждая по ихъ подземнымъ ходамъ съ факелами и съ цѣлою оравою арабовъ, я находилъ слѣды копоты, остатки кострищъ, угля, черепки посуды и обломки костей жвачныхъ. Въ одной изъ галлерей находится даже небольшая куча камней. Арабы мои подымали тамъ раковины и аморфные кремни. На склонахъ джебель ет-Таунэ есть полуразрушенныя сложенія изъ необдѣланныхъ камней. Все это говоритъ о глубокой древности этихъ остатковъ. Великую службу сослужили пещеры Ферана первобытному человѣку Каменистой Аравіи; ихъ изслѣдованіе, самое тщательное и подробное, можетъ дать самыя любопытныя свѣдѣнія относительно многихъ вопросовъ по доисторической антропологии.

Къ числу остатковъ доисторической эпохи мы относимъ и каменную гробницу шейха Абу Шебиба—одного изъ уважаемыхъ святыхъ бедуиновъ. Подобныхъ гробницъ разбросано множество по Синайскому полуострову, и всѣ онѣ, по словамъ арабовъ, заключаютъ прахъ арабскихъ святыхъ. Это, по большей части, небольшія каменныя сложенія изъ довольно порядочно обработанныхъ камней, часто безъ цемента, внутри которыхъ дѣйствительно часто находятся останки людей съ лоскутьями одежды и массою жертвоприношеній. Молва о чудесахъ, творимыхъ у этихъ могилъ, разносится по всей пустынѣ, и дикіе бедуины, въ минуты горя, приходятъ молиться надъ прахомъ своихъ заступниковъ. Такова и гробница Абу Шебиба; происхожде-

ніе ея почти навѣрно должно быть отнесено къ мегалитической эпохѣ. Изъ боязни оскорбить окружавшихъ насъ арабовъ неуваженіемъ къ ихъ святымъ, что могло бы имѣть для насъ роковыя послѣдствія, мы не позволяли себѣ даже внимательно осмотрѣть ее, тѣмъ болѣе, что легенда угрожаетъ смертью оскорбителю памяти великаго шейха.

Недалеко отъ гробницы Шебиба находятся могилы съ плитами—останки древнихъ христіанскихъ кладбищъ, а также слѣды древней церкви. Вьющіяся растенія теперь обвиваютъ эти развалины, едва замѣтныя въ окружающей зелени. Вездѣ высятся прекрасныя финиковыя пальмы, акаціи и тамариски; немного поодаль на холмахъ виднѣются небольшія поля, засѣянныя пшеницею и кукурузою, съ искусственнымъ орошеніемъ изъ сосѣднихъ ручейковъ. Немного осталось отъ церкви, а еще менѣе отъ города Ферана, бывшаго столицею полуострова. Среди пальмъ и тарфѣ на широкомъ холмѣ ел Махаррадъ, около 100 ф. вышиною, возвышаются еще развалины крѣпкихъ стѣнъ, монастырскихъ зданій, обломки колоннъ; по нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что здѣсь была церковь, гдѣ возвышалась кафедра епископа Ферана. Куча обломковъ, а также небольшія кучки угля, по словамъ арабовъ, скрываютъ большія сокровища, которыми они не подумали воспользоваться.

Подвигаясь къ уади Алейатъ, впадающей въ Феранъ, мы встрѣтили небольшой караванъ арабовъ восточной части Синайскаго полуострова изъ племени Муссейновъ; они пробирались зачѣмъ-то въ Торъ. Узнавъ отъ нихъ, что они идутъ отъ Акабы, я велѣлъ Юзѣ распросить путниковъ объ эпидеміи, которою меня такъ заинтересовали хаджи, встрѣченныя у Моисеевыхъ колодцевъ. Старѣйшій изъ каравана арабъ съ сѣдою огромною бо-

родою тотчасъ же началъ призывать милосердіе Аллаха на сыновъ пустыни и поклонниковъ Каабы, потому что злая болѣзнь дѣйствительно поражаетъ караваны богомольцевъ, идущіе изъ Мекки. Онъ описалъ такъ ясно болѣзнь, поражающую хаджей по гнѣву пророка, что для насъ не оставалось уже тогда никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ о новой эпидеміи холеры, появляющейся эпидемически среди пилигриммовъ Мекки и Медины. Безпрестанные поносы, судороги конечностей, страшная жажда, холодъ кожи, сильный потъ и быстрота смертельнаго исхода—все это, даже со словъ профана араба, ясно живописало картину холеры. Свой разсказъ старый бедуинъ прерывалъ часто воздыханіями, молитвами и обращеніемъ къ милосердному Аллаху. Конечъ же онъ заключилъ восклицаніемъ „машалла“ (такъ хочетъ Богъ). Такъ какъ подробности относительно холерной эпидеміи 1881 г. мы изложили въ спеціальной статьѣ, то туда и отсылаемъ желающихъ познакомиться поближе съ этимъ вопросомъ ¹⁾.

Бесѣдуя съ словоохотливыми арабами, мы отдохнули немного, собираясь сдѣлать восхожденіе на Сербаль. Сперва мы вошли въ уади Алейать; эта небольшая долина, начинающаяся отъ подножія этого исполина Синайскихъ горъ, вся наполнена массою огромныхъ камней, обломками скалъ, какъ бы нанесенныхъ чудовищнымъ теченіемъ въ одно мѣсто; эти каменные массы красноватаго порфира и бѣловатаго гранита представляли чрезвычайно живописную картину. Выступавшій мѣстами, сѣрый шиферъ, темный и зеленый діоритъ дополняли яркость цвѣтовъ каменныхъ породъ этой уади,

¹⁾ „Нѣсколько словъ о Меккской эпидеміи“. Врачъ, № 8, 1882 г.

густо заросшей акаціями. Эти камни, нагроможденные скалы и масса зарослей сильно затрудняли путь нашимъ верблюдамъ, и мы были скоро принуждены покинуть ихъ, а дальше продолжать свой путь пѣшкомъ. Бодро пошли мы съ Юзою и тремя обитателями Ферана, добровольно сопровождавшими насъ. Дорога шла по прежнему,—по густой зелени, среди которой—мы примѣчали многія, намъ знакомыя, растенія изъ сем. *Cruciferae*, *Compositae*, *Papilionaceae* и *Rosaceae*; мирты, терновникъ, тимьянъ, мальва, гераніумъ, буссаранъ, душица и др. растенія попадались на пути. Масса насѣкомыхъ обитала въ этой зелени, ползала, летала, прыгала и кружилась... Множество птицъ рѣзвилось въ густой зелени акацій и тамарисковъ; нѣсколько уерберы (*Hugax syriacus*), завидя насъ, стремительно старались спрятаться между каменными глыбами, что было очень не трудно въ этомъ хаосѣ камней; раза два мы слышали шумъ убѣгавшей испуганной газели, спасавшейся бѣгствомъ при нашемъ приближеніи. На одномъ изъ пальмовыхъ деревьевъ, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь собраны группами, мы примѣтили огромное гнѣздо какой-то птицы; къ сожалѣнію, мы не могли увидѣть его хозяевъ. Каменные орлы и соколы, а также горныя совы гнѣздятся въ неприступныхъ ушельяхъ и надъ пропастями; другихъ же птицъ съ такимъ большимъ гнѣздомъ мы не знаемъ.

Небольшой, настоящій горный ручеекъ катился, извиваясь между, нагроможденными безъ всякаго порядка, камнями, орошая собою, вывѣтривающіеся, верхніе слои порфира, обильно поросшіе луговою горною зеленью, между которою пестрѣли и наши родные полевые цвѣты. Многія травы были очень благовонны, и не мудрено, потому что Каменистая Аравія издревлѣ славилась своими благовоніями. Особенно привлекли мое вниманіе нѣкоторыя

Ranunculaceae и Labiatae, совсѣмъ сходныя съ нашими родными видами.

Съ долиною Алейать у арабовъ пустыни связано множество преданій, и въ томъ числѣ сказаніе о пророкѣ Моисеѣ, будто бы останавливавшемся въ одной изъ пещеръ ея. Въ этой уади среди естественныхъ каменныхъ сочетаній, мнѣ казалось, попадаются и искусственныя сложенія. Находокъ, впрочемъ, мы никакихъ не сдѣлали. Уади Алейать оставила въ насъ сильное впечатлѣніе по своей живописной дикости, по той кипучей животной жизни, которая кишитъ въ ней, не смотря на каменные ограды, запирающія и наполняющія эту долину. Мой проводникъ Юза сдѣлалъ остроумное замѣчаніе относительно горной природы Алейать. Камни, по его словамъ, совсѣмъ душатъ здѣсь зелень и траву, но она подымаетъ самые камни и пробивается наружу.

Многовершинный Сербаль темною величественною массою подымается до 6720 футовъ и царствуетъ надъ хаосомъ горъ, высящихся вокругъ Ферана. Ни красивый джебель Банать, стремящійся гордо къ небу, ни даже джебель Муса и ед-Цебиръ не представляютъ такой красивой очерченной громады, того изящнаго профиля и той великолѣпной массы, какъ Сербаль. Онъ издали уже манитъ васъ своимъ зубчатымъ абрисомъ, своею могучею громадою. Говорятъ, что моряки, проѣзжая Суэцкимъ заливомъ, всегда принимаютъ Сербаль за Синай — такъ величественно выглядитъ этотъ царь Синайскихъ горъ. Немудрено, поэтому, что и ученые изслѣдователи, хотя по другимъ основаніямъ, смѣшиваютъ эти высочайшія вершины Каменистой Аравіи. Уже входя въ Феранъ и слѣдуя по его изгибамъ, мы видѣли великолѣпную фигуру Сербалья, которая царитъ надъ всѣми остальными горами; когда вырисовывается его профиль между Бана-

томъ, джебелъ ет-Таунэ и джебелъ ел-Джебоа, онъ уже подавляетъ своимъ величiемъ всѣ остальные громады. Немудрено, что издревле Сербаль былъ отмѣченъ человѣкомъ, создавшимъ сабеистическій культъ, и сталъ такою же священной горою для обитателей Каменистой Аравіи, какъ Меру для индусовъ, Альборджъ для зендовъ, Олимпъ для грековъ... Говорятъ, что еще финикіяне вершины Сербалья посвятили солнцу, лунѣ и семи планетамъ; за ними сюда приходили поклоняться египтяне и другіе; народы строили здѣсь алтари и приносили жертвы. Понятно, поэтому, отчего главное теченіе Синайскихъ надписей идетъ не къ Синаю, а къ Сербалю, отчего окрестности его покрыты множествомъ навамисъ и другими остатками сѣдой древности, почему нынѣшніе арабы помѣщаютъ на зубчатыхъ вершинахъ Сербалья сѣдалище великаго духа пустыни.

Намъ не удалось въ тотъ день подняться на Сербаль, хотя мы и были у подножья этой горы. Намъ помѣшали многочисленные паціенты. Возвращаясь изъ своей экскурсіи въ уади Алейатъ къ своему прежнему становищу у развалинъ Ферана, мы замѣтили не мало Синайскихъ надписей. На стѣнахъ плодородной долины Ферана ихъ встрѣчается порядочно, но все таки гораздо менѣе, чѣмъ въ бесплодной Моккатебъ. Гораздо болѣе сравнительно надписей въ другихъ уади, впадающихъ въ Феранъ. Въ уади Алейатъ и Аджелэ, обхватывающихъ подножье Сербалья съ востока и запада, количество надписей поразительно. Особенно ихъ много въ первой изъ этихъ, впадающихъ въ Феранъ, уади. Тутъ онѣ встрѣчаются не только на стѣнахъ, но даже на камняхъ, разбросанныхъ на пути. Распредѣленіе это заслуживаетъ особеннаго вниманія и указываетъ прямо на то значеніе, какое имѣлъ Сербаль на происхожденіе Синайскихъ надписей.

Небольшія уади Аджелэ и Алейать, составляющія, такъ сказать, дороги на Сербаль, и служившія, по всей вѣроятности, мѣстами сбора паломниковъ Сербалья, покрыты надписями, тогда какъ въ самыхъ лучшихъ урочищахъ Ферана ихъ нѣтъ ни одной.

Я не буду распространяться объ исторіи Ферана, а скажу только два слова объ отношеніи его къ Библии. Изъ книгъ Моисѣевыхъ намъ извѣстно, что здѣсь во время Исхода евреевъ обитали амалекитяне; они встрѣтили твердою грудью пришельцевъ и долго отстаивали свою свободу. Побѣжденные, наконецъ, израильтянами они бѣжали въ горы. Быль-ли здѣсь библейскій Рафидимъ—это еще пока не рѣшено, хотя по всѣмъ даннымъ, мнѣ кажется, иначе и быть не можетъ; если только проходили евреи по тому пути, какъ это предполагаютъ на основаніи Библии и топографіи полуострова, если Дофка находилась въ Магара,—то Рафидимомъ былъ Феранъ. Дофка, Алусъ и Рафидимъ—вотъ станціи евреевъ въ окрестностяхъ Сербалья, откуда они пошли прямо на Синай. Недостатокъ воды, который эти послѣдніе ощущали въ Рафидимѣ, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что они остановились не въ самомъ оазисѣ Ферана, а при западномъ концѣ этой долины при соединеніи ея съ уади Моккатебъ. Обѣ эти уади на столько широки и просторны, что достаточны были для прохода порядочнаго племени и настолько безводны, что Моисею приходилось изводить воду изъ камня, потому что другаго тутъ ничего нѣтъ. Въ уади Алейать даже показываютъ скалу изведенія воды, но такъ какъ такую же покажутъ вамъ и въ уади Шейхъ, то нечего тратить времени на ея описаніе.

Едва мы успѣли воротиться изъ своей экскурсіи, какъ къ намъ уже явилось нѣсколько пациентовъ, въ томъ

числѣ и двѣ женщины; лица ихъ не были закрыты. Младшая изъ нихъ была лѣтъ 16 или 17 и носила на себѣ типъ дикой степной красоты. Гибкое, стройное тѣло, красивыя руки и ноги, огненные глаза и матовосмуглый цвѣтъ лица дѣлали ее настоящею красавицею. При взглядѣ на нее припоминались мнѣ цвѣтистыя сравненія арабовъ— „стройна, какъ пальма; горяча, какъ песокъ пустыни; красива, какъ роза; глаза, какъ ясныя звѣздки; волосы черные, какъ темная ночь“. Молодая пациентка очень страдала, но на лицѣ ея не выражалось даже и тѣни страданія; она скорѣе какъ бы съ любопытствомъ разсматривала хакима (врача) и его спутниковъ и ожидала терпѣливо своей очереди. Я же тѣмъ временемъ возился съ другими пациентами. Большинство больныхъ страдало глазами. Я уже говорилъ выше о причинахъ, обуславливающихъ настоящія глазныя эпидеміи среди арабовъ полуострова; теперь же прибавлю къ тому, что онѣ превосходятъ всякое представленіе. Такъ у шести моихъ пациентовъ у двухъ были переднія стафиломы, у одного съ разрывомъ глазнаго яблока на правомъ глазу, у двухъ другихъ опасныя, едва-ли излечимыя, формы притовъ, а у двухъ послѣднихъ какія-то еще болѣе глубокія страданія, по всей вѣроятности, ретиниты, которыхъ я не могъ распознать, не имѣя въ рукахъ офтальмоскопа. Разумѣется, моя помощь въ этихъ случаяхъ равнялась нулю, и за неимѣніемъ ничего другаго приходилось для утѣшенія несчастныхъ, предписывать обмываніе изъ тѣхъ или другихъ, завѣдомо цѣлебныхъ, травъ пустыни. Не болѣе существенна моя помощь была и другимъ, съ довѣріемъ ко мнѣ прибѣгавшимъ, арабамъ. Ни ревматическихъ страданій, ни желудочно-кишечныхъ катарровъ, ни сыпей я врачевать не могъ, не имѣя возможности даже назначить діеты, не только что леченія.

У одного молодого араба я видѣлъ абсцессъ, обусловленный гвинейскимъ червемъ, но, вскрывъ его, не нашелъ ничего, такъ какъ паразитъ помѣщался въ глубинѣ клѣтчатки. Только молодой паціенткѣ я былъ въ состояніи оказать существенную помощь; красавица, спускаясь съ горы, откуда она сгоняла своихъ козъ, неловко упала или оступилась и получила сильную дисторзію голенно-стопнаго сочлененія. Суставъ сильно распухъ и былъ болѣзненъ до того, что больная не могла идти безъ помощи. При помощи пальмовыхъ листьевъ, тонкихъ палочекъ тарфы и глины я успѣлъ наложить порядочную неподвижную повязку. Быстро на солнцѣ высохла она, и стала дѣйствительно неподвижною. Кромѣ незначительныхъ благодарностей мои паціенты нанесли мнѣ молока, яицъ, финиковъ, овощей, и только одинъ подслѣповатый арабъ, для котораго я издержалъ полдрахмы опійной настойки, замѣсто благодарности, самъ протянулъ руку, прося у меня бакшишъ—вѣроятно за то, что доставилъ мнѣ удовольствіе осмотрѣть его особу. Не смотря на этотъ комичный эпизодъ, мы все-таки остались довольны другъ другомъ—паціенты мною, а я еще болѣе паціентами, потому что воспользовался самымъ безцеремоннымъ образомъ головами всѣхъ паціентовъ, особенно глазныхъ, подъ видомъ врачебнаго діагноза. Обитатели Ферана мнѣ показались вообще очень ласковыми и добродушными, и я съ удовольствіемъ бы прогостилъ еще тамъ нѣсколько дней, если бы мои матеріальныя средства не заставляли меня скупиться каждымъ лишнимъ днемъ.

Много я уже пересмотрѣлъ арабовъ Синайской пустыни; обширное знакомство въ Феранѣ дало мнѣ возможность еще болѣе присмотрѣться къ нимъ; до сихъ поръ они были такъ гостепріимны, разговорчивы, вѣж-

ливы, что я начиналъ любить ихъ и не тревожиться при каждой встрѣчѣ съ арабомъ въ горахъ или пустынѣ; я уже не накладывалъ руки на револьверъ, какъ это я дѣлалъ машинально въ первые дни моего путешествія при видѣ даже самаго мирнаго бедуина, послѣ того, что мнѣ наговорили о нихъ въ Каирѣ и Суецѣ, а напротивъ того начиналъ желать встрѣчи съ сынами пустыни. Что-бы ни говорили о нихъ,—все таки они народъ поэтичный. Мало такихъ народовъ, съ однимъ именемъ котораго связывается столько поэзіи и представленій, какъ съ арабами. Всякій представляетъ гордаго сына пустыни среди ея горъ и песковъ въ живописномъ, хотя и не богатомъ костюмѣ, мчащимся на красавцѣ конѣ или возсѣдающимъ на горбѣ дромадера; бѣлый тюрбанъ окутываетъ его голову, сѣрый бурнусъ развѣвается живописными складками по воздуху, кремневое ружье, богатый ятаганъ и длинная пика неразлучны съ нимъ, какъ съ вѣчнымъ борцомъ за свободу. Не таковы они теперь—сыны пустыни. Во всемъ Синайскомъ полуостровѣ нѣтъ ни одной лошади; не у всякаго араба есть и дромадеръ; не бѣлые тюрбаны окутываютъ голову какогонибудь Савалиа или Терабина, а какія то тряпки, если не красные тарбуши и низенькіе колпаки—кефіэ; рубашка его черна и довольно грубой матеріи, подпоясанная кожанымъ поясомъ, плащъ изъ верблюжьей шерсти, еще грязнѣе, оружія зачастую вовсе нѣтъ. Ничего живописнаго не представляетъ нынѣшній арабъ западной части полуострова. Правда онъ держится еще съ достоинствомъ, порою глаза его блестятъ огнемъ, въ немъ еще остались нѣкоторыя добродѣтели отцовъ; изысканная вѣжливость и гостепримство еще обыкновенная черта бедуиновъ, но за то къ нимъ прокрались и другія качества, неизвѣстныя среди ихъ отцевъ. Нынѣшній

бедуинъ лукавъ, нахалень, трусливъ; порою его великодушіе не имѣеть, кажется, границъ, но пройдетъ минута—и гаденькая натура окажется подъ благородною личиною. Съ перваго взгляда, живая, подвижная, увлекающаяся натура араба, столь несвойственная восточнымъ народамъ, располагаетъ васъ въ свою пользу, но потомъ вы увидите, что богато одаренная натура эта также апатична, сонна и лѣнива, какъ и у другихъ обитателей Востока, и тотъ же самый живой, едва стоящій на мѣстѣ, арабъ можетъ прокейфовать цѣлые дни за кальяномъ или трубкою хашиша. Я позволю себѣ привести нѣсколько мѣстъ изъ моего антропологическаго очерка обитателей Синайскаго полуострова относительно психики арабовъ¹⁾.

„Что арабъ пылкая, горячая натура, которая еще болѣе эннервируется религіознымъ фанатизмомъ и богато развитою, истинно „арабскою“ фантазіею—это извѣстно всѣмъ, но едва ли общеизвѣстенъ фактъ, что тотъ же самый арабъ можетъ быть и апатичною натурою. Между тѣмъ, это можетъ наблюдать всякій, путешествующій на Востокѣ; во дни безотлагательной нужды, или въ такомъ дѣлѣ, гдѣ необходимы всѣ силы человѣческія, тамъ арабская натура скажется своею нервною, подвижною; но едва отошелъ скорбный часъ, и арабъ видитъ, что ему ничего не надо, хотя бы на одинъ день, онъ уже становится вполнѣ апатичнымъ. На современныхъ обитателяхъ Каменистой Аравіи—это легко подмѣтить. Не красна ихъ жизнь; кругомъ горы да пески; только немногіе счастливыцы живутъ у зелени и воды; огромное количество не обезпечено ничѣмъ; нѣтъ не только насущнаго хлѣба, нѣтъ даже глотка порядочной воды по близости; ко всему надо приложить усиленный

¹⁾ „Обитатели Каменистой Аравіи“ (антропологическій очеркъ)

трудъ, живую силу, производящіе элементы которой отнимаютъ многое отъ организма, недостаточно питающагося, и при всемъ томъ арабъ, какъ истый сынъ пустыни, если добылъ себѣ горсть финиковъ и нѣсколько глотковъ вонючей воды, можетъ всю ночь на пролетѣ играть на флейтѣ, болтать съ земляками или кружиться въ дикой пляскѣ у дымящагося костра. Если же у него есть еще кусокъ мяса барана или серны, то для бѣднаго сына пустыни настаетъ истинное пиршество. Онъ способенъ тогда забыть все на свѣтѣ, и длинная ночь проходитъ среди фантастическихъ разсказовъ, собравшихся на пиршество, друзей. А между тѣмъ въ хижинѣ араба, едва заслуживающей названіе человѣческаго обиталища, или просто въ известковой скалѣ, мечутся отъ голода и жажды его несчастныя жена и дѣти. Когда охнетъ хозяинъ, когда пойметъ нужду своей семьи, умирающей отъ истощенія, тогда онъ повезетъ за нѣсколько сотъ верстъ уголья въ Суецъ или пойдетъ наловить рыбы и настрѣлять дичи, а не то просто пограбить, если представится на то удобный случай,—и важнѣйшія потребности араба удовлетворены. Правда, на немъ и его семьѣ уже нѣсколько лѣтъ не снимались лохмотья одежды, едва прикрывающія тѣло; правда, въ его жалкомъ жилищѣ нѣтъ почти ничего, что напоминало бы о жилищѣ человѣка,—но какое ему дѣло до всего этого, когда онъ можетъ прокружиться съ товарищами въ дикой пляскѣ или просвистать всю ночь въ голосистую флейту. Что же остается дѣлать въ это время его семьѣ? Мы, по крайней мѣрѣ, рѣшительно не знаемъ, чѣмъ она перебивается“...

Только крайней умѣренности и минимальной физиологической потребности обязаны арабы пустыни своимъ существованіемъ. Молокомъ одной козы иногда насы-

шается трое или четверо дѣтей. О взрослыхъ и говорить нечего; они часто питаются, я думаю, однимъ воздухомъ. Эта недостаточность питанія обуславливаетъ сухощавость арабовъ и ихъ сравнительно малую стойкость въ борьбѣ съ эпидеміями и разными болѣзнетворными элементами, хотя въ общемъ, все таки, обитатели пустынь, здоровѣе обитателей городовъ. Въ разныхъ мѣстахъ своего труда, я буду еще имѣть случай говорить не разъ объ арабахъ Синайскаго полуострова и дополнять ихъ этнографическое и этнологическое описаніе, а теперь еще скажу нѣсколько словъ о женщинахъ Каменистой Аравіи.

Ихъ приходилось мнѣ видѣть не много, да и то большинство ихъ закрывало себѣ лица; только нѣсколькихъ мнѣ удалось видѣть открытыми и я не знаю, что за причина, почему нѣкоторыя, подобно моей пациенткѣ, не носятъ покрывала. Юза говорилъ мнѣ, что онѣ должно быть принадлежать къ христіанскимъ семьямъ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, потому что даже христіанки на Востокѣ иногда закрываютъ свои фізіономіи. Судя же по нѣсколькимъ экземплярамъ видѣнныхъ мною лицъ, я долженъ согласиться съ описаніемъ тѣхъ путешественниковъ, которые описывали красоту арабскихъ женщинъ. Сквозь покрывала даже можно разсмотрѣть большіе глаза, красиво очерченный носъ и небольшой ротикъ съ жемчужными зубами; красивый овалъ лица, черные, какъ смоль, волосы, и матово-смуглый бархатистый цвѣтъ кожи дѣлаютъ арабскую дѣвушку очень красивою; природная ловкость, стройность и гибкость, еще болѣе увеличиваемыя во время переходовъ по горнымъ склонамъ со стадами козъ и овецъ, придаютъ особенную прелесть и грацію всѣмъ движеніямъ молодой арабки. Она очень кокетливо носитъ небольшіе локоны надолбомъ и украшаетъ ихъ шебейкэ, особаго рода головнымъ убо-

ромъ, въ родѣ повязки, изъ краснаго сукна съ бусами, и различными другими украшеніями. Когда она выходитъ замужъ, волосы заплетаются иначе, въ родѣ роговъ, украшаются они красными бусами, а подбородокъ татуируется синею краскою; распущенныхъ волосъ у арабки вы не увидите. Только состоятельныя арабки носятъ рубахи и платья вмѣстѣ; обыкновенно послѣднее замѣняетъ то и другое. Широкое, длинное, чаще всего голубаго или синяго цвѣта, платье не скрываетъ стройныхъ формъ; широкая вырѣзка на груди замѣняетъ декольте дочерямъ пустыни, а на ногахъ онѣ, какъ и мужчины, носятъ иногда сандалии изъ мягкой кожи; бусы, стеклярусь, монеты, кольца и синій плащъ довершаетъ костюмъ богатой арабки.

Я не знаю, что сказать о нравственныхъ достоинствахъ дочерей пустыни. Пальмеръ и другіе путешественники очень ихъ восхваляютъ; они описываютъ очень трогательно цѣломудренность арабскихъ дѣвушекъ, супружескую вѣрность арабокъ, жестокія наказанія за прелюбодѣянія, рѣдкость погрѣшеній противъ седьмой заповѣди; но я, по крайней мѣрѣ, слыхалъ отъ своихъ проводниковъ не одно только хорошее о дочеряхъ пустыни. Юза меня посвящалъ въ такія подробности, которыми бы не хотѣлось вѣрить, еслибы я не имѣлъ кое-какихъ доказательствъ вѣрности его словъ; Ахмедъ и Рашидъ—этотъ истый сынъ пустыни, были тоже не особенно лестнаго мнѣнія относительно даже арабокъ Ферана. Съ своей стороны, я отказываюсь дать о нихъ какое нибудь сужденіе, будучи слишкомъ мало знакомъ съ семейною жизнью арабовъ. Знаю только, что весь процессъ женитьбы араба основанъ на куплѣ невѣсты у ея родителей, что часто ее выкрадываютъ изъ шатра, и что жена араба обыкновенно работаетъ, какъ лошадь.

Все это, по моему мнѣнію, не можетъ особенно хорошо отзываться на нравственной сторонѣ арабовъ, не смотря даже на то, что обыкновенно онѣ бываютъ единственными законными женами своихъ мужей. Если прибавить угнетающую бѣдность арабской семьи, то не покажутся неправдою слова моихъ проводниковъ, что арабскія дѣвушки не слишкомъ дорожатъ своею честью, которой и беречь не для кого. Проводя цѣлые дни и ночи съ своими стадами внѣ родительскаго шатра, онѣ относительно свободны, и я не думаю, чтобы клеветаль Юза, говоря, что красивенькія, смугленькія пастушки обыкновенно находятъ и пастушковъ.

Если я еще выражаюсь осторожно относительно настоящихъ дочерей пустыни, то по отношенію къ обитательницамъ городовъ мнѣ нечего остерегаться, и я повторю свои слова, сказанныя въ антропологическомъ очеркѣ: „не мудрено, что арабскія дѣвушки отдаются съ такою охотою за ничтожную плату всякому первому желающему“, ихъ заставляютъ на то крайняя нужда. Разумѣется, разврата гораздо меньше среди обитателей Каменистой Аравіи, но это объясняется отчасти тѣмъ, что въ безлюдной пустынѣ и отдаться некому. Въ городахъ же Египта, куда бѣгутъ эти несчастныя, и гдѣ имѣется спросъ на человѣческое мясо, развратъ арабовъ и арабокъ поразителенъ.

Отвлечшись далеко въ описаніи арабской природы вообще, я возвращаюсь къ прерванному описанію нашего пребыванія въ уади Феранъ. Управившись съ пациентами, мы закусили и расположились на ночлегъ, намѣреваясь утромъ непременно совершить восхожденіе на Сербаль. Эту ночь мы провели въ пальмовомъ лѣсу и засыпали подъ серебристыя трели горнаго соловья. После полуночи я проснулся; была очередь Рашида; онъ

бодро сидѣлъ у костра и осматривалъ свой револьверъ; багровый огонекъ нашего костра своимъ дребезжающимъ свѣтомъ освѣщаль небольшой каменный домикъ, у котораго лежали наши верблюды. Гдѣ-то въ горныхъ дѣбряхъ, окружающихъ Феранъ, глухимъ замогильнымъ голосомъ стонала сова; при каждомъ тянущемъ звукѣ ея нашъ караульный вздрагивалъ; ему казалось, что въ дикихъ ущельяхъ воетъ злой духъ или стонетъ страшный худъ-худъ (миѳическая птица арабовъ въ родѣ оборотня въ птичьемъ видѣ). Крики совы, какъ и вой горнаго волка, снова напомнили мнѣ родину, но каменные многовѣковыя могилы съ костями, гробами и лоскутками савановъ, чернѣющіяся невдалекѣ, давали другой оборотъ моимъ мыслямъ, тѣмъ болѣе, что я не сводилъ глазъ съ трусливаго Рашида, суетвѣріе котораго дѣлало его извѣстнаго храбреца послѣднимъ трусомъ.

Когда я проснулся, солнце уже стояло высоко, птицы весело щебетали въ кустахъ тамариска, а мои проводники торопили меня подыматься на Сербаль. Трое изъ знакомыхъ арабовъ были уже тутъ. Мы пошли сперва прямо по уади Алейать, пробираясь между ея разноцвѣтными камнями, черезъ заросль тарфъ и акацій. Цѣлыя таблицы синайскихъ надписей красовались на этихъ утесахъ и какъ-то таинственно говорили о чемъ-то живомъ, хотя и далеко въ прошломъ, въ этой дикой, но чудной глуши. Послѣ порядочнаго плутанія между камнями и деревьями, начался, наконецъ, подъемъ на пятиглавый Сербаль „Господинъ Вааль“.

Такъ какъ мои новые вожатые хотѣли показать мнѣ что-то интересное, то начали очень кружить на подъемѣ; намъ съ Ахмедомъ приходилось только повиноваться. Прежде чѣмъ начать подыматься, я напился до невозможности изъ чистаго ручейка и вымочилъ себѣ го-

лову и всю одежду; чтобы, по возможности, облегчить подъемъ. Солнце между тѣмъ уже палило немилосердно и разслабляло напряженные мускулы, которые работали изо всѣхъ силъ. По обыкновенію, я въ началѣ восходилъ очень быстро и подымался скоро, не смотря ни на какія препятствія, такъ что проводники едва поспѣвали за мной, но потомъ моя энергія ослабѣла отъ страшнаго зноя, мускулы потеряли свою эластичность, и тогда началось вялое восхожденіе. Масса камней, валавшихся по склонамъ и подъемамъ, сильно затрудняла путь; мѣстами они были сложены неизвѣстною рукою въ кучи, въ другихъ они образовали правильные круги въ родѣ кромеховъ. Разумѣется, при нашемъ утомленіи, нечего было и думать объ ихъ изслѣдованіи; несомнѣнно, однако, что эти круги камней принадлежали къ мегалитическимъ сооруженіямъ, такъ обыкновеннымъ въ области Сербаля. Кое гдѣ на нашемъ пути въ началѣ встрѣчались полосы травки. То были нагорныя пастбища уерберы, козловъ, антилопъ, зайцевъ и газелей. Въ дебри Сербаля, по словамъ Пальмера, заходятъ и леопарды, но мы ничего не слышали о нихъ. Изъ хищниковъ здѣсь обитаютъ еще лисицы, волки и, вѣроятно, гіены.

Трудно описать всю нелегкость и всю прелесть горнаго восхожденія. Это — смѣна различныхъ ощущеній и различныхъ чувствованій. Временами едва дышешь отъ усталости, а порою оживаешь духомъ и тѣломъ, какъ будто ничего и не бывало. Всѣ мускулы тѣла работаютъ, дыханіе напряжено, сердце стучитъ сильно, глаза пожираютъ пройденный путь и дорогу, еще стремящуюся вверхъ. Уже мы были, повидимому, недалеко отъ гранитной верхушки Сербаля-ел-Мадхава — высочайшаго его пункта, какъ вниманіе мое было привле-

чено оригинальнымъ сложеніемъ изъ необдѣланныхъ камней, поразившее меня своею правильностью; въ серединѣ круга возвышалась небольшая куча камней. Это мегалитическое сооруженіе (къ сожалѣнію, неописанное въ моей спеціальной статьѣ) мнѣ живо напомнило типическіе кромлехи Великобританіи и Скандинавіи. Одинъ изъ арабовъ говорилъ мнѣ, что за годъ передъ тѣмъ одинъ изъ туристовъ вытащилъ изъ подъ камней огромную человѣческую голову.

Дорога дѣлалась все труднѣе и труднѣе. Глаза сильно болѣли отъ моря свѣта, разлитого вокругъ и безконечно дробившагося и отражавшагося на причудливаго очертанія скалахъ. Иногда мы пробирались между камнями, иногда шли по такому гладкому плато, что приходилось разуваться и идти для большей безопасности босикомъ; ноги тогда очень страдали отъ накаленныхъ камней, буквально обжигавшихъ кожу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось работать руками и ногами, подсаживать другъ друга, ползти на животѣ. Я проклиналъ тѣ кривые пути, будто бы ближайшіе, которыми вели насъ новые проводники. Руки у меня были всѣ въ ссадинахъ, немилосердно болѣвшихъ, колѣна тоже порядочно побились. Не смотря на то, все-таки, бодрость пока не покидала насъ. Мѣстами мы встрѣчали надписи, попадавшіяся также кое-гдѣ и на отдѣльныхъ камняхъ. Наконецъ, мы пришли къ двумъ небольшимъ пещеркамъ, въ которыхъ съ полчаса и отдыхали, радуясь, что нашли хорошую тѣнь послѣ столькихъ часовъ обжариванья на солнцѣ. Тутъ мы нашли цѣлую кучу необработанныхъ и полуобработанныхъ кремней; осматривая тщательно свою находку и условія окружающей мѣстности, мы пришли къ тому заключенію, что здѣсь находилась настоящая мастерская кремневыхъ орудій, потому что аб-

солютное отсутствіе кремней въ ближайшей окрестности и обиліе ихъ въ одной пещерѣ исключало случайность ихъ происхожденія. Немного дальше мои спутники указывали мнѣ небольшой камень, на которомъ окрестные арабы до сихъ поръ приносятъ жертвы духу пустыни; дѣйствительно масса лоскутковъ, разноцвѣтные камешки и остатки животныхъ подтверждали это. На одномъ изъ поворотовъ на горной тропинкѣ мы встрѣтили двухъ Синайскихъ козловъ (*Capra Sinaitica*), постаравшихся убраться отъ насъ такъ быстро, что я не успѣлъ оправить даже своего ружья.

Послѣ трехчасовыхъ усилій мы, наконецъ, взобрались на тотъ огромный базисъ, на которомъ возвышались гранитныя скалы, вѣнчающія вершину Сербаля. Немного отдохнувъ тутъ, я полѣзъ съ однимъ арабомъ еще дальше, надѣясь на свои силы. Около часу я еще прокарабкался, то босикомъ, то на животъ, призвавъ всѣ свои силы и всѣ гимнастическіе приемы; но потомъ силы оставили меня совершенно, и я въ изнеможеніи прилежъ на горячій камень. Реомюръ показывалъ около 30°. Когда я вздохнулъ и отдышался немного, то съ высоты своего орлинаго гнѣзда я гордо осмотрѣлся вокругъ. Чудная картина открывалась передъ моими глазами. Еще на подъемѣ я любовался великолѣпною панорамною, разстилающеюся у моихъ ногъ; теперь же мой глазъ обнималъ собою огромное пространство. Съ высоты заоблачнаго сидѣнія я могъ осматривать полуостровъ. Вокругъ меня внизу былъ настоящій хаосъ горъ, среди котораго гордо возвышались къ сѣверу Банатъ, къ юго-востоку—великаны Синайскихъ горъ джебелъ Катерина и Уммъ Шомеръ; въ другой сторонѣ виднѣлись уади Эшъ, Шеихъ и Солафъ, бойко прорѣзывающіяся черезъ скалы, и рядъ другихъ уади, какъ

корридоры, идущихъ на сѣверо-востокъ, гдѣ горизонтъ замыкался ет-Тихскою цѣпью, впереди которой желтѣлись еще пески Рамлійской пустыни. Вдали на востокѣ синѣлась и блестяла даже серебристая полоса Акабинскаго залива. Пески виднѣлись и на западъ, и на югъ за тѣмъ моремъ камня, на одной изъ волнъ котораго я находился. Мрачныя каменныя громады отдѣлялись рельефно отъ желтизны песковъ, замыкаемыхъ съ запада блестящею лентою Суецкаго залива, окаймляемой еще далѣе на западъ на самомъ горизонтѣ зубчатою неровною линіею горъ Верхняго Египта. На берегу серебромъ и золотомъ переливающегося залива виднѣлись строенія Тора, бѣлые паруса судовъ, казавшіеся чайками, тонущими въ серебряной дымкѣ, и желтоватоблѣдные пески пустыни Каа. Надо мною было только голубое яркое небо, выше парили только горныя орлы, а наравнѣ подымались громадныя куполы четырехъ другихъ вершинъ Сербалѣя. Около получаса я упивался созерпаніемъ волшебной панорамы, растилавшейся передъ моими глазами, и виталь въ заоблачныхъ высяхъ; выстрѣлъ Ахмеда, пытавшагося убить быстроногого козла, заставилъ меня подумать и о спускѣ.

Масса Сербалѣя состоитъ изъ сѣраго мелкозернистаго гнейса и великолѣпнаго красновато-бураго гранита; мѣстами красно-розовый и темный порфиръ, порфиритъ и темный діоритъ перемеживаются съ основными породами и прорѣзываются жилками кварцита.

Мы говорили уже, что издавна былъ славенъ Сербаль (Сер-Бааль), къ которому приходили поклоняться еще финикияне, египтяне, набатеи и другіе сабеисты. Культъ Ваалу, богу Солнца, Огню небесному, а съ нимъ и Огню земному былъ неразлученъ съ Сербалемъ; даже нынѣшніе арабы, хранящіе множество преданій о Сербалѣ, ува-

жають эту величайшую изъ Синайскихъ горъ и очень вѣроятно, что упомянутыя жертвоприношенія есть остатокъ древняго широкораспространеннаго культа Сабейзма. Вопросъ объ отношеніи Сербалѣ къ Синаю и отождествленіи его съ Богошественною горою Библии (что такъ старается доказать Эберсъ въ своемъ *Durch Gosen zum Sinai*), тѣсно связанный съ вопросомъ о библейскомъ Рафидимѣ, такъ запутанъ, что дай Богъ терпѣнія тому, кто разберется въ немъ.

Нашъ спускъ съ Сербалѣ былъ гораздо легче подъема, и мы пользовались притомъ болѣе короткою и удобною дорогою, такъ что часамъ къ шести вечера мы были уже у своего становища, совершивъ труднѣйшую изъ всѣхъ экскурсій. У нашего лагеря, если такъ можно поэтично выразиться, насъ уже ждало нѣсколько паціентовъ. До сумерекъ мы провозились съ ними. Послѣ сытнаго ужина и огромнаго количества выпитаго чаю, я собрался на покой. Еще одну ночь мы проводили въ Феранѣ у подножья царя Синайскихъ горъ. Эти дни у насъ было много провіанту, и мы питались хорошо, какъ бы набирая силы на слѣдующіе трудные переходы. Хорошо спалось мнѣ въ эту ночь въ пальмовой рощѣ Ферана; послѣ труднаго восхожденія на Сербаль я заснулъ богатырскимъ сномъ, не смущаясь отвратительными стопами совы, нарушавшей покой чудной ночи. Какъ вырѣзные, тонко-узорчатые легкіе абрисы, рисовались верхушки пальмъ на голубомъ небѣ; легкій ночной вѣтерокъ колебалъ ихъ перистые вѣнцы, и они, какъ призраки, покачивались надъ нашими головами; тихое журчанье ручейка въ пальмовой рощѣ казалось настоящею мелодіею. Тихо спали развалины въ густой зелени Ферана; летучія мыши и какія-то ночныя птицы, вѣроятно, козодои, рѣяли надъ ними.

Когда мы проснулись на утро, вокруг насъ распѣвали соловьи и пѣночки, а горный жаворонокъ заливался гдѣ-то въ серебристой синевѣ неба. Мы покидали уади Феранъ съ ея пальмами, ручейками, зеленью, надписями, пещерами, развалинами и массою доисторическихъ памятниковъ; мы прощались и съ своими новыми знакомыми, о которыхъ я и теперь вспоминаю съ удовольствіемъ. Цѣлая группа ихъ собралась провожать насъ въ путь; добрые люди напутствовали насъ всякими добрыми пожеланіями. Думаль-ли я, ранѣе, что и въ пустынѣ буду имѣть друзей! Когда мы тронулись, многіе долго шли за нами и разошлись только тогда, когда мы вышли изъ пальмоваго лѣса Ферана. Около двухъ часовъ мы пробирались пальмами. Нѣтъ ничего красивѣе этого лѣса, запертаго въ стѣнахъ сѣроватаго гнейса и красноватаго порфира. Стройныя кисти пальмъ, изящный изгибъ ихъ стволовъ, кудрявая зелень тамарисковъ, акацій и колоквинтовъ придавали неотразимую оригинальную прелесть этому лѣсу. Въ одномъ мѣстѣ мы видѣли вдали цѣлое стадо газелей, промелькнувшихъ въ кустахъ, и двухъ или трехъ египетскихъ зайцевъ. Хотѣлось бы вѣчно идти этою чудною долиною, этимъ лѣсомъ, кипящимъ жизнью; но еще нѣсколько верстъ,—и мы снова въ мертвой пустынѣ.

Сперва порѣдѣли только пальмовыя роши, порѣдѣли тамариски и акаціи, чернѣе и диче показались скалы, запирающія уади; потомъ начала пропадать зелень совсѣмъ; бока уади стали обрывистѣе, зелень уже не отѣняла ихъ своею свѣжестью, а еще нѣсколько далѣе—и мы очутились въ безжизненномъ ложѣ горнаго потока, утопая въ пескѣ, среди настоящаго хаоса бесплодныхъ горъ. Дорога быстро съживалась и довольно замѣтно поднималась; черезъ полтора часа мы были въ дикомъ

горномъ ущельѣ съ настоящими воротами. Проходъ этотъ называется ел-Бубейбъ — тѣснина. Мы, дѣйствительно, очутились въ узкомъ, едва имѣющемъ нѣсколько десятковъ футъ ширины и около ста длины, корридорѣ, мрачныя, словно обоженные, стѣны котораго подымались почти отвѣсно. На сердцѣ сдѣлалось болѣзненно грустно послѣ райскаго уголка Ферана. Даже верблюды шли какъ-то неохотно. Глазъ не хотѣлъ любоваться величьемъ надвигающихся скалъ. Не особенно свѣтло было отчего-то на душѣ у меня; неожиданная встрѣча добавила еще безотчетной грусти.

По выходѣ изъ ел-Бубейбъ, мы увидали трехъ верблюдовъ, пробиравшихся, подобно нашимъ, очень неохотно по дикому ущелью; ихъ возыатые шли сзади, а на горбахъ сидѣли такія знакомыя родныя фізіономіи, что у меня невольно вырвалось отъ души — русское здравствуйте — я не ошибся, сердце уже издало признало земляковъ. То были двѣ русскія богомолки, возвращавшіяся съ Синая; ихъ сопровождалъ старый отставной солдатъ съ деревянною ногою. Словно старые друзья, мы встрѣтились въ горной дебри Синая. Я слѣзъ съ верблюда, мои земляки тоже. На радостяхъ я велѣлъ Юзѣ готовить чай, не смотря на то, что было не время намъ отдыхать. Черезъ четверть часа мы уже сидѣли всѣ вмѣстѣ вокругъ костра, зажженнаго изъ сучьевъ тарфы, которые мы всегда возили съ собою въ запасъ на всякій случай для разводки огня въ безлѣсной мѣстности. За чаемъ быстро спознались русскіе. Одна старушонка была изъ Чердыни, другая изъ Калужской губерніи, старый солдатъ изъ Псковской. Какъ встрѣтились вмѣстѣ эти три личности; какъ они задумали этотъ путь черезъ Каменистую Аравію, — я не спрашивалъ, но мнѣ было ясно, что одна глубокая вѣра

соединена ихъ гдѣ нибудь на пароходѣ, или въ Александрійской патріархіи, или въ Каирѣ, и они пошли, не задумываясь, для ради Бога туда, куда ихъ влекло наболѣвшее сердце. Эти костлявыя хилыя старушонки и изувѣченный солдатъ изъ дальнихъ окраинъ Россіи съ такою же спокойною душою и безтрепетнымъ сердцемъ пробирались черезъ Аравійскія пустыни, „семь морей“ и горныя дебри, черезъ Туретчину къ святому Ерусалиму и Синаю, какъ черезъ родные лѣса и поля матушки Россіи. Невольно мнѣ приходило въ голову, что крѣпка сила русская,—когда захочетъ развернуться, не остановятъ ея никакія препоны; чего не сдѣлаетъ русскій человѣкъ, только бы была охота и желанье. Что забьетъ онъ въ голову, того десятью клиньями изъ нея не вышибешь!...

Нерѣдко и на пароходѣ и впоследствии въ Святой землѣ, смотря на этихъ трудниковъ, идущихъ съ нѣсколькими десятками рублей въ чужія, безвѣстныя для нихъ земли, въ нехристіанскія страны, приходилось сознаваться, что жива еще сила русская, крѣпокъ духъ нашего простаго люда, не согнется онъ, какъ былинка, въ часъ скорби или лишенія. И вездѣ, гдѣ я ни встрѣчалъ нашихъ паломниковъ—вездѣ они тѣ же простые русскіе трудники, плоть отъ плоти русской, кровь отъ крови матушки Руси. Та же вѣра въ Бога и въ свою собственную силу, то же презрѣніе къ лишеніямъ и своей собственной плоти, та же Евангельская простота отличаетъ ихъ отъ паломниковъ другихъ націй. Въ Суецѣ я встрѣтилъ паломниковъ, разыскивавшихъ „нашего исправника“, какъ они называли консула; въ Каирѣ я видѣлъ ихъ, пробирающихся самыми ужасными закоулками и ищущихъ христіанской церкви или часовни; у береговъ Мертваго моря, спавшихъ въ полусубкахъ; подъ дубомъ Мамврійскимъ, закусывающихъ черными

сухарями, которые они привезли изъ Россіи; въ Самаріи, старавшихся втолковать что то арабамъ и удивлявшихся, что эти послѣдніе не понимаютъ, когда имъ говорятъ „чистымъ русскимъ языкомъ“. Вездѣ и всегда они простыя дѣти матушки святой Руси или, вѣрнѣе сказать, ея нехитрые умоумъ, но сильные духомъ и вѣрою сыны.

Съ часикъ мы провели въ бесѣдѣ съ паломниками. Какъ великую святыню, показывали они Синайскіе хлѣбцы и маленькія стеклянки съ манною, данныя имъ въ благословеніе настоятелемъ Синайской горы; бережно хранили они также цвѣтныя камешки и песокъ изъ различныхъ прославленныхъ мѣстъ въ окрестностяхъ обители. Недолго мы видѣлись, но съ горечью на сердцѣ я прощался съ земляками; какъ-то еще грустнѣе стало на душѣ, когда верблюды, съ возсѣдающими на нихъ въ черныхъ шаляхъ и бѣлыхъ простыняхъ старушонками завернули за уголь каменной стѣны. Они идутъ на родину, промелькнуло у меня въ головѣ, а передо мною еще пустыня и пустыня...

Скоро затѣмъ мы очутились въ довольно широкомъ песчаномъ ложѣ уади Солафъ, по которому и шли еще около двухъ часовъ. Усыпанное массою камней, ложе ея только кое-гдѣ поросло отдѣльными кустами тамарисковъ; эти жиденькіе кусты, казалось, не украшали вовсе пустыни, а только еще болѣе увеличивали ея непривѣтливость. Мои проводники говорили мнѣ, что лѣтъ двадцать тому назадъ вся уади Солафъ, какъ и нѣкоторыя другія уади, подверглась ужасному наводненію отъ проливнаго дождя. Цѣлый потокъ воды образовался тогда въ уади; отъ ската ручейковъ изъ окрестныхъ скалъ онъ достигъ такой ужасающей силы, что не только смялъ цѣлые лѣса тамарисковъ и погубилъ

многія семьи кочующихъ бедуиновъ со всѣми ихъ стадами, но даже усѣялъ всю ложбину огромными каменьями. При взглядѣ на эти колоссальныя поврежденія, мнѣ стало понятнымъ, почему нѣкоторыя уади представляютъ такой хаотическій беспорядокъ каменныхъ глыбъ, набросанныхъ одна на другую, какъ-бы умышленно, почему во многихъ мѣстахъ, гдѣ должны были быть мегалитическія сооруженія, этихъ послѣднихъ нѣтъ теперь и слѣда.

Часа полтора мы шли по руслу недавняго губительнаго потока, пока не достигли снова цѣлаго ряда навамисъ въ видѣ домиковъ. Они были еще порядочно сохранены, хотя сила воды попробовала немного и эти многовѣковыя сооруженія. Я ухитрился влѣзть внутрь одного изъ нихъ черезъ вышеописанное отверстіе, что было не особенно легко. Въ этомъ навамисѣ я нашелъ остатки кострища, уголья, пепель, жженыя человѣческія кости, что показывало, что трупосоженіе практиковалось и у обитателей Каменистой Аравіи. Обожженные камни внутри навамисъ говорили даже о томъ, что это соженіе иногда производилось въ самыхъ каменныхъ гробницахъ. Въ другомъ навамисѣ я нашелъ много небольшихъ камней, образовавшихъ нѣчто въ родѣ кучи.

Осмотрѣвши эти любопытные остатки каменнаго вѣка, мы пошли далѣе. Дорога наша взяла круто къ югу по уади ел-Адхавэ, гдѣ снова путь суживался, и верблюды едва пробирались черезъ горныя тропы, усѣянные массою нанесенныхъ потоками камней. Мы опять замѣтно поднимались. Переваль черезъ дикое тѣсное ущелье Нукъ ел-Адхавэ на высотѣ 1,000 ф. былъ очень не легокъ для нашихъ верблюдовъ, уже измученныхъ долгимъ горнымъ переходомъ. Съ высоты прохода видъ былъ поразительный; направо отъ насъ поднимался Сербаль, а

налѣво огромныя вершины Синая; вокругъ было цѣлое море скалъ и возвышенностей. Новая группа навамись предстала передъ нашими глазами; нѣкоторые изъ нихъ были разбросаны одиночно на склонахъ горъ, запирающихъ уади. Около часу мы осматривали эти памятники отдаленной древности; въ одномъ изъ нихъ мы нашли цѣлую нижнюю челюсть человѣка, повидимому, юноши (безъ зубовъ мудрости), безъ слѣдовъ сожженія. По дорогѣ мы встрѣтили также два каменныхъ круга, изъ которыхъ у одного было посрединѣ нѣчто въ родѣ небольшого сложенія изъ камней. Переваливъ черезъ Нукбъ ел-Адхавэ, мы были уже въ уади Гибранъ. По ней на нѣсколько часовъ пошелъ нашъ путь довольно прямо къ югу. Много изворотовъ дѣлаеть уади; она не представляетъ уже видовъ живописныхъ для того, кто видѣлъ дикую прелесть Буддра, Шеллаль и др. Скоро начала показываться зелень и кусты тамариска привѣтливо манили вдаль, гдѣ виднѣлись цѣлыя заросли. Въ окружающихъ скалахъ бойко верещали куропатки; намъ удалось на пролетѣ убить пару этихъ неособенно жирныхъ, но вкусныхъ птицъ. Мѣстами ясно показывались слѣды той дороги, которую хотѣлъ провести Аббасъ-Паша на Торъ черезъ Гибранъ, но умеръ, не докончивъ своего полезнаго предпріятія. Его доброе начало все таки имѣло благія послѣдствія, потому что путь во многихъ мѣстахъ хорошо расчищенъ, большіе валуны сброшены съ дороги, а мѣстами, кажется, путь довольно порядочно и выровненъ. Во всякомъ случаѣ верблюдъ идетъ хорошо. Постепенно расширяясь, идетъ уади; начиная отъ дикаго, тѣснаго ущелья, она превращается въ болѣе привѣтливую и широкую уади; разступаются шире сіенитовыя и гранитныя скалы, и причудливо извивается красивая уади, прорѣзывая вулканическія породы. Слѣды

наводненій замѣтны и здѣсь, но слѣды тѣ не свѣжіе; протори и убытки успѣли выравняться; богатая зелень покрываетъ скаты этой уади и берега журчащихъ въ ней ручейковъ. Могучія каменные формаціи: сіениты, шиферы, діориты выступаютъ своими ребрами въ просвѣтъ уади, оттѣненные свѣжею зеленью тамарисковъ, а дальше и пальмъ. Всевозможная горная трава стелется коврами на склонахъ; нѣсколько уерберы, завидѣвши насъ, стремятся спрятаться за кучи валуновъ; еще сильнѣе верещать куропатки, а въ кустахъ слышится еще больше звонкихъ птичьихъ голосовъ. Съ удовольствіемъ я проѣзжалъ по этой уади и любовался ея жизнью, массою насѣкомыхъ, прыгавшихъ и летавшихъ по травѣ, и заслушивался веселаго журчанія ея ручейковъ. Нѣсколько каменныхъ кучъ кругомъ и навамисъ задержали насъ на пути часа на два, о чемъ я и не сожалѣлъ.

Съ одного крутого поворота извилистой уади тамариски и пальмы стали еще чаще и роскошнѣе; порою промелькали на скалахъ таинственныя начертанія съ огромными буквами и знаками, среди которыхъ я замѣчалъ и арійскую свастику. Нашъ приваль въ Гибранѣ былъ въ живописнѣйшей мѣстности недалеко отъ выхода уади у небольшого кристальнаго ручейка въ лѣсу тарфъ и пальмъ. Около 2 часовъ я бродилъ по лѣсу и успѣлъ подстрѣлить еще двухъ куропатокъ, которыя послужили къ приращенію нашей скудной провизіи. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ ни времени, ни возможности собирать зоологическую и ботаническую коллекцію, а здѣсь можно было бы поживиться и ботанику, и энтомологу. Какихъ только растеній знакомыхъ и незнакомыхъ я не встрѣчалъ въ заросляхъ Гибрана; всѣ травы и цвѣты, какія до сихъ поръ находилъ на пути, имѣли

здѣсь своихъ представителей: Solaneae, Asclepiadeae, Ranunculaceae и Compositae и даже камышевыя произрастали въ значительномъ количествѣ. Бродя по лѣсу, я наткнулся на три шатра бедуиновъ; двѣ злыя собаки бросились на меня; едва я успѣлъ отбиться отъ нихъ, какъ изъ одного шатра вышла красивая женщина съ большими черными глазами и еврейскими чертами лица. Самый костюмъ ея не походилъ на одѣяніе арабки. Она одѣта была въ турецкіе шаровары, рубаху и накидку. Нѣсколько колець и связка бусъ украшали ея шею и руки. Увидавъ меня, она вскрикнула и бросилась назадъ. На призывной крикъ ея явилось двое арабовъ съ длинными ятаганами и ружьями и чрезвычайно разбойничьими фізіономіями. Я поспѣшилъ отступитъ къ своему становищу; арабы настойчиво преслѣдовали меня, пока не явился на выручку Рашидъ; онъ что-то переговорилъ съ моими преслѣдователями, и эти послѣдніе удалились. Юза утверждалъ, что эти бедуины везли на продажу ту дѣвушку, которую я видѣлъ, похитивъ ее гдѣ нибудь. Я неособенно вѣрилъ тому, хотя костюмъ ея представлялъ дѣйствительно крайнюю противоположность рванымъ рубахамъ ея защитниковъ. Позднѣе я убѣдился все-таки, что въ предположеніи Юза нѣтъ ничего удивительнаго, и что торговля, а съ нею и неразлучное похищеніе женщинъ и мальчиковъ, составляетъ еще существующій фактъ.

Мы ночевали въ этомъ прекрасномъ мѣстечкѣ, усиленно бодрствуя и карауля всю ночь по очереди. Послѣ заката солнца пришелъ изъ Тора небольшой караванъ одного французскаго туриста г. Герена (Guérin) съ женою. Г-нъ Геренъ сдѣлалъ визитъ нашему каравану; потомъ я отдалъ визитъ новому знакомому. Въ дорогѣ быстро знакомятся, и не прошло полчаса какъ мы втро-

емъ уже сидѣли около общаго костра и весело разговаривали. Арабы обоихъ каравановъ тоже сдружились быстро. Шутникъ-французъ угостилъ всѣхъ арабовъ коньякомъ и настоящая фантазія (пиршество по арабски) началась. Вокругъ костра, ярко вспыхивавшаго отъ подбрасываемыхъ свѣжихъ травъ, собрались всѣ мы; наши же арабы начали пѣть длинную жалобную пѣсню, которой мотивы становились все веселѣе и веселѣе и, наконецъ, приняли необузданный характеръ. Самая богатая фантазія едва ли могла придумать такія колѣна, какія отхватывали подъ хмѣлькомъ арабы. Порою пѣніе было дико-торжественное и величественное, порою выражало нѣжность страсти и томленіе, порою оно лилось, какъ трель соловья, но за то мѣстами было похоже на вой дикихъ звѣрей или завываніе дикарей. Далеко за полночь веселились наши арабы. Не успѣли мы отдохнуть хорошенько, какъ заревѣли наши верблюды, словно будя насъ. Я открылъ глаза, мои спутники тоже; быстро мы навьючили своихъ животныхъ, распрощались съ новыми знакомыми, еще прохлаждавшимися за завтракомъ, и двинулись далѣе черезъ пальмовыя рощи къ выходу изъ Гибрана; нѣсколько надписей попало намъ на глаза; потомъ скалы внезапно разступились, зелень осталась назади, а впереди у насъ лежала мертвая пустыня — ел-Каа на цѣлый день пути. Словно волшебствомъ мы очутились изъ лѣсу въ выжженной песчаной пустынѣ.

Направо и налево пошли горы въ сѣверу и къ юго-западу. Мы вышли изъ каменнаго моря Синая и попали въ песчаное. Крайній контрастъ представляла мрачная, огромная, безконечная стѣна разнообразныхъ по очертанію каменныхъ громадъ, съ царившими надъ ними, Сербалемъ и джебелъ Мусою и ровная однообразная пустыня. Слѣды Аббассовой дороги были видны

и на поверхности ел-Каа; огромные валуны и масса щебня украшали выходъ уади изъ горъ на песчаную равнину; они являлись какъ-бы предгоріемъ каменныхъ стѣнъ. Потомъ щебень сталъ смѣшиваться твердымъ крупнозернистымъ пескомъ съ массою кремней, а этотъ послѣдній скоро перешелъ въ тонкій, сыпучій песокъ пустыни, сильно утомлявшій нашихъ дромадеровъ. Насколько пріятно было пробираться вчера по уади Гибранъ, настолько тяжело и утомительно было переходить черезъ Каа. Она была совершенно мертва и безжизненна. Ни одной птицы, ни одного насѣкомаго, ни одной былинки не виднѣлось на ея бесплодной поверхности. Смотришь вокругъ въ песчаную даль, и дѣйствительно воображаешь себя въ морѣ на утлой ладѣ; мѣрное колыбаніе на спинѣ верблюда еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе. Неровная бугристая поверхность пустыни тоже напоминаетъ волны моря, а отдаленныя горы—его обрывистые берега; песчанныя уади, выходящія изъ каменнаго туловища Синая, кажутся рѣчками, впадающими въ это песчаное море. Море то имѣетъ и настоящія подвижныя волны, когда задуютъ сильныя прибрежныя вѣтры; это бываетъ, къ счастью, очень рѣдко. Самая поверхность пустыни не совсѣмъ ровна; ближе къ берегу она дѣйствительно представляетъ ровную песчаную гладь, а ближе къ каменной части Синая, эта послѣдняя превращается въ цѣлое море песчанниковыхъ холмовъ, которые кажутся настоящими каменными волнами.

Долго мы пробирались черезъ эти холмы, пока вышли на открытое мѣсто и увидали пальмы Тора. Много пострадали мы за нѣсколько часовъ перехода отъ страшнаго жара полуденнаго солнца. Оно палило невыносимо наши головы своими почти вертикально падающими лучами; ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, ни малѣйшей

прохлады, ни тѣни... Глаза слезились и краснѣли, даже прикрытые темными консервами, отъ цѣлаго моря бѣлесоватаго свѣта; на нихъ начали набѣгать фликтены. Лицо, шея и руки наши, давно уже принявшія темно-бронзовый цвѣтъ, теперь опухли мѣстами и болѣли; эритематозная сыпь, уже нѣсколько дней покрывавшая шею, спину и руки, зудила невыносимо. Самая одежда, сперва вымоченная потомъ, присыхала къ тѣлу; языкъ былъ сухъ, голову ломило жестоко. Казалось, самый воздухъ былъ багроваго цвѣта и накаленъ, а пустыня пылала зноемъ, какъ раскаленная печь. Выйдя на ровную поверхность, мы увидали легкіе абрисы пальмъ и горъ, которые слегка колебались; не ясны, но воздушны были эти очертанія, какъ-бы отраженіе въ водѣ; абрисы горныхъ вершинъ были подернуты розоватою дымкою съ золотистою каймою, а абрисы ихъ основаній тонули въ прозрачной глубинѣ раскаленного воздуха. Черезъ нѣсколько минутъ все это пропадало; и вмѣсто нихъ являлись синеватая полоски какъ-бы серебрящейся воды. Немного нужно было труда, чтобы разобрать, что то было явленіемъ миража, еще невиданнаго нами въ пустынѣ. Видъ его немного оживилъ насъ, и мы съ любопытствомъ разсматривали эту чудную фантазмагорію. Скоро она потускнѣла и расплылась, и дѣйствительность — мертвая выжженная пустыня — снова передъ глазами.

Но недалеко уже пальмы Тора; вотъ—онъ и самъ виднѣется на берегу въ видѣ кучи бѣлесоватыхъ камней, жмущихся другъ къ другу. На горизонтѣ виднѣется живая голубовато-серебристая полоса воды, замыкаемая въ свою очередь горами на Африканской сторонѣ залива. Направо отъ Тора подымается невысокая цѣпь прибрежныхъ холмовъ джебель Джебеліэ. По мѣрѣ приближенія къ берегу почва становится пропитанною

солончаками, начинаетъ появляться растительность, а возлѣ урочища Уммъ Саадъ есть даже небольшой ключъ прѣсной воды. Отъ него уже недалеко и до Тора, куда мы пришли совсѣмъ измученные, съ сильнѣйшею головою болью, въ полусонномъ состояніи. Только видъ моря немного оживилъ меня.

Мы проходили уже мимо роскошнаго пальмоваго лѣса, принадлежащаго Синайскому монастырю; еще нѣсколько минутъ, и мы были у воротъ его подворья. Небольшое, но уютное строеніе пріютило насъ, а добродушные монахи старались всѣмъ, чѣмъ могли только, угодить нашему измученному каравану. Только что я успѣлъ встряхнуться немного, какъ побѣждалъ купаться на песчанное взморье, покрытое массою всевозможныхъ раковинъ, остатковъ рыбы и обломками коралловъ. Не смотря на предостереженія добрыхъ монаховъ относительно акулъ, я бросился въ прохладныя струи морской воды, и черезъ четверть часа вышелъ оттуда бодрымъ и свѣжимъ; сытный обѣдъ и чай вволю вернули совершенно мои силы, и я отправился съ Ахмедомъ и еще однимъ жителемъ Тора по берегу моря по направленію къ джебелъ Накусу. Эта прогулка была особенно пріятна, потому что къ вечерней прохладѣ присоединился еще береговой бризъ.

Отъ Тора до монастыря Св. Екатерины.

Описывать Торъ нечего; онъ теперь не заслуживаетъ даже названія города, состоя изъ нѣсколькихъ десятковъ жилищъ рыбаковъ, которыхъ утлыя суденышки стоятъ въ обмелѣвшей гавани. Жители его занимаются почти исключительно рыболовствомъ, а также кое какою торговлею съ Суецомъ; они перевозятъ также путешественниковъ и провизію изъ Суеца къ Торъ и наобо-

ротъ. Въ общемъ, не смотря на это, они довольно бѣдны. Было время однако, когда Торъ въ свою гавань принималъ корабли фараоновъ и финикiянъ. Въ то время процвѣтала Каменистая Аравiя, и колонiи египтянъ и англичанъ древняго мiра—финикiянъ—покрывали ея берега, нынѣ безлюдные и пустынные. Тогда и гавань Тора или Раиоы, запертая коралловыми рифами—шѣбами (окружающими весь полуостровъ), кипѣла жизнью портоваго города. Изъ него, вѣроятно, египтяне вывозили тѣ прекрасныя глыбы Синайскаго порфира, который они такъ широко употребляли на своихъ колоссальныхъ постройкахъ. Теперь кромѣ жалкихъ рыбаей, рѣдкихъ путешественниковъ и каравановъ съ провизiею для монастыря никто не пользуется гаванью обѣднѣвшаго Тора. Въ послѣднее время немного чаще стали посѣщать Раиоу русскiе паломники, отправляющiеся сюда ихъ Суеца для сокращенiя пути на Синай. Намъ посчастливилось и здѣсь встрѣтить двухъ русскихъ мужичковъ, только что возвратившихся изъ монастыря за день до нашего прихода. Странно было видѣть Вятскихъ крестьянъ гдѣ нибудь на берегу Краснаго моря въ своихъ національныхъ костюмахъ, большихъ сапогахъ, красныхъ рубахахъ, зипунахъ, фуражкахъ, съ котомками за плечами и съ синайскими вѣтвями въ рукахъ. Эти паломники выѣхали изъ монастыря въ одно время со старушонками, не рѣшившимися отправиться моремъ изъ Тора. Когда мы съ Ахмедомъ вышли прогуливаться, они только что садились на небольшую арабскую лодку, нагруженную чѣмъ то до верху, и отправлялись въ Суецъ. Широкимъ крестнымъ знаменiемъ осѣнили себя русскiе паломники и беззавѣтно ввѣрились бурному Красному морю на утлой ладѣ. Съ вѣрой въ Бога и въ самихъ себя, съ молитвой на устахъ и крест-

нымъ знаменіемъ эти люди пройдутъ не только моря и пустыни, но сквозь огонь и воду, если на то будетъ нужда!..

Эту ночь мы провели не подъ кровомъ неба, а въ довольно чистенькой и уютной комнаткѣ Синайскаго подворья, на чистой постели, съ относительно чистымъ бѣльемъ. Долго передъ тѣмъ я блуждалъ въ великолѣпномъ пальмовомъ лѣсу. (гдѣ кромѣ финиковыхъ и думьпальмъ произрастаетъ много и другой зелени), а также гулялъ по берегу моря, собирая его разноцвѣтныя раковины. Заливъ не колыхался; водная поверхность его, гладкая, какъ растопленное стекло, только по временамъ слегка рябилась. На противоположномъ, Африканскомъ берегу гордо подымался джебелъ ел-Акра; направо виднѣлось небольшое возвышеніе джебелъ Джебеліэ, а сзади сплошною массою стояли уже, пройденныя на половину, громады Синайскихъ горъ, надъ которыми зубчатыми вершинами подымались Сербаль съ запада, а группа Синайскихъ вершинъ на юговостокѣ. При чудномъ закатѣ солнца эти вершины были облиты разноцвѣтными огнями, тогда какъ ихъ основанія уже начинали затягиваться синевагою дымкою, а по ребрамъ легли огромныя длинныя тѣни. Разноцвѣтными огнями переливалось и море, казавшееся огромнымъ котломъ растопленнаго и искрившагося металла... Не смотря на свою уединенность, Торъ мнѣ очень понравился, и я его считалъ очень благоприятнымъ въ гигіеническомъ отношеніи городомъ (такъ я даже его рекомендовалъ въ своемъ спеціальному очеркѣ какъ хорошую климатическую станцію для больныхъ грудью); позднѣе я узналъ, что Пальмеръ и Эберсъ говорятъ наоборотъ, что климатъ Тора нездоровъ для европейца, а низменныя положія мѣста, гдѣ произрастаютъ великолѣпныя пальмы, — настоящія гнѣзда

міазмовъ во время зимняго сезона. Во всякомъ случаѣ, окрестности Тора, особенно къ сѣверу, въ роскошной мѣстности у источника Абу-Сувейра, могутъ быть хорошо стоянкою для больныхъ не только грудью, но также ревматическими страданіями.

Еще до восхода солнца мы выступили изъ Тора въ экскурсію къ горѣ Накусу. Путь нашъ шелъ по морскому берегу черезъ неровныя, пересѣченныя известковыя и песчанниковыя возвышенности. Берега были покрыты множествомъ коралловыхъ рифовъ, высовывающихся изъ воды, и были очень пустынные. Мы шли очень медленно, вдыхая свѣжесть моря и собирая раковины и остатки иглокожихъ. Я не могу передать словами того восхитительнаго разнообразія, которое представляютъ раковины Чермнаго моря. На бѣловато-желтомъ прибрежномъ пескѣ ихъ валяются цѣлыя тысячи; нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ еще внутри себя животныхъ; самыя створки блещутъ всѣми нѣжныими цвѣтами радуги. Самые разнообразные нѣжные тоны и яркія краски сочетаются на ихъ фарфоровыхъ блестящихъ и матовыхъ поверхностяхъ, представляющихъ по формѣ еще болѣе изумительное разнообразіе и причудливость очертаній: завитки, спирали, блюдечки, створки, шарообразныя, кораблики, совершенно даже плоскія, реберчатыя, отросчатыя, пятнистыя, ужовки и др., то огромныя, какъ человѣческія головы, то почти микроскопическія—они безконечны въ своемъ разнообразіи... У насъ уже была цѣлая корзина этихъ чудныхъ произведеній природы, и мы постоянно дополняли ее новыми и болѣе красивыми экземплярами, едва выходили на морской берегъ. Кромѣ раковинъ насъ занимали еще стаи морскихъ птицъ, рѣзвившіяся на берегу; нѣкоторыя длинноногія, въ родѣ акатокъ и куликовъ, бѣгали по песку

и поживлялись моллюсками, другія ловили рыбу, третьи— то кружились въ воздухѣ, то перелетали съ мѣста на мѣсто.

Послѣ пятичасоваго похода на верблюдахъ мы достигли знаменитой звучащей горы — Накуса, которой самое имя накусъ или нагусъ обозначаетъ деревянное било или клепало—инструментъ, прежде употреблявшійся и въ Россіи, а теперь извѣстный во многихъ христіанскихъ церквахъ Востока, гдѣ запрещено употребленіе колоколовъ. Эта гора лежитъ не совсѣмъ на берегу, но на полчаса ѣзды отъ взморья, и состоитъ изъ вывѣтрывающагося бѣлаго песчанника съ примѣсью известняка и возвышается почти на 500 футовъ въ вышину. Поднимаясь со стороны берега красивымъ амфитеатромъ, она гораздо болѣе крута къ сторонѣ пустыни. Вывѣтрившійся мѣстами, песчанникъ придаетъ горѣ неправильную, изборозжденную расщелинами и желобами, поверхность. Этихъ неровностей и расщелинъ всего болѣе на западной, къ морю обращенной сторонѣ скалы. Въ эти желобки и набился смѣшанный сыпучій, тонкій песокъ, который мощною силошною массою засыпалъ не только рытвинки горы, но легъ и у ея основанія, образовавъ, такимъ образомъ, огромную кучу, какъ-бы дополняющую гору и составляющую ея скать приблизительно подъ угломъ въ 45 градусовъ, а въ высоту поднимающуюся до 400 ф. Въ самой горѣ, какъ мы уже сказали, есть еще масса расщелинъ, неровностей и нѣсколько вертеповъ; у основанія ея лежатъ также и разбросанные камни; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ солиднаго размѣра.

Описанная куча песку состоитъ изъ такого тонкаго, сыпучаго и подвижнаго песку, что малѣйшее прикосновеніе къ вершинѣ ея приводитъ верхніе слои песку въ

движеніе. Всякій изъ насъ видѣлъ, какъ обсыпается иногда большая конусообразная куча песку; едва что-нибудь прикоснулось къ ея поверхности или къ вершинѣ, какъ верхніе, высшіе слои песку начинаютъ скатываться внизъ; своимъ треніемъ они сдвигаютъ неподвижныя частицы песку, и такъ далѣе, и происходитъ значительный скатъ верхнихъ слоевъ песчаной кучи. Прислушиваясь внимательно при этомъ паденіи, можно услышать и шорохъ сыплющагося песка. Если верхніе слои кучи будутъ смочены дождемъ, то песокъ скатываться не будетъ. Приложите все это въ громаднхъ размѣрахъ къ Накусу,—и тогда главная разгадка тайны звучащей горы будетъ открыта. Звуки Накуса ничто иное, какъ тонъ обсыпающагося песка. Пойдетъ ли человекъ по поверхности его песчаной кучи, сядетъ ли птица, или даже морской вѣтеръ съ извѣстною силою будетъ ударять въ поверхность сыпучаго песку, этотъ послѣдній будетъ приходить въ движеніе и звучать. Когда начинаютъ колебаться верхніе слои самой высшей части кучи, то это колебаніе дастъ только слабый тонъ, похожій на звукъ ненапрянутой струны; чѣмъ большая часть песку приходитъ въ движеніе, тѣмъ тонъ его становится ниже на цѣлыя октавы; когда же, вслѣдствіе инерціи, движущійся съ высшихъ точекъ, песокъ приводитъ въ движеніе и колебаніе пропорціонально большія количества массы по мѣрѣ приближенія къ основанію, тогда тонъ переходитъ въ шумъ или ревъ, или даже звукъ, похожій на раскаты отдаленнаго грома. Различныя пустоты и расщелины, которыми богата гора, а также ея разрыхленная масса и самыя составныя части даютъ всѣ акустическія условія, способствующія для консонирования и усиленія звука. Большія пустоты, находящіяся въ центральной части горы и обыкновенно сна-

ружи засыпанныя пескомъ, служатъ какъ-бы резонаторами, а малыя, консонируясь съ тономъ, происходящимъ отъ скатыванія песка, придаютъ ему металлическій отънокъ и особенную звучность.

Когда мы подходили къ Накусу, дулъ довольно свѣжій юго-западный вѣтерокъ, и гора звучала какъ-то периодически; около трехъ часовъ мы прибыли у подножія ея, и она въ это время издавала всевозможные звуки, начиная отъ легкаго дуновенія, или высокаго тона въ родѣ Эоловой арфы, или сирены Каньяръ-Латура и кончая чрезвычайно сильными раскатистыми звуками, сходными, если не съ раскатами грома, то, во всякомъ случаѣ, съ довольно сильными потрясающими ударами. Свѣжій вѣтеръ, разумѣется, произвелъ первое колебаніе песка передъ нашимъ приходомъ, но за то другіе звуки производили Ахмедъ и Ханна, бѣгавшіе по песку. Я стоялъ у основанія и слушалъ, какъ звукъ, начинаясь на-верху легкимъ металлическимъ созвучіемъ, постепенно усиливался, приближаясь къ основанію, которое, наконецъ, само какъ бы потряслось и зазвучало.

Не будучи хорошо знакомъ до своего путешествія съ сочиненіемъ Пальмера, подробно изучившаго и разъяснившаго это физическое явленіе звучанія, я недоумѣвалъ относительно нѣкоторыхъ подробностей этого феномена. Теперь же мнѣ стало гораздо понятнѣе многое, когда, благодаря Пальмеру, я знаю, что все это сложное акустическое явленіе обусловливается, кромѣ тренія песку, еще степенью жара и другими внѣшними моментами, отчасти метеорологическими. Пальмеръ говоритъ, напримеръ, что при 62° песокъ, приведенный въ движеніе, даетъ слабый тонъ, при 103° — громкій и ужасающій; смоченный онъ не даетъ никакого звука. Я понимаю теперь, почему въ полдень, когда мы пришли къ На-

кусу, онъ звучаль сильнѣе, а къ вечеру очень слабо; почему въ разныхъ мѣстахъ кучи происходятъ неодинаковыя явленія, — это зависитъ прямо отъ тонкости или крупнозернистости песка, и отчего по временамъ Накусъ молчитъ совершенно въ продолженіе нѣсколькихъ дней, — какъ говорятъ арабы, — потому что куча песка не достигла такой высоты, чтобы возможно было тоническое обсыпаніе, т. е. находится подъ угломъ покоя.

Не смотря на всѣ эти, повидимому, удовлетворительныя объясненія, я не считаю объясненій Пальмера, Вельстеда, Шуберта и др. вполне достаточными для разъясненія звучанія Накуса вполне. Недостаточность эта приходитъ въ голову потому, что и на другихъ прибрежныхъ скалахъ могутъ соединяться всѣ вышеприведенные моменты, обуславливающіе звучаніе, но звучанія не происходитъ. На побережьяхъ Краснаго моря я видалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ кучи сыпучаго песка, прислоненныя къ камнямъ; во всѣхъ странахъ міра есть прибрежныя скалы и холмы съ цѣлыми кучами нанесеннаго тонкаго сыпучаго, легко нагрѣвающагося песка, но все-таки Накусъ есть единственная, насколько мнѣ извѣстно, звучащая гора въ мірѣ. Условія звучанія, повидимому, такъ просты и такъ легко могутъ быть вездѣ воспроизводимы, что остается только удивляться, почему Накусовъ нѣтъ въ каждой странѣ, гдѣ есть море, прибрежныя скалы и пески.

Мнѣ кажется, поэтому, что звучаніе Накуса зависитъ также во многомъ, если только не обуславливается самими составными частями горы. Ея разрыхленная, пористая, вывѣтрившаяся масса — хорошій проводникъ звуковыхъ волнъ, быть можетъ, обуславливаемыхъ только колебаніемъ обсыпачающагося песку. Кромѣ того, внутри горы, по моему мнѣнію, есть и другія условія, способ-

ствующія накопленію, консонируемости, усилению и метализаціи звука. Эти моменты я вижу въ трещинахъ и пустотахъ Накуса; я предполагаю, что многія значительныя пустоты скрыты во внутренности горы и отчасти засыпаны, тогда какъ другія сообщаются посредствомъ трещинъ съ открытымъ воздухомъ. Изъ суммы всѣхъ этихъ разнородныхъ моментовъ и слагаются условія, благодаря которымъ Накусъ—единственная звучащая гора въ мірѣ. Я не могъ изучить специально этого интереснаго акустическаго феномена, а потому не буду пускаться въ дальнѣйшія разсужденія.

Цѣлый циклъ арабскихъ преданій связывается съ Накусомъ; большинство изъ нихъ имѣетъ религіозную подкладку. Таково, напр., сказаніе о томъ, что гора звучитъ только по пятницамъ и воскресеніямъ — пятница магометанъ все равно, что воскресеніе христіанъ — и вотъ Накусъ празднуетъ оба эти святые дня. Другое преданіе говоритъ, что звуки его ничто иное, какъ отголоски колоколовъ Синая, Іерусалима и провалившихся сквозь землю древнихъ монастырей. На Синаѣ есть преданіе, что въ древности было такъ много монастырей въ Каменистой Аравіи, что звонъ колоколовъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ, передаваясь постепенно черезъ колокола промежуточныхъ обитателей, доходилъ до Синая.

Недалеко отъ подножія Накуса мы видѣли два монолита, полузасыпанные пескомъ, о которыхъ намъ арабы, рассказывали, что ихъ бросили сюда древніе великаны, борясь между собою. Тѣмъ не менѣе, на самыхъ нижнихъ частяхъ этихъ камней, по словамъ туземцевъ, находятся начертанія, подобныя Синайскимъ; сами мы ихъ не видали. Въ одномъ изъ холмовъ, недалеко отъ звучащей горы, мы нашли также въ естественной пещерѣ массу костей быка, лошади, козла, верблюда и нѣкото-

рыхъ небольшихъ животныхъ, которыхъ мы не сумѣли опредѣлить. Кости эти были раздроблены для добыванія мозга, какъ и въ кухонныхъ остаткахъ Ферана, вполне аналогичныхъ съ находками у Накуса. Эти кости, какъ и монолиты, находятся въ большой опасности; развитіе мыльныхъ фабрикъ начинаетъ требовать массу костей; ихъ начинаютъ уже вывозить и изъ пещеръ Синайскаго полуострова, какъ намъ рассказывалъ нашъ дипломатическій агентъ въ Каирѣ, И. М. Лексъ. Монолиты, по недостатку камня, попадутъ въ городъ на постройки.

Рядъ холмовъ идетъ по берегу отъ Накуса до самаго джебелъ Хаммама—горы горячихъ ключей, находящейся подъ Торомъ; въ этихъ источникахъ, по преданію, купался, создавшій ихъ, пророкъ Моисей. И изъ Накуса, подобно банямъ Фараона, бьютъ настоящіе ключи теплой воды изъ расщелины широкою струею, въ нѣчто въ родѣ бассейна, откуда она проведена къ самому Тору и орошаетъ, между прочимъ, пальмовый садъ монастыря. Аббасъ-паша думалъ устроить здѣсь настоящій курортъ и началъ свои работы; благодаря его доброму началію, устроены кое-какія удобства для желающихъ воспользоваться цѣлебною водою джебелъ Хаммама и купаться въ ней. Вода источника содержитъ, кромѣ хлористыхъ, натровыхъ и магнезіальныхъ соединеній, еще сѣру и желѣзо и настолько тепла, что не уступаетъ водѣ теплыхъ ключей западно-европейскихъ курортовъ. Водой этою окрестные арабы исцѣляются отъ различныхъ болѣзней.

Кромѣ того, въ окрестностяхъ Тора находятся развалины еще недавно здѣсь бывшаго укрѣпленія, а также небольшой оазисъ въ горахъ на сѣверѣ съ прѣснымъ источникомъ Абу-Сувейра. Множество вертеповъ или пещерокъ вырыто въ известковыхъ склонахъ Хаммама;

они по большей части принадлежать ко временамъ позднѣйшимъ и къ первымъ вѣкамъ нашей эры, когда тысячи отшельниковъ обитали въ Синайской пустынѣ; нѣкоторые между вертепами довольно древни, какъ показываютъ описанные остатки. Я посѣтилъ нѣсколько изъ этихъ пещерокъ и убѣдился, что типъ ихъ нисколько не отличается отъ пещеръ, вырытыхъ отшельниками въ другихъ странахъ Востока, особенно Палестины; въ нѣкоторыхъ еще видны слѣды человѣческаго пребыванія: кости, угли, копоть. Въ двухъ или трехъ пещеркахъ мнѣ удалось видѣть на стѣнахъ надписи на греческомъ и армянскомъ языкахъ, по большей части религіознаго содержанія, въ видѣ молитвенныхъ изрѣченій. Въ другихъ встрѣчаются, особенно если немного покопаться, кусочки дерева и стекла, а также нѣсколько раковинъ.

У прохладнаго чистаго источника Абу-Сувейра, находящагося среди зелени и пальмъ, мы отдохнули немного. Онъ орошаетъ собою небольшой оазисъ, одинъ изъ лучшихъ на полуостровѣ, гдѣ произрастаетъ вся флора Каменистой Аравіи. Тутъ находится постоянно нѣсколько семей арабовъ и шатры кочующихъ бедуиновъ. Лучше этого чуднаго мѣстечка нѣтъ на всемъ побережьи полуострова. Въ этомъ оазисѣ, при нѣкоторыхъ затратахъ, можно было бы устроить отличную лечебницу для грудныхъ, ревматическихъ, сифилитическихъ и сыпныхъ больныхъ, по красотѣ природы, обилію зелени и близости горячихъ ключей.

Возвратившись въ Торъ подъ вечеръ, мы рѣшились въ ту же ночь перейти пустыню ел-Каа, чтобы не страдать такъ отъ зноя, какъ вчера, что было тѣмъ болѣе удобно, что мы чувствовали себя очень хорошо послѣ многократныхъ купаній, имѣли свѣжую воду, провизию, и спутникомъ небольшой караванъ съ хлѣбомъ,

педшій въ монастырь. Около заката солнца мы вышли снова въ пустыню, оставивъ за собою пальмовый лѣсокъ Тора. Золотомъ и серебромъ переливало море, разноцвѣтными сіяніями блистала пустыня на лучахъ заходящаго солнца, а тамъ, на верхушкахъ Синая, розовая дымка уже обхватывала еще золоченные зубцы, гордо врѣзавшіеся въ синеву неба, а основаніями утопавшіе въ переливахъ свѣта и тѣней. Мы шли не совсѣмъ по старой дорогѣ; монастырскій караванъ выбралъ дорогу покороче, прямо ко входу въ уади Гибранъ.

Какъ и въ другихъ мѣстахъ пустыни, кое-гдѣ бѣлѣвшіяся кости верблюдовъ живо говорили о томъ, какъ этотъ переходъ, легкій теперь для насъ, бываетъ опасенъ по временамъ. Чуть задуетъ самумъ, въ пустынѣ ел-Каа ужъ едва ли спасется караванъ. Намъ предупреждали въ Раиѣѣ монахи, чтобы мы старались около полудня не быть въ пустыняхъ, потому что въ это время нерѣдко налетаетъ самумъ. Завьется, закружитъ тогда песокъ, багровою пылью тогда наполнится воздухъ, сквозь нее проглянетъ красный ликъ солнца, пустыня станетъ знойною печью, адомъ, и нѣтъ спасенья тогда ни человѣку, ни верблюду. Сотни скелетовъ тѣхъ и другихъ, бѣлѣющіеся въ пескахъ, служатъ не только дорожными вѣхами, но и постоянными *memeto* мого путнику.

Настала ночь—тихая, чудная, спокойная; безмолвною была пустыня.. Длинною вереницею шагали верблюды нашего каравана одинъ за другимъ; въ полумракѣ какъ-то особенно гигантскими казались животныя съ грузомъ на ихъ спинахъ и сѣдоками. Сонно покачивались мы на ихъ горбахъ; шлепанье мозолистыхъ ногъ верблюдовъ одно нарушало сѣнь пустыни. Яркія, не мерцающія звѣзды только однѣ освѣщали нашъ путь,

но и ихъ слабое сіяніе было достаточно, чтобы видѣть дорогу. Пустыня немного свѣтилась какъ бы фосфорическимъ свѣтомъ... А впереди все ближе и ближе становились мрачныя громады горъ, которыя какъ бы двигались къ намъ и шли на встрѣчу. Ровнымъ, медленнымъ, но постояннымъ шагомъ подвигались и мы, чуть не въ полномъ безмолвіи; я слышалъ даже дыханіе своихъ спутниковъ и бѣненіе своего собственнаго сердца, такъ тихо и спокойно было все вокругъ насъ. Эта тишина не подавляетъ васъ, но чувствуется такъ легко и свободно; умъ погружается въ абсолютное бездѣйствіе, ни одна мысль не промелькнетъ въ головѣ, ни одно яркое, полное образовъ представленіе... То состояніе сходно съ погруженіемъ въ буддійскую нирвану. Только временами какъ-бы просыпаешься духомъ; возникаетъ рой волшебныхъ грезъ о далекой родинѣ, передъ умственными очами возникаетъ иной міръ, но это продолжается только доли минуты, а затѣмъ опять все утопаетъ въ нирванѣ. Послѣ полуночи выглянулъ убывающій серпъ луны изъ-за джебель Сербалья и своимъ фосфорическимъ свѣтомъ облилъ всю пустыню. Она засвѣтилась и какъ бы ожила немного; переливы свѣта и тѣней и голубоватое испареніе моря на западѣ, слегка пронизанное луннымъ сіяньемъ, и дымка, окутывающая вершины Синая,—все это оживило мертвенно блѣдное чело пустыни. Скоро надвинулись совсѣмъ близко каменныя громады; въ одномъ мѣстѣ онѣ разорвались, выглянули діоритовыя скалы и облитыя сіяньемъ показались пальмы Гибрана; за ними уже журчалъ ея привѣтливый ручеекъ... Насъ уже окружали отовсюду каменныя громады; мы опять въ сердцѣ Каменистой Аравіи...

Остатокъ ночи мы провели у ручейка Гибрана. На слѣдующій день мы шли вдоль этой уади по старой до-

рогъ черезъ Нукбъ ел-Адхавэ до навамисъ у подножія Уммъ Таша, гдѣ мы вошли въ уади Солафъ перекрещивающуюся съ уади Адхавэ. Эта извилистая, на подобіе змѣи извивающаяся, уади и идущая самыми ужасными горными дебрями Синайскаго горнаго узла, есть самая кратчайшая дорога отъ Сербаля до Синая и ведетъ къ монастырю черезъ знаменитый Проходъ вѣтровъ—Нукбъ Хеви, весьма трудно проходимый. Кто желаетъ воспользоваться болѣе удобною, но за то болѣе кружною дорогою, тотъ можетъ отъ Сербаля идти дугою по уади ешъ-Шейхъ, гдѣ онъ встрѣтитъ настоящіе лѣса манныхъ деревьевъ, свѣжую воду и надписи. Я не знаю совсѣмъ этого пути, а потому и не буду о немъ распространяться.

Ободренные успѣхомъ ночнаго перехода, мы сдѣлали хорошій приваль подъ тѣнью скалъ у навамисъ Уммъ Таша, гдѣ и заснули до поздняго вечера. Когда зашло солнце, мы напились чайку и отправились въ путь по уади Солафъ. Не смотря на то, что мои Ахмедъ и Юза хорошо знали путь по этой уади, они долго не рѣшались идти ночью, пока убѣжденія мои и вожатыхъ другого каравана не разубѣдили ихъ. Я всегда любилъ ночные походы, а въ пустынѣ ночи для меня были лучшимъ временемъ. Я уже описывалъ часть уади Солафъ до впаденія въ нее уади Адхавэ; остальная ея часть, на сколько то позволялъ намъ разсмотрѣть ночной сумракъ, такая же; тѣ же дикія скалы изъ порфира и діорита, запирающія уади, тѣ же огромные валуны, заваливающіе песчаное ложе ея, на которомъ кое-гдѣ высились одиночныя тарфы и пучки полувысохшей травы—жалкіе остатки прежнихъ лѣсовъ, уничтоженныхъ недавнимъ наводненіемъ. Разумѣется, надписей я не могъ разобрать въ томъ мракѣ, если бы онѣ и были на горахъ, но какъ увѣрили проводники ихъ не встрѣчается

вовсе въ Солафѣ. Нѣкоторыя мѣста этой уади окружены ореоломъ сказаній. Такова напр., легенда, связанная съ уади Талибъ. Проѣзжалъ тутъ нѣкогда пророкъ Магометъ на пути въ Мекку; черноокая красавица сопровождала его. Легъ спать пророкъ, а любимица его, вмѣсто того, чтобы навѣвать сонъ на вѣжды Божьяго посланника и приласкать его, убѣжала въ горы. Пророкъ проклялъ ее, а горные духи тотчасъ же задушили ее. Духъ этой погибшей иногда является путникамъ въ видѣ блѣднолицей дѣвы въ туманѣ и сопровождаетъ долго правовѣрныхъ, умоляя ихъ умиловить пророка. Такъ какъ, вѣроятно, этотъ призракъ не показывается гяурамъ, то мы и не видали его, хотя очень возможно, что ночныя испаренія въ видѣ столба, появляющіяся надъ скрытыми въ горахъ источниками, могли подать поводъ къ этимъ баснямъ.

Дорога идетъ все время какъ бы по ложбинѣ огромнаго потока, усѣяннаго камнями, сильно затруднявшими нашихъ верблюдовъ; если бы привычныя къ ночнымъ переходамъ животныя нашихъ спутниковъ не шли впереди каравана, едва-ли бы наши дромадеры пробрались по дикой уади, не переломавъ себѣ ноги. Хорошо было идти вчера ночью по пустынѣ; еще лучше казалось наше ночное шествіе по извилинамъ горной долины. Мы шли мѣстами словно въ темномъ коридорѣ или улицѣ; черныя стѣны замыкали насъ со всѣхъ сторонъ, — какъ бы душили въ своихъ каменныхъ объятіяхъ. Направо и налѣво возвышались остроконечныя вершины отдѣльныхъ горъ, высочайшихъ точекъ плоскогорій, замыкавшихъ Солафъ. Съ юга джебель Тарбушъ и джебель Хауэ, а съ сѣвера джебель Римэ и джебель Орфъ подымались огромными черными громадами, врѣзывавшимися въ голубое небо. Только небольшая полоса неба оставалась видимою для

нась, и я вглядывался въ нее болѣе, чѣмъ въ погруженныя въ мертвый сонъ каменные массы. По временамъ, въ горныхъ дебряхъ раздавались глухіе стоны совы, которые эхо разносило далеко по горамъ. При каждомъ окрикѣ ночной птицы вздрагивали мои проводники; имъ казалось, что темный худъ-худъ кличетъ въ горахъ, и стонъ тотъ исходитъ изъ груди правовѣрнаго, заключеннаго въ оболочку таинственной птицы. Въ одномъ мѣстѣ я и верблюды мой вздрогнули, когда какая то быстрая масса пролетѣла передъ нашими глазами. То была, вѣроятно, летучая мышь, привлеченная было бѣлою покрывкою, развѣвающеюся на моей головѣ. Въ другомъ мѣстѣ я чуть не упалъ; верблюды мой, споткнувшись объ огромный валунъ, уже подогнулъ колѣна и покачнулся своимъ могучимъ тѣломъ, но быстро оправился; во время этихъ его движеній, я, почти засыпавшій, чуть не перекувырнулся и не перелетѣлъ черезъ голову животнаго. Послѣ этого казуса я старался быть, по возможности, внѣ нирваны и усиленно вдыхалъ прохладный воздухъ ночи. Серебристый серпъ луны показался надъ нашими головами только подъ утро, и его лучи заиграли кое-гдѣ на вершинахъ окружающихъ насъ громадъ, но не могли освѣтить мрака, наполнявшаго между скалами вьющуюся уади.

Уже побѣжали красноватая и розовая полосы по небу, и его темноглубой цвѣтъ началъ становиться лазоревымъ, и первые лучи солнца заиграли на зубчатыхъ вершинахъ джебель Хауэ, какъ мы вышли изъ уади Солафъ въ уади Шарбетъ. Тутъ мы свернули немного къ сѣверу отъ дороги, и около неизвѣстныхъ развалинъ, среди тамарисковъ и пальмъ, нашли ручеекъ. На берегу его мы расположили свое становище, напились чайку, разостлали плащи и крѣпко заснули.

*

Отсюда дорога скоро вошла опять въ дикое ущелье, въ огромныя гранитныя скалы, запершія проходъ, и своею тѣнью не допускавшія проходить даже солнечнымъ лучамъ. Снова передъ нашими глазами лежалъ одинъ изъ тѣхъ, поразительныхъ по своей дикости и подавляющихъ своимъ величіемъ, горныхъ проходовъ, которыми такъ богатъ Синайскій полуостровъ. Сдвинулись близко темныя гранитныя скалы и нависли надъ нашими головами. Кругомъ все потемнѣло; огромныя тѣни ложились вокругъ отъ надвинувшихся громадъ, которыя, какъ мрачныя привидѣнья, представляли самую разнообразную форму. Вывѣтрившійся гранитъ образовывалъ главную изъ этихъ причудливыхъ по формѣ каменныхъ массъ; естественное разрушеніе и вывѣтриваніе придавало имъ видъ, сдѣланныхъ рукою человѣка; въ видѣ замковъ, утесовъ, развалинъ представлялись эти фантастическія скалы, а ихъ основанія, оббитыя дождями и потоками, казались циклопическими лѣстницами, стѣнами и другими колоссальными сооруженіями титаническихъ рукъ. Словно умышленно нагроможденныя одна на другую, эти скалы представляли такой подавляющій хаосъ, въ какомъ нѣтъ и намека на симметрію; все такъ поразительно сочетано, что глазъ, даже привыкшій къ горнымъ видамъ, поражается необыкновенною грандіозностью представляющей картины. Мы могли сравнить Проходъ вѣтровъ лишь съ ущельемъ ел-Буддра. Тѣ же дикія огромныя скалы, въ видѣ стѣнъ замыкающія проходъ, тотъ же мрачный колоритъ, тѣ же огромныя камни, въ хаотическомъ безпорядкѣ разбросанные по пути. Даже для профана въ геологіи ясно, что здѣсь работала могучая геологическая сила, подрывшая самыя скалы и разметавшая ихъ вдоль горнаго ущелья; только исполинскій потокъ могъ прорвать эти гранитныя хребты и остатки

великановъ разбросать по своему ложу, какъ трофеи ужасной, но побѣдной борьбы камня, вѣтровъ и воды.

Среди нагроможденныхъ скалъ и массы скатившихся съ горныхъ вершинъ камней можно найти и одиноко-стоящіе камни, которые, однако, едва ли могли быть поставлены вертикально безъ помощи человѣка. Рассматривая со вниманіемъ нѣкоторые изъ нихъ, я нашла на одномъ изъ этихъ камней знакъ, похожій на общеарійскую свастику, что и вывело меня изъ сомнѣнія. Этотъ камень, также какъ и нѣкоторые другіе, какъ въ Проходѣ вѣтровъ, такъ и въ уади Солафъ, мнѣ напомнили по своей формѣ менгиры—простѣйшія сооруженія каменнаго вѣка.

Кое какъ пробирались верблюды наши, обходя каждый камень, лежащій на дорогѣ, слѣдуя всѣмъ изгибамъ змѣящагося пути; мѣстами они останавливались отъ усталости и снова, переведя духъ, пробирались по этому лабиринту скалъ. Когда мы достигли высоты 1,500 метровъ—наивысшаго пункта прохода, на что употребили болѣе двухъ часовъ, тогда встали передъ нашими глазами восточныя верхушки джебелъ еп-Цебиръ; на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ виднѣлась желтая Рамлійская пустыня, замкнутая зубчатою линіею ет-Тихскаго хребта, а тамъ за нимъ настоящее песчаное море; небольшие песчаные и известковые холмы его золотились и отливали нестерпимымъ блескомъ, а чудная перспектива убѣгала далеко въ пустыню. Уже верблюды наши едва ступали по песчаному ложу, усыпанному массою камней, когда начался замѣтный спускъ.

Еще полчаса утомительнаго пути, и во всемъ своемъ величїи передъ нашими глазами сталъ грозный обликъ четырехъ величайшихъ горъ Синайскаго горнаго узла. Мрачныя, огромныя, дикія, онѣ царили надъ хао-

сомъ горъ, запирающимъ доступъ къ святилищу, но ихъ видъ не производилъ подавляющаго впечатлѣнія, а напротивъ того, на эти громады смотрѣлось легко и свободно... Набожный Юза говорилъ, что четыре Синайскихъ горы огромнымъ крестомъ вырисовываются въ голубой синевѣ неба, какъ-бы знаменуя самую свою форму великую святость сего мѣста. Сколько было правды въ этомъ сравненіи, не знаю, но въ тѣ минуты, весь проникнутый Библейскими воспоминаніями, я находилъ сходство. Солнце какъ-то неравномѣрно освѣщало склоны джебелъ ец-Цебира, Мусы, ел-Фурейя и расъ Сафсафэ, — и эта неравномѣрность свѣта и тѣней обманывала глазъ своею оптическою иллюзіею.

При выходѣ изъ Прохода вѣтровъ мы встрѣтили небольшой ручеекъ кристальной воды и около него немного зелени. Тутъ мы остановились на роздыхъ; верблюды жадно пили прохладную воду, а мы, развалившись на своихъ бурнусахъ, разминали свои затекшіе члены. Черезъ полчаса мы уже выходили изъ Нукбъ Хеви, который, мало по малу расширяясь, превратился въ небольшую неравномѣрную уади; здѣсь уже появилось нѣсколько былинковъ и кустарниковъ между камнями; потомъ количество ихъ стало все болѣе и болѣе увеличиваться; животныя наши съ жадностью посматривали на зелень, но мы торопили ихъ скорѣе къ подножіямъ Хорива. Скоро мы пришли въ небольшую равнину, запертую отовсюду огромными горами — великанами Синайскаго горнаго узла. Та равнина называется ер-Раха; въ ней, предполагають, было мѣсто стоянки израильтянъ у подошвы Синая, послѣ того какъ они пришли сюда кружною дорогою черезъ уади еш-Шейхъ. При спускѣ въ ер-Раха постепенно открывается величественная панорама отдѣльныхъ горныхъ массъ съ вью-

шимися около нихъ уади. Тѣ и другія были расположены въ чудной перспективѣ въ различныхъ проэціяхъ на подобіе уступовъ огромнаго амфитеатра. Джебель Муса, джебель Катерина, джебель Фурейя, джебель ет-Туръ и др. великаны будто столпились вокругъ ер-Рахійскаго плато, соединяющагося съ уади еш-Шейхъ у подножья расъ ес-Сафсафэ, выступающаго подобно мысу въ песчаную уади.

Я не буду распинаться много за то, что была ли уади ер-Раха мѣстомъ лагеря евреевъ или нѣтъ, но мнѣ кажется въ томъ нечего и сомнѣваться, если только расъ ес-Сафсафэ, а не Сербаль есть библейскій Синай. Несомнѣнно, что народъ Божій пришелъ къ подножіямъ Синая и Хорива черезъ уади еш-Шейхъ, потому что она достаточно широка и удобна, тогда какъ нашъ путь черезъ Солафъ и Нукбъ Хеви былъ бы невозможенъ для цѣлаго народа, шедшаго съ женами, дѣтьми и скотомъ. Разъ будетъ доказано, что Феранъ есть библейскій Рафидимъ, всѣ остальные вопросы относительно дальнѣйшаго пребыванія евреевъ въ окрестностяхъ Синая будутъ рѣшены сами собою. Чѣмъ больше всматриваешься въ эти горы и уади, тѣмъ болѣе работаетъ мысль и воображеніе: какъ живыя, встаютъ передъ глазами Библейскія воспоминанія. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ того, что представляется изумленному взору, эти величественныя горы, знаменитыя уже много сотъ лѣтъ тому назадъ, этотъ пока еще скрытый отъ глазъ тысячелѣтній монастырь, стоящій, какъ огромный памятникъ надъ мѣстомъ, прославленномъ со временъ ветхозавѣтныхъ, эта пустынная равнина, гдѣ, по преданію, стоялъ лагеремъ народъ Божій—все это переноситъ васъ въ далекое, съ младенческихъ годовъ извѣстное прошлое. Нѣсколько арабскихъ шатровъ, расположенныхъ у подножія Хорива,

еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе и дополняютъ воображеніе. Намъ казалось, что мы видимъ шатры древнихъ евреевъ въ ихъ патріархальной простотѣ. Дѣти пустыни, впрочемъ, недалеко во всѣхъ отношеніяхъ ушли отъ быта временъ патріарховъ. Ихъ жизнь не измѣняется въ тысячелѣтія. Какъ живутъ бедуины въ пустынѣ, такъ жили и израильтяне во время своихъ сорокалѣтнихъ блужданій. Со всѣми свойствами народа неустановившагося, еще только начинающаго жить, рисуетъ Библия народъ Божій, представляющій смѣсь пороковъ и добродѣтелей.

Когда мы очутились въ уади ер-Раха, она намъ показала огромною залю, замкнутою въ гранитныхъ стѣнахъ, возвышавшихся на тысячу футовъ и болѣе и украшенныхъ огромными мрачными зубцами. Колоссальный расъ ес-Сафсафэ, по всей вѣроятности, Библейскій Синай, съ котораго во время оно грохотали громаы Божьяго слова, своею могучею мрачною громадою предсталъ передъ нашими взорами, утопая въ морѣ свѣта, золотящаго его обнаженные темные склоны и острокопечныя вершины. Невольно сердце дрогнетъ при этомъ видѣ, и свѣтлою чередою возстанутъ въ памяти тѣ, навѣянная еще лепечущему ребенку благочестивою матерью событія, которыя связаны съ Богошественнымъ Синаемъ. Тутъ внизу, гдѣ сходятся колоссальные джебелъ Фрейа и расъ ес-Сафсафэ, въ котловинѣ ер-Раха стоялъ объятый ужасомъ народъ избранный съ женами, дѣтьми и животными, когда на вершинѣ дикой мрачной горы гремѣли громаы и блистала молнія, когда говорилъ Превѣчный съ Избраннымъ изъ народа избраннаго. Но тихо было теперь и въ ер-Рахійской долинѣ, и на вершинѣ великой горы; только наши верблюды своимъ безобразнымъ ревомъ, исторгшимся изъ ихъ многострадальной груди, нарушали святую, приличную мѣсту ти-

шину. А затѣмъ было все мертво... Съ полчаса простояли мы у подножья Богослественной горы, полные торжественнаго настроенія, витая въ области воспоминаній... Потомъ двинулись снова впередъ.

Животныя тяжелою стопою по крупнозернистому песку вошли изъ уади ер-Раха въ уади еш-Шейхъ, а отсюда повернули въ долину монастырей — уади ед-Дейръ, обогнувъ каменистый уголь, образуемый мысомъ горы Сафсафэ. Уже не замѣчаются мельчайшія подробности пути, когда начинаешь достигать цѣли; забывается и прежній путь, и минувшія страданія; одно желаніе — скорѣе дойти, овладѣваетъ и духомъ, и тѣломъ. Съ нетерпѣніемъ, поэтому, уже не стараясь всматриваться во все, насъ окружающее, мы торопили нашихъ измученныхъ животныхъ, чтобы скорѣе добраться до знаменитаго монастыря.

Не легкою каменистою тропою пришлось намъ пробираться еще съ полчаса къ обители, прячущейся въ глубокой узкой уади, подъ защитою двухъ каменныхъ громадъ, на склонѣ горы монастырей. Пройдя древнія развалины и покинутые бараки солдатъ Аббаса-Паши, мы были уже недалеко отъ монастыря. На одномъ изъ поворотовъ узкой уади внезапно появляется древняя обитель. Сердце у меня дрогнуло отъ радости, я невольно задержалъ своего дромадера, и нѣсколько минутъ не спускалъ глазъ со стѣнъ древнѣйшаго христіанскаго монастыря. Стоя на наклонѣ, онъ, какъ бы лѣпясь, поднимается вверхъ по склону, какъ гнѣздо орла. Непривѣтливо, какъ крѣпость, выглядятъ его четырехугольныя, съ маленькими башенками, высокія стѣны, заключающія въ себѣ цѣлый лабиринтъ зданій, не выступающихъ изъ за монастырской ограды; еще непривѣтнѣе смотреть обнаженный склонъ мрачной горы монастырей; но яркая зелень роскошнаго сада, приле-

гающаго къ обители, и его стройные кипарисы и тополи, гордо подымающіе свои вершины, — выкупаютъ неприятность перваго впечатлѣнія и радуютъ взоръ, утомленнаго пустынею путника; яркая зелень смягчаетъ суровость монастырскихъ стѣнъ и манитъ къ себѣ издали и верблюда, и его сѣдока. Даже не вѣрится глазамъ, чтобы среди такой выжженной дикой пустыни, среди этого моря камней красовались такіе роскошные кипарисы, тополи, блестящіе миндали, темныя оливы, фиги, груши, яблони и гранаты и множество другихъ растеній. Монастырь, такимъ образомъ, съ одной стороны прилегаетъ къ зеленѣющему, полному жизни саду, другою выходитъ на склонъ мрачной джебель ед-Дейръ, а третьею обращенъ къ каменистой непривѣтной уади.

Тихъ и спокоенъ былъ монастырь, когда нашъ маленькій караванъ остановился у подножія его стѣнъ; съ виду, казалось, онъ вымеръ совершенно, потому что ни звука, ни движенія не замѣчалось за его каменной оградой, охватывавшею каменнымъ кольцомъ и зданія, и церкви, и садъ. Что творилось между этими высокими стѣнами, отдѣляющими внутреннюю жизнь этого уголка отъ всего міра, нельзя было угадать... Чужалось только одно, что за стѣнами этими заключена въ крѣпкія оковы человѣческая душа, что за ними не можетъ таиться возвышенный умъ. Среди дикой пустыни, вдали отъ всего міра, за высокими стѣнами и подъ черною рясою подавляется человѣческое я; оно умираетъ и для плоти, и для духа, хотя кажется съ виду, что въ послѣднемъ оно возвышается на цѣлую ступень выше. Распинаніе плоти часто распинаетъ и умъ; онъ останавливается въ своемъ развитіи и пребываетъ вѣками въ тѣсной указанной рамкѣ, подъ желѣзной ферулой годами освященныхъ традицій и законовъ, писанныхъ людьми не отъ

міра сего. Въ предѣлахъ этой рамки горсть людей остается въ своей внутренней жизни одинаковою въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ и тысячелѣтій; мѣняются люди, но не мѣняется ихъ духовная жизнь, потому что они, приходя сюда, уже не живутъ своею собственною мыслью, а проникаются духомъ аскетизма, отлившагося въ особую форму уже восемнадцать столѣтій тому назадъ. Событія міра идутъ своей чередою, цивилизуется человѣчество, средній уровень его умственныхъ способностей становится выше, а тамъ за горы Синая не проникаютъ новыя вѣнія; умъ человѣческой, какъ окаменѣлый, стоитъ полный традиціями среднихъ вѣковъ; тамъ заключена въ крѣпкой рамкѣ частица того духа, которымъ жила тысячу лѣтъ тому назадъ Византія...

Такія мысли и чувствованія роились въ моей головѣ, когда я подѣзжалъ къ воротамъ знаменитой обители. Верблюды наши сами остановились и безъ всякаго приказанія согнули колѣна. Я поспѣшилъ слѣзть. Третья часть моего пути по пустынѣ была сдѣлана; остается еще два труднѣйшихъ впереди... Не успѣлъ еще я поразмять своихъ конечностей, какъ въ окнѣ стѣны на высотѣ десяти аршинъ показался черный монахъ, привѣтствовалъ меня по гречески и спросилъ рекомендательныхъ писемъ.

Безъ писемъ и бумагъ до сихъ поръ еще никто не впускается въ монастырь. Это правило создали особенныя условія, въ какихъ издавна находилась Синайская обитель. Толпы дикихъ бедуиновъ, пока не были усмирены желѣзною рукою египетскихъ хедивовъ, частенько осаждали монастырь и разграбляли его богатый садъ. Монахи, поэтому, постоянно жили въ страхѣ нападенія. Во избѣжаніе вторженія въ самую обитель, они заложили ворота въ стѣнѣ, и сообщеніе съ монастыремъ про-

изводилось только при помощи корзины, подымавшейся и опускавшейся на канатъ. Порядокъ впуска прежде былъ слѣдующій. Всякій, пришедшій, сперва долженъ былъ въ опущенную съ трехсаженной высоты окна корзину, положить рекомендательныя письма или отъ консуловъ, или отъ Александрійской и Иерусалимской патріархіи, или отъ настоятеля Джуваніи въ Каирѣ. Поднятыя письма разбирались, и затѣмъ снова опускалась корзина для пріема путешественника. Выпускъ изъ монастыря производился также посредствомъ корзины. Безъ рекомендательныхъ писемъ не впускался ни одинъ путникъ, хотя бы умолялъ Христовымъ именемъ. Нашъ извѣстный паломникъ Василій Барскій описываетъ свои слезныя моленія у подножья стѣнъ Синайской обители.

Теперь порядки стали иные. Хотя безъ письма и нынѣ попасть трудно въ монастырь, но, говорятъ, бывають исключенія. Посѣтителей нынѣ не заставляютъ совершать воздушнаго путешествія, а впускають черезъ небольшую калиточку, продѣланную въ сѣверной сторонѣ стѣны, недалеко отъ прежнихъ большихъ заложенныхъ монастырскихъ воротъ, послѣ того какъ прочтутся предъявленные документы.

Писемъ отъ Александрійскаго патріарха и русскаго генеральнаго консула въ Египтѣ Лекса было слишкомъ достаточно для архіепископа Синайской горы Каллистрата, чтобы мнѣ была приготовлена самая радушная встрѣча. Черезъ четверть часа послѣ того, какъ мы остановились у подножья стѣнъ монастыря, я уже, сопровождаемый монахомъ, переступалъ порогъ низкихъ воротъ, скорѣе отверстія, сдѣланнаго въ стѣнѣ.

Едва я очутился внѣ стѣнъ монастыря, какъ я былъ уже въ иномъ мірѣ: переходъ былъ такъ внезапенъ, что глаза отказывались вѣрить, и я невольно отступилъ на-

задъ. Рядъ черныхъ монаховъ, съ глубокими черными очами и сѣдыми бородами, встрѣтилъ меня. Тихо они привстали съ своихъ мѣсть и произнесли привѣтствія, низко кланаясь. Я отвѣчалъ тѣмъ же и пожелалъ мира ихъ души. Я не понималъ, была ли то преднамѣренная или случайная встрѣча, но это, все-таки, произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я почти машинально шелъ за своимъ проводникомъ. Настоящій лабиринтъ зданій, дворовъ, лѣстницъ, спусковъ, терасъ представляетъ внутренность Синайской обители. Мертва и пустынна она была и въ срединѣ, какъ и извнѣ. Кромѣ того ряда монаховъ я не встрѣтилъ больше ни одной человѣческой души. Словно по вымершему пустому зданію пробирался я; масса отдѣльныхъ зданій казалась мнѣ погребальными склепами или гробницами, въ которыхъ замуровывались живые люди. Даже мѣстами встрѣчающіяся растенія не оживляли мертвенности обители. Не ориентируясь, не стараясь даже вникать и разсматривать, я шелъ за своимъ вожатымъ. Привелъ онъ меня въ какую то келію, которая мнѣ показалась настоящимъ гробомъ; тамъ благообразный монахъ благословилъ меня и ласково просилъ погостить въ обители. Позднѣе я узналъ, что то былъ настоятель. Машинально я принялъ благословеніе, машинально пошелъ далѣе за водившимъ монахомъ, и наконецъ очутился въ довольно чистенькой комнаткѣ съ кроватью, столомъ и турецкимъ диваномъ. Небольшое окошечко пропускало очень немного свѣта въ эту келейку; очень непривѣтливою показалась она мнѣ. Сердце какъ-то защемило; страшный приступъ скуки напалъ на меня, и я въ первый разъ во время своего путешествія возрощалъ...

А между тѣмъ я былъ на Синаѣ, о которомъ зналъ еще съ дѣтства, къ которому стремился послѣдніе дни,

какъ бы къ нѣкой завѣтной цѣли черезъ, дебри горъ и пустыни, и въ представленіи о которомъ я связывалъ самыя отрадныя свѣтлыя мечты... Съ щемящей болью и тоскою на сердцѣ, съ грустными думами на умѣ, и съ мыслью о родинѣ, и какими то недобрыми предчувствіями я засыпалъ въ первую ночь на Синаѣ... А между тѣмъ даже ближайшее будущее было не такъ безотраднo...

Указатель собственных именъ.

- Аббасъ-папа, 158, 161, 173, 185.
 Абиссинія, 12, 23.
 Абузиръ, см. пирамиды.
 Абу-Рохъ, см. пирамиды.
 Абу-Сувейра, 53, 108, 167, 173, 174.
 Абу-Ценимъ, см. Расъ.
 Абу-Ценимъ могила, 86, 87.
 Абу-Шебибъ, 132, 133.
 Абу-Шеку, 17.
 Аджелъ, см. Уади.
 Адхавъ, см. Нукбъ.
 Адхавъ, см. Уади.
 Авія, 34, 46.
 Аидъ, 94.
 Айнь Муса (колодцы, источники Моисеевы), 26, 35, 37, 38, 39, 40, 42, 44, 58, 62, 71, 108, 133.
 Айнь Хавара, 55, 56.
 Акаба, 52, 133.
 Акабинскія альпы, 3, 52, 95.
 Акабинскій заливъ, 52, 151.
 Асасія tortillans, 61.
 Акра, см. Джебель.
 Алейатъ, см. Уади.
 Алейкаты, 56, 65, 76, 108.
 Александрія, 3, 4, 5, 6, 7, 18.
 Александрійская патріархія, 155, 188.
 Александръ Великій, 4.
 Алусъ, 138.
 Альборджъ, 137.
 Амазисъ, 7.
 Амалекитяне, 138.
 Амара, см. Уади.
 Амарна, см. Тель.
 Аменемха III, 107, 113.
 Амонъ, 17.
 Амру, 8, 11, 36.
 Амфитрита, 87.
 Антоніади, 5.
 Анубисъ, 19.
 Аписъ, 16.
 Араби-папа, 4, 22, 23.
 Аравія, 110, 117, 129.
 Аравія Каменистая, 1, 2, 21, 27, 28, 29, 33, 34, 49, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 69, 85, 87, 93, 105, 107, 110, 116, 117, 122, 127, 128, 131, 132, 135, 136, 137, 142, 144, 146, 154, 157, 172, 174, 176.
 Аравійская пустыня, 1, 25, 27, 45, 46, 155.
 Аришъ, см. Уади.
 Арійцы, 116.
 Арсиное см. Харандра.
 Артемида, 20.
 Artemisia, 91.
 Aspis Cleopatrae см. Scythale rugamidium.
 Ассуанъ, 24.
 Astragalus, 61.
 Атака, см. Джебель.
 Атэ, см. Уади.
 Атрибусъ, 8.
 Африка, 5, 42, 46, 163.
 Arhides, 62.
 Ахмедъ, 27, 28, 33, 50, 52, 54, 65, 66, 70, 73, 76, 80, 84, 85, 94, 97, 100, 101, 110, 111, 112, 113, 120, 124, 145, 147, 151, 164, 165, 170, 177.
 Achillea, 81.
 Аѳонъ, 4.
 Баба, см. Джебель.
 Бага, см. Уади.
 Балеарскіе острова, 69.
 Банатъ, см. Джебель.

- Бастъ, 20.
 Бегигъ, 18.
 Бедекеръ, 31.
 Бенха, 8.
 Бенъ-Гассанъ, 18.
 Беръ, 117.
 Бегъ-Джибринъ, 6.
 Библия, 35, 60, 138, 152, 184.
 Борхиты, 11.
 Бругшъ, 35, 36, 40, 61, 99.
 Бубастисъ, 20, 37.
 Бубейбъ, см. Ел.
 Буддра, см. Нукбъ.
 Буддра уади, см. Уади.
 Булакъ, 11.
 Булакскій музей, 11, 12.
 Бурхгардтъ, 56.
 Буссаранъ (bussaran), 87.
 Вааль, 147, 151.
 Вавилонъ, 35, 37.
 Варданъ, см. Уади.
 Варданъ, см. Джебель.
 Великобританія, 68, 149.
 Вельстедъ, 171.
 Венера, 106.
 Византія, 187.
 Востокъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9,
 25, 72, 78, 142, 144, 168, 174.
 Вута, см. Джебель.
 Вута, см. Уади.
 Гаторъ, 106, 112.
 Гарандель, см. Карандель.
 Гвинейскій червь 71, 72, 180.
 Геджасъ, 25.
 Гезиръ, 12, 13.
 Геліополисъ, 12, 35.
 Гемель, 38.
 Генеффъ, 36.
 Гегалиумъ, 61.
 Геренъ, 160.
 Германія, 60, 68.
 Геродотъ, 14, 16, 18, 24.
 Гибранъ, см. Уади.
 Гизъ, см. пирамиды.
 Гизръ, см. Ел.
 Гиксы, 12, 17, 23.
 Гистасисъ, см. Дарій.
 Гіерополисъ, 37.
 Гіерополитанскій заливъ, 36.
 Гомеръ, 16, 106.
 Гомръ, см. Уади.
 Гондаръ, 23.
 Горъ, 8.
 Горъ-Супти, 106.
 Греція, 16.
 Гумръ, см. Уади.
 Даміетта, 17.
 Дарій 36.
 Дахуръ, см. Пирамиды.
 Деиръ, см. Уади.
 Деиръ ел-Муса, 63.
 Дельта, 17, 22, 24, 35, 59.
 Delphinium, 61.
 Дербъ-Фарунъ, 51.
 Джебель, см. Джебель.
 Джебель Атака, 37, 43.
 Джебель ел-Акра, 166.
 Джебель Баба, 92.
 Джебель Банатъ, 74, 136.
 Джебель Варданъ, 50, 51.
 Джебель Вута (Вага), 68, 74, 82.
 Джебель Джебелъ, 163, 166.
 Джебель ел-Джебоа, 137.
 Джебель ел-Деиръ, 186.
 Джебель Карандель, 66.
 Джебель Катерина, 150, 183.
 Джебель ел-Мемла, 88, 89.
 Джебель Моккатебъ, 115.
 Джебель Муса, 136, 161, 182, 183.
 Джебель Накусъ, 164, 167, 168,
 169, 170, 171, 172, 173.
 Джебель Орфъ, 178.
 Джебель ер-Раха, 46, 50, 52, 53,
 66.
 Джебель Римъ, 178.
 Джебель Сарбутъ ел-Хадимъ, 82,
 88, 110, 111, 112, 113, 114.
 Джебель Сафсафъ, 182.
 Джебель Сербаль, 74, 108, 118,
 119, 120, 121, 122, 134, 136,
 137, 138, 146, 147, 148, 150,
 151, 152, 157, 161, 166, 176,
 177, 183.
 Джебель Тайбъ, 84.
 Джебель Тарбушъ, 178.
 Джебель Таунъ, 132, 137.
 Джебель ет-Тихъ, 28, 54, 58, 68,
 181.

- Джебель ет-Туръ, 183.
 Джебель ел-Фуреѣа, 123, 182, 183, 184.
 Джебель Хаммамъ, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 82, 173.
 Джебель Хаммамъ Фираунъ (бани Фараоновы) 77, 78, 79, 80, 123.
 Джебель Хауэ, 178, 179.
 Джебель еп-Цебиръ, 136, 181, 182.
 Джебель Умиъ-Шоумеръ, 150.
 Джебоа, см. Джебель.
 Джуванія, 8, 188.
 Diotis, 81.
 Дольмень, 50, 68, 92, 130.
 Дофна, 107, 138.
 Dragonneau, см. Гвинейскій червь.
 Евдоксъ, 12.
 Еврипидъ, 16.
 Европа, 9, 12, 41.
 Египетъ, 1, 2, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 30, 35, 37, 39, 40, 42, 49, 50, 57, 62, 63, 64, 78, 95, 96, 106, 110, 113, 131, 146, 188.
 Египетъ Верхній, 9, 23, 32, 151.
 Египетъ Нижній, 16, 23, 24, 28, 32, 35, 74.
 Екатерина Св., монастырь, 185, 186, 187, 188, 189, 190.
 Ел-Аришъ, см. Уади.
 Ел-Бубейбъ, 154.
 Ел-Гивръ, 36, 37.
 Ел-Каа, 121, 151, 161, 162, 174, 175.
 Ел-Кудсъ, 27, 30.
 Ел-Мадхава, 148.
 Ел-Манъ, 62.
 Ел-Макарадъ (Махарадъ), 113, 133.
 Ел-Марха, 84, 85, 86, 88, 89.
 Ел-Халиль, 30.
 Ер-Раха, см. Джебель.
 Ет-Тихъ, см. Джебель.
 Ет-Тихская пустыня, 1, 35, 52.
 Echium, 44, 61, 87.
 Echinops, 61, 81.
 Загазигъ, 20.
 Зафаранэ, см. Расъ.
 Зенди, 137.
 Ибрагимъ, см. Портъ.
 Игвэ, см. Уади.
 Идумея, 58, 117.
 Изамберъ, 31.
 Изида, 14, 21.
 Измаилія, 20, 37.
 Израиль, 21, 24, 35, 39, 45, 49, 57, 59, 60, 64, 138.
 Индокитай, 12.
 Индра, 116.
 Индусы, 137.
 Исходъ, 1, 35, 36, 59, 60, 113, 138.
 Иемень, 10, 41.
 Иерусалимъ, 6, 27, 30, 155, 172.
 Иерусалимская патріархія, 188.
 Иорданъ, 55.
 Иосифъ, 10.
 Каа, см. Ел.
 Кааба, 41, 134.
 Кавиглія, 15.
 Кавказъ, 94.
 Каиръ, 2, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 20, 23, 24, 26, 110, 141, 155, 173, 188.
 Каллистратъ, 188.
 Калужская губернія, 154.
 Каньяръ-Латуръ, 170.
 Сарга Sinaitica, 81.
 Карандель, см. Джебель и Уади.
 Катакомбы, 5, 6, 18, 132.
 Катакомбы Македонскія, 5.
 Катерина, см. Джебель.
 Кеми (Египетъ), 12, 13, 21, 25.
 Кенэ, см. Уади.
 Кефія, 141.
 Кеффръ ел-Цайадъ, 7.
 Киней Манеа, 99.
 Кинополисъ, 18.
 Кистъ-Лордъ, 103.
 Клизма, 20, 25.
 Кольпумъ, 20, 25.
 Compositae, 56.
 Константинополь, 1, 3, 9.
 Коста, 39.
 Красное Море, 25, 26, 36, 38, 43, 46, 88, 107, 165, 171.
 Cressa, 61.
 Кромлехъ, 148, 149.
 Кудсъ, см. Ел.
 Курейши, 110.

- Кухонные остатки (Бьеккенмю-
 дингсы) 85, 129, 173.
 Лабиринтъ, 18.
 Лабордъ, 75.
 Лагиды, 4, 5.
 Lamia, 68.
 Лапландія, 22.
 Лексъ, И. М. 173, 188.
 Лепсиусъ, 113.
Lepus aegyptiacus, 67.
 Лессепъ, 20, 25, 37.
 Ливійская цѣпь, 18, 19.
 Ливія, 9, 12.
 Ликургъ, 16.
 Линанъ, 18.
 Lucium, 81.
 Маабдъ, 19.
 Мамврійскій дубъ, 155.
 Магара, см. Уади.
 Магометь, 97, 178.
 Мадхава, см. Ел.
 Македонскія, см. Катакомбы.
 Макдональдъ, 95, 104, 114.
 Малая Азія, 4.
 Манееса, см. Киней.
 Манна, 61, 62, 63, 64, 65, 126, 156.
 Маріэттъ, 15, 16, 17.
 Марра, 36, 55, 56.
 Марха, см. Ел.
 Матаріа, 12.
 Масръ ел-Кагира, 8.
 Макарадъ, см. Ел.
 Махмудіа, 5.
 Мафкатъ, 105, 106.
 Мегметъ-Али, 5, 9, 10.
 Мегалитическія сооруженія, 130,
 131, 133, 148, 149, 157.
 Медина, 41, 109, 134,
 Мединетъ ел-Фаумъ, 18.
 Мединскій волосатикъ, см. Гви-
 нейскій червь.
 Мейдумъ, 18.
 Мейдумскія, см. Пирамиды.
 Мейямуъ, см. Рамзесь.
 Мекка, 9, 41, 109, 110, 134, 178.
 Мемла, см. Джебель.
 Мемфисъ, 8, 16, 17, 64.
 Менгиры, 112, 120, 173, 181.
 Мензалехъ, 17, 36.
 Менгу, 106.
 Мераци, см. Уади.
 Меридово озеро, 18.
 Мерра (Марра), 55, 56.
 Мертвое море, 1, 55, 155.
 Меру, 137.
 Мигдоль, 40.
 Моавія, 35, 58, 60.
 Моисей, 35, 39, 45, 55, 56, 59,
 64, 136, 173.
 Моисеевы колодцы, источники, см.
 Айнь.
 Моккатебъ, см. Джебель и Уади.
 Моккатемъ, 9, 10.
 Монолиты, 8.
 Москва, 8.
 Московія, 2, 3.
 Муса, 54.
 Муса, см. Айнь, Джебель и Деиръ.
 Муски, 11, 23.
 Муссейнь, 95, 133.
 Набатей, 99, 151.
 Навамисъ, 68, 69, 70, 95, 105,
 130, 131, 137, 157, 158, 177.
 Назбъ, см. Уади.
 Наполеонъ I, 13.
 Нейтъ, 7, 8.
 Нехао, 36.
 Нилометръ, 11.
 Нилъ, 4, 9, 10, 11, 13, 17, 18, 19,
 22, 23, 24, 59.
 Нильская долина, 18, 88.
 Нирвана, 176, 179.
Nitrasia dentata, 56, 61, 67.
 Новгородъ, 45, 87, 127.
 Нубія, 12, 24.
 Нукбъ ел-Адхавъ, 157, 158, 177.
 Нукбъ ел-Буддра, 94, 95, 96, 97,
 111, 158, 180.
 Нукбъ Хеви, 177, 180, 181, 182, 183.
 Обелиски, 12.
 Озирисъ, 7, 14, 16, 21.
 Олимпъ, 137.
 Орфъ, см. Джебель.
 Оттоманская Имперія.
 Палестина, 1, 19, 20, 25, 29, 30,
 39, 42, 61, 174.
 Паломники русскіе, 154, 155, 156,
 165.

- Пальмеръ, 61, 103, 104, 119, 131, 145, 148, 166, 170, 171.
 Персидскій заливъ, 21.
 Петра, 38, 60, 117, 119.
 Пирамиды, 18, 21.
 Пирамиды Абузира, 17.
 Пирамиды Абу-Роха, 15.
 Пирамиды Гизэ, 8, 10, 13, 14, 15.
 Пирамиды Дахура, 15.
 Пирамиды Мейдума, 15.
 Пирамиды Саккара, 13, 15, 16.
 Пиринеи, 94.
 Платонъ, 12, 16.
 Плутонъ, 94.
 Помпей, 17.
 Помпеева колонна, 5.
 Портъ Ибрагимъ, 26, 34.
 Портъ Саидъ, 6, 26, 30.
 Посейдоніумъ, 5, 88.
 Пруннеръ-Бей, 42.
 Псаметихъ, 23.
 Псковская губернія, 154.
 Pterocles (пустынная курочка), 66.
 Pteroceras, 38.
 Птоломей, 5.
 Птоломей Филадельфъ, 36.
 Ра, 12.
 Раива, 165, 175.
 Ракотисъ, 5.
 Рамзесъ, 8, 35.
 Рамзесъ II Мейямуъ, 17.
 Рамлійская пустыня, 151, 181.
 Расъ Абу-Ценимъ, 86, 88.
 Расъ Зафаранъ, 44.
 Расъ ес-Сафсафъ, 183, 184, 185.
 Расъ ет-Тинъ, 5.
 Раха, см. Ер.
 Рахійскій хребетъ, 36, 38, 43, 46, 52, 53, 66.
 Рафидимъ, 138, 152, 183.
 Рашидъ, 27, 28, 33, 50, 52, 54, 65, 66, 70, 73, 76, 80, 84, 85, 94, 145, 146, 147, 160.
 Рейанъ, см. Уади.
 Реккабъ, см. Хаджаръ.
 Римъ, см. Джебель.
 Робинзонъ, 52, 61, 110.
 Рода, 11, 13.
 Rosa Hierohuntica, 87.
 Россія, 27, 29, 68, 155, 156, 168.
 Русь, 155, 156.
 Саадъ, см. Уммъ.
 Сабезимъ, Сабесты, 137, 151, 152.
 Савалиха 27, 40, 56, 65, 108, 141.
 Са-ел-Хаджаръ, 7.
 Саидъ, см. Портъ.
 Саидъ, см. Уладъ.
 Саисъ, 7, 8.
 Саккара, 13, 15.
 Saxicola, 93.
 Салихъ-Шейхъ, 72.
 Salsola, 61, 87,
 Самарія 156.
 Самумъ, 175.
 Санъ, 17, 35.
 Санъ-Стефано, 3.
 Сарбутъ ел-Джебель, 74.
 Сарбутъ ел-Хадимъ, см. Джебель.
 Сафсафъ, см. Расъ.
 Сахара, 13.
 Свастика, 116, 181.
 Святая Земля, 4, 155.
 Сезострисъ, 36.
 Серапеумъ, 16.
 Сераписъ, 16.
 Сербаль, см. Джебель.
 Сербонійское озеро, 35.
 Сибирь Восточная 99.
 Сидра, см. Уади.
 Silene, 61.
 Siluris electrica, 24.
 Силфа, 50.
 Синай, 4, 6, 25, 35, 36, 37, 45, 48, 54, 58, 59, 60, 75, 88, 90, 96, 98, 110, 118, 119, 136, 137, 138, 152, 154, 155, 158, 161, 162, 172, 174, 175, 176, 177, 183, 184, 187, 189, 190.
 Синайскія горы, 38, 43, 122, 128, 134, 136, 150, 152, 156, 166, 182, 188.
 Синайскій горный узелъ, 59, 82, 177, 181, 182.
 Синайскій монастырь, 8, 62, 164.
 Синайскія надписи, 98, 99, 106, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 137, 149, 172, 177.

- Синайское подворье въ Каирѣ, см. Джуванія.
 Синайское подворье въ Торѣ, 166.
 Синайскій полуостровъ, 2, 27, 30, 35, 42, 46, 53, 54, 58, 62, 64, 66, 68, 85, 86, 103, 106, 108, 110, 116, 117, 122, 132, 141, 142, 144, 173, 180.
 Синайская пустыня, 31, 40, 58, 64, 70, 140, 174.
 Синь пустыня, 84, 107.
 Сирія, 117.
 Сіуть, 18, 19, 20.
Scarabeus religiosus, 24, 68.
 Скандинавія, 22, 68, 94, 149.
Scythale pygamidium, 24, 54.
 Скутари, 3.
 Снефру, 107.
 Солафъ (Солейфъ), см. Уади.
 Солонь, 16.
 Средиземное море, 35, 43, 88.
 Сувейра см. Абу.
 Суданъ, 9, 10, 24.
 Судръ, см. Тасеть.
 Суккотъ, 40.
 Суецкая бухта, 21, 37.
 Суецкій заливъ, 37, 43, 75, 79, 80, 136, 151.
 Суецкій перешеекъ, 35, 36.
 Суепъ, 1, 20, 25, 26, 29, 30, 31, 37, 38, 39, 40, 43, 52, 62, 141, 143, 155, 164, 165.
 Суръ, 55.
 Сфинксъ, 14, 15, 16.
 Тайбэ, см. Уади.
 Тайбэ, см. Джебель.
 Талаіотти, 69.
 Талибъ, см. Уади.
 Таль, см. Уади.
Tamarix mannifera, 61.
 Тамху, 42.
 Танисъ, см. Санъ.
 Тарбушъ, см. Джебель.
 Тарфа, см. Уади.
 Тасеть-Судръ, 51, 52, 53, 57, 108.
 Таунъ, см. Джебель.
 Таша, см. Уммъ.
 Тель ел-Амарна, 19, 20.
 Тель ел-Кольцумъ, 20, 25.
 Темманъ, 82.
 Темманъ, см. Уади.
 Терабины, 2, 27, 50, 52, 108, 141.
 Тимоніумъ, 5.
 Торъ, 27, 110, 133, 151, 158, 160, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 173, 174, 175.
 Траянъ, 36.
 Трионіх, 24.
 Тумилать, 36, 37.
 Туръ, см. Джебель.
 Турецкая Имперія, см. Оттоманская.
 Тусунъ, 37.
 Тутмесь, 107, 113.
 Тухъ, 117.
 Тымсахъ, 36, 37.
 Уади Аджелэ, 137, 138.
 Уади ел-Адхавэ, 157, 177.
 Уади Алейатъ, 133, 134, 136, 137, 138, 147.
 Уади Амара, 51, 53, 54.
 Уади ел-Аришь, 52.
 Уади Атэ, 48.
 Уади Бага, 50, 51, 53.
 Уади Буддра, 98.
 Уади Варданъ, 50, 53.
 Уади Вута (Вата), 68, 70.
 Уади Гибранъ, 158, 159, 161, 162, 175, 176.
 Уади Гумръ (Гомръ), 82, 88.
 Уади ел-Деиръ, 185.
 Уади Игнаэ, 98, 103, 115.
 Уади Карандель, 56, 57, 58, 60, 61, 64, 66, 68, 75, 108.
 Уади Кенэ, 98.
 Уади Магара, 82, 88, 98, 100, 103, 104, 105, 106, 107, 110, 113, 115, 119, 138.
 Уади Мерапи, 48.
 Уади Моккатебъ, 115, 117, 118, 119, 120, 137, 138.
 Уади Назбъ, 108, 113.
 Уади ер-Раха, 182, 183, 184, 185.
 Уади Рейанэ, 46.
 Уади Сидрэ, 98, 107, 108, 115.
 Уади Солафъ (Солейфъ), 151, 156, 177, 178, 179, 183.
 Уади Судръ, 48, 51.

- Уади Тайбэ, 82, 84, 85, 88.
 Уади Талибъ, 178.
 Уади Таль, 81, 82.
 Уади Тарфа, 62.
 Уади Темманъ, 98, 104.
 Уади Усейтъ, 75, 80.
 Уади Феранъ. 41, 62, 82, 108,
 115, 121, 122, 123, 124, 125,
 126, 127, 128, 129, 130, 132.
 133, 135, 136, 137; 138, 140,
 146, 147, 152, 153, 154, 173,
 183.
 Уади Хардіа, 42, 46.
 Уади Шарбетъ, 179.
 Уади Шебейкэ, 82.
 Уади Шейхъ, 62, 138, 150, 177,
 182, 183, 188.
 Уади Шеллалъ, 90, 91, 158.
 Уади Эшъ, 150.
 Уербери, 135, 148, 159.
 Уладъ Саидъ, 180.
 Уманецъ, 110.
 Уммъ-Саадъ, 164.
 Уммъ-Таша, 177.
 Уммъ-Шоумеръ, см. Джебель:
 Усейтъ, см. Уади.
 Фараоны, 23, 40, 59, 100, 106,
 108, 165.
 Фараоновы бани, см. Джебель.
 Фарось, 5.
 Фаюмъ, см. Мединетъ.
 Феранъ, 128, 133, 137.
 Феранъ, см. Уади.
 Фивикіяне, 137, 151, 165.
 Фираунъ, см. Джебель.
 Фостатъ, 11.
 Фта, 17.
 Фурейа, см. Джебель.
 Хавара, см. Айнъ.
 Хаджи, 133, 134.
 Хаджаръ ер-Реккабъ, 54.
 Халигъ, 9.
 Халиль, см. Ел.
 Хамамъ, см. Джебель.
 Ханна, 170.
 Харандра, 64,
 Хардіа, см. Уади.
 Харейтунъ, 6.
 Хауранъ, 119.
 Хаузъ, см. Джебель.
 Хеви, см. Нукбъ.
 Хевронъ, 30.
 Хеопсъ, 13, 14, 15, 107.
 Нугах *syricus*, 67.
 Холера, 41, 71, 134.
 Хоривъ, 182, 183.
 Худъ-худъ, 147, 179.
 Хуфу, 107.
 Царьградъ, 4.
 Цебиль, см. Джебель.
 Ценимэ, см. Абу.
 Цицинія, 5.
 Цоанъ см. Сагъ.
 Чашечные камни, 116.
 Чердынъ, 157.
 Чермное море, 35, 43, 88, 167.
 Шамполіонъ, 99, 113.
 Шарбетъ, см. Уади.
 Швейпарія, 94.
 Шебейкэ, 144.
 Шебейкэ, см. Уади.
 Шебибъ, см. Абу.
 Шедіа, 8.
 Шейхъ, см. Уади.
 Шейхъ Салихъ, 72.
 Шейхъ Юсуфъ, 67, 71.
 Шеку, см. Абу.
 Шеллалъ, см. Уади.
 Schen, 87, 91.
 Шлейденъ, 60.
 Шоумеръ, см. Уммъ.
 Шубра, 12, 13.
 Эберсъ, 61, 63, 99, 113, 119, 152,
 166.
 Эзбекіа, 10.
 Элимъ, 35, 40, 57, 58, 60, 75.
 Эллада, 16.
 Эмпоріумъ, 5.
 Эолова арфа, 170.
 Эшъ, см. Уади.
 Юза, 27, 28, 30, 34, 40, 41, 44,
 46, 50, 52, 56, 65, 66, 70, 71,
 73, 80, 96, 97, 110, 111, 124,
 125, 133, 135, 136, 144, 145,
 146, 154, 160, 177, 182.
 Яффа, 30.
 Фивы, 17, 20.

**ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКІЙ СБОРНИКЪ**

Томъ I, выпускъ 1. В. Н. Хитрово. Православіе въ Святой
Землѣ. Цѣна 2 руб.

выпускъ 2. В. Н. Хитрово. Бордосскій путникъ.
Цѣна 1 руб.

выпускъ 3. М. А. Веневитиновъ. Житіе и хоженіе
Данила Русьскія земли игумена. 1-ая часть.
Цѣна 2 руб. 50 коп.

Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества за 18⁸⁸/₈₃ г.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

